

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова»

На правах рукописи

Никитин Александр Александрович

**БОРЬБА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
С УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Мухамедов Рашит Алимович

Ульяновск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ	23
1.1. Состояние уголовной преступности в Симбирской губернии	24
1.2. Регулирование деятельности правоохранительных органов по борьбе с уголовной преступностью в России	62
ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ	95
2.1. Жандармское управление губернии в борьбе с преступностью	96
2.2. Исполнительная полиция губернии в противодействии преступности .	115
ГЛАВА 3. УЧАСТИЕ СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКИХ ОРГАНОВ ГУБЕРНИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ	135
3.1. Судебно-следственные органы губернии в борьбе с уголовной преступностью	136
3.2. Органы прокуратуры в противоборстве с преступностью на территории губернии	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	199
ПРИЛОЖЕНИЯ	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что в современной России после коренных преобразований в социально-экономических, политических и культурных отношениях произошло ухудшение общей криминогенной ситуации. Развитие капиталистических отношений в новом государстве сопровождалось ломкой социалистического уклада, падением нравственных устоев и снижением социального контроля, что, в конечном счете, привело к всплеску асоциального поведения, проникновению элементов преступного поведения во все сферы общественной жизни. Изучение практического опыта деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности во второй половине XIX – начале XX в. становится актуальным, так как произошедшие после реформы 1861 г. процессы перекликаются с событиями конца XX – начала XXI в. В частности, ликвидация института крепостного права и либерализация общественных отношений способствовали распаду корпоративности купеческих и мещанских общественных объединений, ремесленных цехов, а также разрушению крестьянской общины, что в итоге привело к снижению мер социального дисциплинирования и увеличению количества случаев девиантного поведения.

В условиях становления правового государства, когда проблемы делинквентного (преступного) поведения и противодействия ему становятся приоритетными в обществе, представляется особенно важным изучение и осмысление опыта деятельности правоохранительных институтов по борьбе с уголовной преступностью на территории Симбирской губернии, накопленного в условиях противоречивой внутренней политики государства в 1861–1917 гг.

Таким образом, исследование уголовной преступности и деятельности по борьбе с ней представляется актуальным и современным в исторической науке, позволяющим раскрыть малоизученные стороны делинквентного

поведения и функционирования правоохранительных институтов на территории Симбирской губернии.

Объектом диссертационного исследования выступает деятельность органов правопорядка по борьбе с уголовной преступностью в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.; **предметом** – динамика и структура уголовной преступности, нормативно-правовое обеспечение деятельности правоохранительных органов, а также их мероприятия по противодействию преступности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1861 по 1917 г. Выбор нижней границы обусловлен тем, что с началом либеральных реформ произошла смена социально-экономической конъюнктуры, повлекшая за собой серьезные изменения в жизнедеятельности всего населения. Верхняя граница определена 1917 г., временем ликвидации деятельности правоохранительных институтов дореволюционной России в рамках изменения внутривнутриполитического курса.

Территориальные рамки диссертационной работы охватывают Симбирскую губернию, включавшую в себя Алатырский, Ардатовский, Буинский, Карсунский, Курмышский, Сенгилеевский, Симбирский и Сызранский уезды.

Степень разработанности проблемы. В советский период вопросы преступности дореволюционной России рассматривались только в рамках криминологии, под воздействием господствующей марксистской научной парадигмы. В результате вплоть до 2000-х гг. отсутствовали обобщающие исторические исследования, основанные на анализе широкого круга неопубликованных источников. В связи с этим на сегодняшний день сложилась острая необходимость в преодолении белых пятен истории, что способствовало бы созданию целостной картины процессов, происходивших в России пореформенного периода. А малочисленность в отечественной исторической науке региональных исследований, посвященных состоянию

уголовной преступности и деятельности правоохранительных органов по противодействию ей, подчеркивает актуальность заявленной темы.

Анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет нам сделать вывод о том, что исследование вопросов уголовной преступности и борьбы с ней находится на уровне фрагментарной изученности. На сегодняшний день отсутствуют специальные работы, где бы комплексно раскрывались данные проблемы. Научный интерес исследователей ограничивается лишь отдельными вопросами состояния преступности и деятельности того или иного правоохранительного института.

Проведенное изучение историографии проблемы позволяет выделить три периода в развитии научной мысли: дореволюционный, советский и современный (постсоветский), которые отличаются различными методологическими подходами и проблематикой исследовательских работ.

В рамках первого периода (1861–1917 гг.) процессы развития уголовной преступности и вопросы организации противодействия делинквентному поведению разрабатывались весьма успешно. В числе авторов, занимавшихся исследованием проблем преступности, находились представители криминологической науки. В частности, Е. Н. Тарновский¹ и М. Н. Гернет² произвели анализ динамики преступности, изучали влияние различных факторов на её возрастание и снижение. Проблематика научных изысканий касалась различных вопросов: рассматривались особенности развития сельской и городской преступности, влияние гендерных и половозрастных особенностей, а также воздействие института семьи на

---

¹ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–1894 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 3. С. 115–144; Его же. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 73–107; Его же. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 9. С. 52–99; Его же. Влияние войн на движение преступности // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 6. С. 48–89; Его же. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1–4. С. 100–122.

² Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М., 1905; Его же. Общественные причины преступности. СПб., 1916; Его же. Революция, рост преступности и смертная казнь. М., 1917.

преступное поведение¹. С. Гогелем, П. Ковалевским и М. Н. Гернетом исследовалась роль общества в профилактике и предотвращении уголовной преступности².

Проблемы развития полицейских органов и вопросы нормативно-правового обеспечения деятельности подразделений МВД в борьбе с преступностью долго рассматривались в период развития «полицейского права», когда исследователями были созданы первые исторические обзоры органов внутренних дел. Среди правоведов, занимавшихся данной проблемой, особо следует отметить С. Белецкого, И. П. Высоцкого, А. Д. Градовского, П. Руткевича и И. Т. Тарасова³.

В работах, посвященных изучению жандармских подразделений, рассматривались некоторые проблемы политического сыска, но недоступность источниковой базы не позволила исследователям в полной мере проанализировать деятельность полицейского аппарата, в результате все научные труды носили описательный характер⁴.

Участие прокуратуры в мировом суде, в осуществлении надзора и деятельность на предварительном этапе расследования уголовных

---

¹ Заменгоф М. Ф. Город и деревня в преступности // Труды слушателей. Юридический семинарий. 1913. С. 253–306; Его же. Преступность стариков // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 4. С. 144–181; Его же. Брак, семья и преступность // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 2. С. 143–174; Зеланд Н. Женская преступность. СПб., 1899; Тарновская П. Н. Женщины – убийцы. СПб., 1902; Тарновский Е. Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России. СПб., 1899 и др.

² Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914; Гогель С. Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб., 1906; Ковалевский П. Борьба с преступностью путем воспитания. СПб., 1910.

³ Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913; Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. СПб., 1903; Градовский А. Д. Начало русского государственного права: в 3 т. СПб., 1883; Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885.

⁴ Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы // Исторический вестник. 1912. Т. 127, № 2. С. 667–690; Гредескул Н. А. Террор и охранка. СПб., 1912.

преступлений исследовались Н. А. Буцковским, Ф. И. Гредингером, Н. В. Муравьевым, И. А. Остриковым и И. Г. Щегловитовым¹.

Деятельность полиции по расследованию уголовных преступлений, организации розыскных мероприятий и вопросы уголовного судопроизводства нашли свое отражение в работах С. И. Викторского, И. П. Генсиора, А. А. Квачевского, И. Я. Фойницкого, В. Фрома². Однако в трудах вышеуказанных авторов в большей степени раскрываются практические вопросы реализации оперативно-розыскной деятельности и лишь в некоторой степени затрагиваются исторические аспекты противодействия преступности правоохранительными органами.

Таким образом, в дореволюционный период проблемами исследования преступности и противостояния ей занимались профессиональные юристы. Изучение преступности велось в различных аспектах, рассматривалась динамика, структура противоправных деяний, причины и факторы, способствующие развитию преступности, а также меры (методы) противодействия ей. Отметим, что исследователи, изучая проблемы функционирования правоохранительных органов, в большей степени уделяли внимание вопросам деятельности полицейских органов.

Второй период – советский – охватывает время с 1917 до начала 1990-х гг. После революционных событий 1917 г. некоторые засекреченные документы оказались доступными для изучения. На основе анализа архивных документов Департамента полиции и Чрезвычайной следственной комиссии

---

¹ Буцковский Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867; Гредингер Ф. И. Прокурорский надзор за 50 лет. Пг., 1915; Муравьев Н. В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 2. С. 1–35; Остриков И. А. Роль прокурора на мировом суде // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 9. С. 77–106; Щегловитов И. Г. Прокуратура на предварительном следствии // Юридический вестник. 1887. Т. XXVI, кн. 1. С. 88–101.

² Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912; Генсиор И. П. Заметки об уголовном розыске и регистрации преступников. Ревель, 1911; Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебному Уставу 1864 г. : в 2 т. СПб., 1867; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1912; Фром В. Руководство по делам уголовным для чинов уездной полиции. Одесса, 1908.

Временного правительства создаются труды В. К. Агафонова, В. Я. Ирецкого, М. А. Осоргина, С. Г. Сватикова и других¹. В научных сочинениях исследуются отдельные моменты деятельности политической полиции, и только те, которые способствуют дискредитации правоохранительных органов царской России. В 1920–1930-х гг. научный интерес к политическому сыску по-прежнему не ослабевал и нашел свое отражение в исторических произведениях, отличавшихся определенной тенденциозностью (Г. Зильберт, Ж. Лонге, Л. П. Меньщиков, П. Е. Щеголев²).

Начало советского периода характеризуется также ослабеванием научного интереса к проблемам делинквентного поведения, провозглашенный тезис об отсутствии объективных причин преступности в социалистическом государстве привел к свертыванию криминологических исследований, их разработка продолжалась лишь до конца 1920-х гг. После долгого отсутствия работ в 1960 г. издается монография С. С. Остроумова, посвященная преступности и её причинам в дореволюционной России³. Автор в своем исследовании с позиций марксизма рассматривает статистические материалы, приведенные дореволюционными криминологами, не привлекая для анализа неопубликованных источников.

В 1960–1970 гг. среди исследователей возникает научный интерес к вопросам, касающимся структуры, организации, основных направлений деятельности полицейских органов, включая противодействие уголовной преступности в дореволюционной России. В трудах Т. И. Желудковой, Р. С. Мулукаева, К. Г. Федорова, А. Г. Чукарева, Д. И. Шинджикашвили и А. Н. Ярмыша в большей степени раскрывается «охранительная сущность»

---

¹ Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918; Ирецкий В. Я. Охранка. Пг., 1917; Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917; Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д, 1918.

² Лонге Ж., Зильберт Г. Терроризм и охранка. М., 1924; Меньщиков Л. П. Охранка и революция. М., 1932; Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

³ Остроумов С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1960.

деятельности органов, нацеленная на защиту государственного строя, чем основные направления и методы их работы¹.

В 1980-х гг. вектор в изучении органов внутренних дел смещается на исследование деятельности политической полиции и методов её сыска. Существенно расширяется проблематика и совершенствуются методы исследований, появляются диссертационные работы, посвященные борьбе Департамента полиции с преступлениями политического характера².

Вопросы реализации судебной реформы, становления системы уголовных судов, осуществления уголовных процессов в мировых судах и общих судебных установлениях, а также проблемы реорганизации прокуратуры впервые в советские годы были затронуты М. А. Чельцовым-Бебутовым в очерках истории суда и уголовного процесса³. В советский период деятельность прокуратуры по противодействию преступности фрагментарно затрагивалась в небольшом количестве публикаций периодических изданий⁴. Обобщенный анализ деятельности Министерства юстиции был произведен в начале 1980-х гг. в работе Н. Н. Ефремовой⁵. В

---

¹ Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977; Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Его же. Общеуголовная полиция дореволюционной России. М., 1979; Чукарев А. Г. Организация политического розыска царской Россией в XIX–XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. 1973. Т. 9. С. 160–169; Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973; Ярмыш А. Н., Федоров К. Г. История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д, 1976.

² Миролубов А. А. Политический сыск в России в 1914–1917 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

³ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957.

⁴ Казанцев С. М. Изменение в системе прокурорского надзора после судебной реформы 1864 года // Вестник Ленинградского университета. Сер. 6. 1986. Вып. 1. С. 81–89; Шавров А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864–1917) // Советское государство и право. 1985. № 12. С. 100–105.

⁵ Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг. М., 1983.

эти годы начинается исследование функционирования института присяжных заседателей в судебных органах¹.

Таким образом, изучение научной исторической литературы советского периода позволяет нам заключить, что разработка проблем, касающихся состояния уголовной преступности и деятельности правоохранительных органов, направленной на противодействие ей, находилась не на должном уровне. Лишь изучение сыскных функций политической полиции отличалось некоторой многообразностью и плюрализмом мнений во второй половине 1980-х гг.

На современном этапе развития исторической мысли существенно усилился научный интерес к вопросам становления, развития и функционирования государственных институтов в дореволюционной России. В частности, полное рассекречивание архивных фондов Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов в начале 1990-х гг. привело к созданию целого ряда работ, посвященных политическому сыску. В трудах С. Н. Галвазина, С. А. Степанова, Ч. А. Рууда исследовалось функционирование жандармских подразделений и использование различных методов сыска в борьбе с государственными преступлениями². Ф. М. Лурье и В. М. Жухрай в своих работах особое место уделили проблеме провокации в сыскной деятельности³, а З. И. Перегудова на основе привлечения достаточного количества архивных источников проанализировала всю систему сыска, осуществляемого жандармскими подразделениями в конце XIX – начале XX в.⁴ Кроме того, в 2002 г. вышел в свет составленный

---

¹ Афанасьев А. К. Суд присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866–1885 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

² Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

³ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Его же. Политический сыск в истории России 1649–1917 гг. М., 2006; Жухрай В. М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991.

⁴ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

В. С. Измозиком коллективный сборник «Жандармы России»¹, включивший в себя ряд статей, посвященных характеристике сыскной деятельности в Российской империи с XV до начала XX в. Исследованием проблем розыска на региональном уровне занимались С. И. Бойко, Е. Е. Гладышева, Е. А. Гончарова, В. Г. Дорохов, Н. В. Логачева, О. В. Парфёнов и другие².

Проблемы борьбы общей полиции и сыскных отделений с преступностью рассматривались историками как при создании общих работ по истории органов внутренних дел³, так и в исследованиях, посвященных непосредственно уголовному сыску⁴. В частности, А. О. Лядов, проведя историко-правовой анализ вопросов становления и развития сыскных отделений, в третьей главе диссертационного исследования рассмотрел формы

---

¹ Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

² Бойко С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2013; Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года (на материалах Саратовской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; Гончарова Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии / под ред. А. В. Воронежцева. Саратов, 2006; Дорохов В. Г. Политический сыск в Томской губернии (1881 – февраль 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005; Логачева Н. В. Политический сыск в губерниях Поволжья в 1860 – 1880-х гг.: на материалах Пензенской и Саратовской губерний : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005; Парфёнов О. В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: середина XVII – вторая половина XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; Плужников С. Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; Рябинцев Р. В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004.

³ Борисов А. В., Сизиков М. И. История полиции России (1718–1917 гг.). М., 1992; Гомонова С. А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012; Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX–XX вв.). Н. Новгород, 1993; Мулукаев Р. С., Елифанов А. Е., Чабан О. К. История отечественных органов дел в материалах их информационных подразделений. Волгоград, 1997; Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917). Рязань, 2001; Сизиков М. И. и др. Полиция России XVII–XX вв. М., 1992; Ялтаев Д. А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах (по материалам чувашских уездов) : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004.

⁴ Власов В. И., Гончаров Н. Ф. История розыскного процесса в России (законодательство и практика). Домодедово, 1997; Елинский В. И., Исаков В. М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX века). М., 1998.

деятельности Санкт-Петербургского уголовного сыска¹. Формы и методы борьбы органов внутренних дел с профессиональной преступностью рассматривались Д.С. Рыжовым². В последнее десятилетие в отечественной науке широко исследуются региональные особенности уголовного сыска³.

В постсоветский период детальному анализу подвергается деятельность судебных органов Российской империи. Авторы, раскрывая вопросы становления, развития и функционирования государственных институтов, уделяют внимание их деятельности по противодействию преступности. На основе архивных источников широко исследуются основные модели уголовного судопроизводства, практика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных поверенных, методы расследования в мировой юстиции, а также система выносимых наказаний⁴. Совершенно

---

¹ Лядов А.О. Уголовный сыск дореволюционной России: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.

² Рыжов Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью в 1866–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

³ Васильев А.В. Организационно-правовые основы деятельности полиции по борьбе с преступностью в Казанской губернии: 1862–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Калашникова С.И. История уголовного сыска в России в конце XIX – начале XX в.: на материалах Забайкальской области : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007; Короткова С.В. Сыскное отделение Самары (к истории вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 353–357; Лобанов А.В., Кузнецов О.В. Деятельность саратовского сыскного отделения по борьбе с общеуголовной преступностью в начале XX века // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1 (8). С. 146–152; Макаричев М.В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003; Сысоев А.А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730-х – 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004.

⁴ Астахов А.В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX в.: структура, состав и функционирование : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009; Галкин А.Г. Внутреннее устройство и специфика деятельности окружных судов пореформенной России (на примере Екатеринодарского окружного суда) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 7. С. 19–30; Громикова О.Е. Суд присяжных в России во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012; Каховская Т.Б. Мировой суд России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010; Пузанова О.А. Суд присяжных во Владимирской губернии: региональные особенности судоустройства и функционирования. 1864–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005 и др.

новым объектом исследования становится организация и деятельность волостного судопроизводства во второй половине XIX – начале XX в.¹

Роль органов прокуратуры в уголовном процессе и в борьбе с преступлениями политического характера рассмотрена в монографии С. М. Казанцева «История царской прокуратуры»². Проведя в четвертой главе анализ основных направлений деятельности пореформенной прокуратуры, автор пришел к выводу, что в уголовно-правовой сфере органам удавалось весьма эффективно сочетать обвинительные и надзорные функции. На современном этапе разрабатываются проблемы правового обеспечения деятельности прокуратуры³, осуществления надзора в сфере борьбы с преступностью⁴, а также участия в расследовании государственных и общеуголовных преступных деяний⁵.

Изучением деятельности института судебных следователей дореволюционной России в рамках историко-правовых исследований

---

¹ Баринов В. В. Волостное судопроизводство в России в конце XIX века // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 82–84; Безгин В. Б. Волостной суд сельской России (вторая XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/12/bezgin.pdf>; Ерин П. В. Волостной суд и обычное право в начале XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 60–62; Сорокин А. А. Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 121–125 и др.

² Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993.

³ Бриль Г. Г., Корняков А. А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // История государства и права. 2008. № 2. С. 25–27; Горячковская Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – XX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001; Коротков А. Г. Организационно-правовой опыт деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях 1904–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.

⁴ Жилина Ю. А. Прокурорский надзор в сфере борьбы с преступностью в России в начале XX века // Альманах современной науки и образования. 2011. № 3 (46). С. 21–23.

⁵ Кириллов М. М. Участие органов прокуратуры в предварительном следствии в пореформенный период (1864–1917 годы) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3. С. 281–284; Рыжаков Д. Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5–1. С. 198–204.

занимается Л.Л. Соловьева¹. На основе неопубликованных материалов местных архивов она проанализировала особенности практической деятельности следственных органов в центрально-черноземных губерниях России в 60–70-е гг. XIX в. В трудах А.Г. Галкина, Ю.С. Гусакова исследуются вопросы взаимодействия судебных следователей с полицейскими органами и прокуратурой в ходе расследования преступлений².

В постсоветский период значительно усилился интерес к изучению деятельности института земских участковых начальников. Отдельные направления их деятельности стали объектом внимания как историков, так и юристов³.

Изучение проблем преступности на современном этапе историками начинается в начале 2000-х гг., когда издается фундаментальный труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи»⁴. В восьмой главе своего исследования автор рассматривает динамику и факторы преступности в XIX – начале XX в., уделяя особое внимание понятийному аппарату и методам исследования. Проведя анализ состояния преступности в

---

¹ Соловьева Л.Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века: на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

² Галкин А.Г. Общественное значение оптимизации взаимодействия судебных следователей с судебными и правоохранительными органами Российской империи (1864–1890-е гг.) // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 36–42; Гусаков Ю.С. Взаимодействие судебного следователя и прокурора в России по реформе 1864 года // Научные ведомости Белгородского университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. Т. 16, № 10. С. 162–165.

³ Авдеева О.А. Институт земских начальников в Сибири // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2007. № 1 (12). С. 125–129; Аверичева О.М. Институт земских участковых начальников Орловской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013; Баева Е.В. Участковые земские начальники Самарской губернии // Платоновские чтения. 1998. Вып. 2. С. 3–6; Башкирева Н.В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Чуканов И.А. Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX – начало XX в.) // Право и образование. 2009. № 2. С. 134–137.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб., 2001.

Российской империи, Б.Н. Миронов приходит к выводу, что уровень противоправных деяний зависит от социально-экономического развития и морально-нравственного состояния общества.

На сегодняшний день в диссертационных исследованиях достаточно полно разработаны некоторые аспекты состояния уголовной преступности, а также деятельности, направленной на борьбу с ней. Непосредственно вопросами выявления причин преступного поведения занимается С.Г. Федоров¹, состояние уголовной преступности исследуют Е.Н. Косарецкая, М.А. Смирнов, В.Е. Политов, М.П. Шепелева². Деятельность по противодействию преступности в масштабах российского государства исследуют Н.Б. Атапин, С.А. Бушуева и В.Ю. Голдинов³, в границах отдельно взятых регионов изучением занимаются С.И. Морюшкин и О.В. Харсеева⁴.

Проблемами российской преступности занимались также и зарубежные исследователи. В частности, в американской историографии разрабатывались

---

¹ Федоров С.Г. Влияние модернизационных процессов на правовое поведение и преступность крестьянства Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2010.

² Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2007; Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006; Политов В.Е. Криминогенная ситуация в Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2007; Шепелева М.П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861–1917 гг. на примере Курской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.

³ Атапин Н.Б. Борьба с девиантным поведением и уголовной преступностью в Российской империи (1881–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2007; Бушуева С.А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Голдинов В.Ю. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁴ Морюшкин С.И. Преступность и борьба с ней в пореформенной России (на материалах Рязанской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009; Харсеева О.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в России в середине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: на материалах Курской губернии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

некоторые вопросы уголовной статистики, женской преступности и проблемы конституирования криминологии в России¹.

Анализ региональных исследований применительно к Симбирской губернии позволил выявить, что вопросы деятельности правоохранительных институтов по борьбе с противоправными деяниями остаются на сегодняшний день недостаточно изученными, а проблемы состояния уголовной преступности во второй половине XIX – начале XX в. представители исторической науки и вовсе обошли вниманием. Ю. Б. Сысуев² и В. В. Шабаев³ в своих диссертационных исследованиях в ходе анализе мероприятий по борьбе с уголовной преступностью рассмотрели некоторые направления деятельности органов общей полиции региона. В рамках исследования жандармских подразделений Поволжья более детально изучены проблемы оперативно-розыскных мероприятий органов политической полиции Симбирской губернии в трудах В. Н. Кузнецова и В. В. Романова⁴. Анализ опыта функционирования судебных органов с участием присяжных заседателей проведен Р. Р. Мухамедовым⁵, изучение мирского (общинного) судопроизводства чувашского крестьянства региона осуществил Д. В. Егоров⁶.

Анализ научной исторической литературы позволяет нам сделать вывод о том, что современный этап характеризуется достаточным многообразием исследуемых проблем и плюрализмом оценок. Наибольший

---

¹ См.: Adams B. F. *Criminology, Penology and Prison Administration in Russia: 1863–1917*. Ph. D. diss., University of Maryland, 1981; Frank St. *Narratives within Numbers: Women, Crime and Judicial Statistics in Imperial Russia, 1834–1913* // *The Russian Review*. 1996. Vol. 55. October. P. 542–566.

² Сысуев Ю. Б. *Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века* : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002.

³ Шабаев В. В. *Уездная полиция Российского государства второй половины XIX – начала XX века (на территории Мордовии)* : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

⁴ Кузнецов В. Н. *Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг.* Ульяновск, 2007; Романов В. В. *Организация и деятельность политической полиции Поволжья в конце XIX – начале XX в.* М., 2003.

⁵ Мухамедов Р. Р. *Суды присяжных заседателей в Симбирской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Ульяновск, 2009.

⁶ Егоров Д. В. *Деятельность мирского суда чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX века* : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2010.

интерес у историков вызывают проблемы становления, развития и деятельности полицейских органов.

Таким образом, степень исследованности проблем борьбы с уголовной преступностью во второй половине XIX – начале XX в. крайне неравномерна. Достаточно полно исследована деятельность политической полиции по противодействию государственным и другим преступлениям, имеющим политическую окраску, в меньшей степени изучена работа исполнительной полиции и судебных органов. В то же время незначительно исследованы или полностью выпали из поля зрения научного сообщества вопросы функционирования следственных органов и прокурорского надзора. В связи с этим существует необходимость в проведении комплексного исследования деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Цель: комплексное изучение деятельности органов правопорядка губернии по борьбе с уголовной преступностью на территории Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Для реализации поставленной цели существует необходимость в решении следующих **задач:**

- реконструировать динамику и структуру уголовной преступности в регионе;
- произвести анализ нормативной базы и выявить степень правового обеспечения деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- изучить основные направления деятельности полицейских органов по борьбе с уголовной преступностью на территории региона;
- исследовать деятельность судебно-следственных органов по расследованию противоправных деяний и разрешению уголовных дел;
- рассмотреть участие прокуратуры в деятельности по противодействию уголовной преступности.

Источниковая база диссертационного исследования состоит из пяти групп документов.

Первую группу источников составляют опубликованные нормативно-правовые акты, регламентировавшие деятельность правоохранительных институтов в борьбе с уголовной преступностью. К ним относятся законы и иные нормативно-правовые акты Российской империи, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), Своде законов Российской империи, Собрании узаконений и распоряжений правительства и сборнике циркуляров и инструкций МВД.

Ко второй группе источников относятся архивные (неопубликованные) документы, извлеченные из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). В фонде Департамента полиции МВД (ГАРФ. Ф. 102) содержатся нормативно-правовые акты, регулирующие функционирование политической полиции. В фондах Канцелярии Симбирского губернатора (ГАУО. Ф. 76) и Симбирского жандармского управления (ГАУО. Ф. 855) присутствуют циркулярные распоряжения 3-го отделения СЕИВК и МВД, дела о лицах, состоящих под надзором полиции, рапорты полицейских сотрудников, отчеты полицейских органов и иная делопроизводственная документация. Документы фондов Карсунского уездного полицейского управления (ГАУО. Ф. 244), Сенгилеевского уездного полицейского управления (ГАУО. Ф. 264) и Симбирского городского полицейского управления (ГАУО. Ф. 675) содержат в себе донесения станowych приставов о происшествиях, материалы дознаний по некоторым преступным деяниям. Из фондов Канцелярии председателя Симбирского окружного суда (ГАУО. Ф. 454), городских судей Симбирска (ГАУО. Ф. 461, Ф. 462, Ф. 465), земского начальника 1-го участка Сенгилеевского уезда (ГАУО. Ф. 478) извлечены статистические отчеты о деятельности судебных и следственных органов, а также земских участковых начальников, которые впервые вводятся в научный оборот. Конкретные уголовные процессы исследованы в фондах Симбирского окружного суда уголовного отделения (ГАУО. Ф. 1). В фонде прокурора Симбирского окружного суда (ГАУО. Ф. 108) изучены статистические сведения о

деятельности прокурора и его помощников, делопроизводственная переписка по вопросам расследования уголовных преступлений.

Третью группу источников составляют опубликованные статистические материалы¹, в которых содержатся ежегодные отчеты о количестве совершенных преступлений в губернии, деятельности судебных органов и сведения о числе лиц, арестованных полицейскими органами.

В состав четвертой группы источников входят периодические издания как дореволюционного, так и современного периода². В региональной прессе отражаются положения обязательных постановлений губернаторов, периоды сессий судебных органов и объявления о розыске преступников. Изучение данной группы источников способствовало углублению знаний об общей деятельности по противодействию преступности в Симбирской губернии.

Пятую группу источников составили воспоминания и мемуары командира Отдельного корпуса жандармов П. Г. Курлова, жандармского офицера А. И. Спиридовича, начальника Московской сыскной полиции в 1908–1917 гг. А. Ф. Кошко и симбирского губернатора в 1904–1906 гг. Л. В. Яшвиля³. В этих воспоминаниях содержится информация об организации некоторых методов деятельности полицейских органов по борьбе с преступностью.

Совокупное использование указанных групп источников позволило диссертанту получить необходимую информацию для достижения цели и решения поставленных в настоящем диссертационном исследовании задач.

Научная новизна. Впервые на уровне диссертационной работы исследована деятельность правоохранительных органов Симбирской губернии по противодействию уголовной преступности. В научный оборот

---

¹ Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. Симбирск : губ. тип., 1889.

² Симбирские губернские ведомости, Молодежная газета.

³ Курлов П. Г. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М., 1923; Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991; Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 1991; Яшвиль Л. В. Воспоминания о Симбирске (1905–1906 гг.). Киев, 1906.

вводится значительное количество ранее не опубликованных архивных источников, которые позволили выявить не исследованные вопросы движения и структуры уголовной преступности в регионе и основные направления деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней во второй половине XIX – начале XX в.

Указанные положения соответствуют пунктам: 2; 4 и 15 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость состоит в том, что раскрыта сущность процесса противодействия преступности во второй половине XIX – начале XX в. как одного из элементов взаимоотношений государства и общества, раскрыты связи между органами правопорядка.

Практическая значимость заключается в том, что материалы диссертационной работы могут быть использованы при дальнейшем исследовании отечественной истории, в процессе чтения лекционных курсов, разработке учебных пособий, обобщающих трудов и монографий по истории России, истории государства и права. Отраженный опыт деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью может быть учтен и использован при проведении реформ в современной России.

Методология и методы исследования. Основой исследования являются общенаучные методы: анализа, синтеза, индуктивный, дедуктивный, традуктивный, статистический и описание. Из конкретно-исторических методов выделим историко-генетический метод, позволивший выявить причинно-следственные связи и закономерности развития уголовной преступности и деятельности органов правопорядка; историко-системный метод предоставил возможность рассмотреть правоохранительные органы в виде совокупности элементов в процессе борьбы с преступностью, а историко-сравнительный – сходства и различия динамики преступности, форм и методов противодействия делинквентному поведению в регионе и в стране в целом. Статистический метод применялся в ходе обработки

сведений о численности преступлений и количестве осужденных судебными учреждениями. Специально-юридический (формально-юридический) метод использовался в ходе анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность правоохранительных институтов. При проведении настоящего исследования мы руководствовались принципами истины, конкретности, историзма, объективности и системности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Динамика уголовной преступности в регионе имела циклический характер с различными периодами колебаний и соответствовала общероссийской тенденции. В структуре уголовной преступности преобладали противоправные деяния, направленные против личности и имущества частных лиц, составлявшие в разные годы 60–80 % от общего количества зарегистрированных преступлений.

2. В развитии правовых основ деятельности правоохранительных органов выделяются три периода. Первый характеризуется переустройством функционирования институтов в рамках либерализации законодательства (1860–1870-е гг.). В годы второго периода (1881–1905 гг.) происходит общее ужесточение правового положения и усиление полицейских начал, что привело к увеличению функций правоохранительных институтов. Для третьего периода (1906–1917 гг.) характерна некоторая непоследовательность в правовом обеспечении деятельности органов правопорядка и отсутствие четких формулировок в нормативно-правовых актах.

3. В период реализации мер по противодействию преступности полицейские органы осуществляли деятельность по следующим направлениям: предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Наиболее плодотворно действовали сотрудники при раскрытии противоправных преступлений, менее удачно осуществлялись предупреждение и пресечение преступлений.

4. Внутриполитический курс развития государства в различные годы оказывал влияние на возрастание или уменьшение процента осужденных

судебными органами. В частности, ужесточение правового положения в период контрреформ Александра III вызвало увеличение доли осужденных до 70–75 %, а изменение государственного курса при Николае II привело к снижению процента осужденных Симбирским окружным судом до 60–70 %. В национальных селах губернии по некоторым преступным деяниям правосудие осуществлялось общинами в рамках традиционного уклада.

5. Прокуратура окружного суда осуществляла организацию и координацию деятельности правоохранительных органов в борьбе с уголовной преступностью на территории губернии, а также являлась активной стороной государственного обвинения в судебных заседаниях.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов, полученных в ходе исследовательской деятельности, обусловлена критическим анализом и использованием отечественных и зарубежных научных трудов, привлечением достаточно широкого круга источников (опубликованных и неопубликованных), обладающих необходимой информацией для решения поставленных задач, с опорой на достижения современной исторической науки в области методологии.

Основные положения, отражённые в диссертационном исследовании, представлены в 8 публикациях автора общим объёмом 2,33 п. л., из них 3 работы опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов соискателя ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Апробация результатов исследования осуществлялась диссертантом также в форме научных сообщений и докладов на II Международной научной конференции «Вопросы исторической науки» (г. Челябинск, май 2013 г.) и II Международной научной конференции «Право: история, теория, практика» (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Уровень развития уголовной преступности является одним из показателей состояния общества. Преступность – это исторически изменчивым социальным и уголовно-правовым негативным явлением, представляющим собой систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени¹. Для стабильного традиционного общества, в котором подавляющее большинство индивидов проживает в локальных объединениях, характерна низкая преступность, а в индустриальном обществе, вследствие высокого уровня урбанизации и развития общественных связей, отмечается значительный рост числа противоправных деяний. Наиболее высокие показатели преступности отмечаются в период осуществления коренных преобразований во всех сферах общественных отношений. В связи с этим вторая половина XIX – начало XX в. как период модернизации экономической, социальной и политической систем представляет наибольший научный интерес.

В Российской империи в условиях формирования принципиально новой социально-политической системы и изменения криминогенной ситуации образовались самостоятельные судебные инстанции, следственные органы, прокуратура и адвокатура, произошла реорганизация полицейских учреждений, трансформировалась нормативно-правовая регламентация деятельности правоохранительных институтов. Реформирование органов правопорядка в значительной степени способствовало либерализации общественной жизни в государстве, созданию правовых основ для дальнейшей модернизации страны, а также явилось серьезным шагом на пути становления гражданского общества и правового государства.

---

¹ Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 90.

1.1. Состояние уголовной преступности в Симбирской губернии

Получение гражданских прав крестьянством и процесс эмансипации способствовали некоторому росту уровня уголовной преступности в Российской империи. В частности, отмена крепостного права предоставила людям свободу и ограничила контроль над человеком со стороны государства и общества. Развернувшаяся индустриализация привела к появлению новых социальных слоев общества, что способствовало определенному росту степени криминализации. К примеру, рабочие, большинство из которых являлись выходцами из крестьянской среды, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-земледельцы, проживавшие в общине¹. Развивающиеся капиталистические отношения способствовали развитию индивидуальности и предприимчивости частных лиц, а главное – привели к сосредоточению материальных благ в руках отдельных лиц и сословий, что «позволило» им вести себя более свободно, и эта свобода порой проявлялось в виде делинквентного поведения. Кроме того, их материальные ценности становились объектом покушения со стороны злоумышленников. Ещё одним фактором роста преступности стало изменение ментальных черт населения в результате смены социальных ценностей в пореформенный период.

Количество следствий, то есть известных правоохранительным органам правонарушений, в наибольшей степени соответствовало реальному уровню крупной преступности, так как некоторые преступные деяния после проведенного расследования квалифицировались следственными или судебными органами как не содержащие в себе признаков состава преступления. И в то же время в рамках одного следственного дела могли расследоваться несколько преступных действий. Следовательно, количество возникших следствий отражало лишь приблизительный уровень преступности. Определение уровня противоправных деяний по количеству

---

¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 95.

уголовных дел, рассмотренных в судебных заседаниях, и по количеству осужденных также не может дать нам реальной картины состояния преступности. Связанно это, прежде всего, с тем, что по некоторым совершенным преступлениям полицейским и следственным органам не удавалось обнаружить виновных и привлечь их к уголовной ответственности в судебных инстанциях. Исследование мелких правонарушений и преступлений, которые рассматривались мировыми судьями, уездными членами окружного суда и городскими судьями, земскими участковыми начальниками, волостными судами или чинами городской (уездной) полиции, является затруднительным ввиду отсутствия полной статистики по ним. Ещё одним фактором, не позволяющим определить реальный уровень противоправных деяний, выступает латентная часть преступности, включающая в себя скрытые и скрываемые преступления. Таким образом, в данном исследовании количество следствий отражает зафиксированный уровень крупной преступности.

Анализ статистических сведений позволил нам выстроить динамику преступности в регионе, которая носила явно циклический характер (см. приложение 1). Отмена крепостного права привела к значительному росту преступности. Прежде всего, увеличилось число имущественных и насильственных преступлений, которые составляли соответственно 48,5 и 21,5% от общего количества преступных деяний¹, что говорит о смещении объекта преступлений на частных лиц и их собственность. Эмансипация позволила ранее ограниченным в своих правах подданным обращаться в судебные инстанции, что сразу же нашло свое отражение в криминальной статистике. Однако из-за отсутствия до 1871 г. четкой системы составления статистических отчетов можно предположить, что в статистических сведениях об уровне преступности за 1867 г. присутствуют данные не только по крупной, но и, частично, по мелкой преступности.

---

¹ Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33.

Исследованные нами данные свидетельствует о том, что в 1871 г. количество совершенных крупных противоправных деяний составляло 2640 случаев, что на 40 % меньше по сравнению с 1867 г. Однако уже к началу следующего десятилетия показатель уровня преступности имел тенденцию к росту. Для конца XIX и начала XX в. характерно снижение количества противоправных действий. Революционные потрясения вновь привели к быстрому росту преступности, которая в предвоенные годы достигла уровня, сопоставимого с уровнем начала 1880-х гг. В период Первой мировой войны преступность снизилась по сравнению с 1911 г. примерно на 33 %. При этом следует учесть тот факт, что Симбирская губерния в 1907–1909 гг. и во время мировой войны находилась в положении чрезвычайной охраны. В ходе реализации обязательных постановлений губернаторов некоторые преступления могли рассматриваться не в судебном порядке, а в рамках административного права, что, естественно, приводило к снижению отражаемого в статистических отчетах уровня преступности. Данная тенденция была характерна для всей Российской империи. Е. Н. Тарновский отмечает, что преступность в 1914–1916 гг. по сравнению с предвоенными 1911–1913 гг. в целом по стране снизилась примерно на 28–29 %, но уже начиная с 1916 г. вновь стала расти¹.

Сравнительный анализ уровня преступности в уездах и крупных городах губернии (Симбирске и Сызрани) выявил следующее (см. приложение 2). Наибольшее число преступлений совершалось в Карсунском, Буинском, Симбирском и Сызранском уездах, в них зафиксировано более четырехсот преступных деяний в годы подъема преступности (1881 г.) и около двухсот в период спада (1902 г.). Средние показатели по губернии принадлежали Алатырскому, Курмышскому и Сенгилеевскому уездам – около двухсот следствий ежегодно. Однако уже в начале XX в. в Алатырском, Курмышском, а также Симбирском и Сызранском уездах

---

¹ Тарновский Е. Н. Влияние войн на движение преступности. С. 88; Его же. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. С. 100–122.

отмечается увеличение темпов роста преступности. Наименьшее количество преступных деяний за весь исследуемый период было совершено в Ардатовском уезде, от ста до двухсот. В крупных городах губернии уровень преступности был примерно одинаков и редко превышал рубеж в 200 следственных дел.

Таким образом, максимальные показатели преступности наблюдались в уездах с наибольшим количеством населения и развитым аграрно-промышленным сектором. Высокий уровень преступности характерен также для территорий с компактным проживанием тюркоязычных народов (Буинский уезд), в то время как среди мордовского и русского населения Ардатовского уезда фиксировались минимальные количественные значения.

Авторы, разрабатывавшие проблемы общероссийской динамики преступности, сходятся во мнении, что она имела явно циклический характер. Крупнейший исследователь уголовной статистики в дореволюционной России Е. Н. Тарновский в своих работах приводит упорядоченные данные за 1874–1890 и 1899–1908 гг. Взяв для сравнения сведения об общем числе дел, возникших у следователей и в органах прокурорского надзора, мы видим, что в период с 1874 по 1890 г. наблюдаются фазы как роста, так и спада преступности. Изучение статистики показывает, что с 1875 г. количество следствий начинает расти, и в 1880–1881 гг. рост становится максимальным, составляя 32% от уровня начальной даты (1874 г.). Затем, вплоть до конца 1880-х гг., уровень преступности снижается, превышая при этом показатель реперной точки на 5–8%. В 1891–1894 гг. вновь наблюдается рост преступности на 14–18%¹.

Анализ данных о количестве следствий, возникших в 1899–1908 гг., позволил нам сделать заключение о линейном характере роста преступности с 1899 по 1906 г. и ее снижении в период 1907–1908 гг.² Таким образом,

---

¹ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–1894 гг. С. 123–124.

² См.: Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. С. 66.

приведенные данные со всей очевидностью свидетельствует о том, что динамика уровня преступности в рассматриваемый период имела циклический характер. И этот вывод был сделан еще дореволюционными исследователями.

Крупнейший исследователь социальной истории Б. Н. Миронов полагал, что преступность в пореформенный период непрерывно возрастала, с одной остановкой в 1890-х гг. (см. таблицу 1). Он приводит положения об увеличении числа преступлений в период реформ Александра II, уменьшении их при консервативном правлении Александра III и вновь увеличении при противоречивой и неустойчивой политике Николая II. Это утверждение в целом подкрепляют данные по Симбирской губернии, полученные нами в ходе исследовательской работы.

Таблица 1

Динамика преступности в России в 1861–1913 гг.*

Показатель	1861– 1870 гг.	1883– 1889 гг.	1899– 1900 гг.	1901– 1910 гг.	1911– 1913 гг.
Количество совершенных преступлений, тыс.	599	824	1477	1891	2888

* Составлено по: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 85.

Показатели преступности свидетельствуют о том, что чем более жесткую внутреннюю политику проводил император, тем ниже был уровень преступности, и, наоборот, чем мягче внутривластный курс императора, тем выше была преступность. Консервативная политика государя сопровождалась, с одной стороны, усилением репрессий против злоумышленников, с другой – повышением социального контроля за поведением населения со стороны государства и корпоративных обществ, что фактически лишало возможности совершения безнаказанных поступков индивидом и вследствие этого сдерживало от проявления всех видов девиантного поведения, в том числе и делинквентного. Ослабление же

контроля со стороны государства и общества увеличивало вероятность остаться индивидам безнаказанными при совершении противоправных поступков¹. Из этого следует, что чередование либеральных и консервативных курсов породило образование цикличности в динамике преступности. Исключением является период правления Николая II, в который наблюдались и рост, и снижение уровня противоправных деяний, что связано, прежде всего, с непоследовательной политикой императора и имевшими место проблемами в ходе реализации правительственного курса.

Динамика уголовной преступности Симбирской губернии в целом вписывалась в общероссийскую тенденцию. Исключительным фактом являлось лишь то, что количество совершенных преступлений в 1867 г. было значительно выше, чем в последующие десятилетия. Исследователи общероссийской преступности сходятся во мнении, что уровень противоправных деяний в пореформенный период постоянно возрастал, имея при этом фазы активного роста и незначительного спада. Если допустить, что в отчете за 1867 г. присутствуют данные не только по крупной, но и по мелкой преступности, то в данной ситуации следует привлечь имеющиеся материалы по статистике уголовных дел у уездных членов Симбирского окружного суда и городских судей за 1915 г. Это позволит нам частично определить количество совершенных мелких преступлений в губернии и в совокупности с крупными противоправными деяниями установить общий уровень преступности в 1915 г. Полученные таким образом данные свидетельствуют о росте общей преступности в 1915 г. по сравнению с 1867 г. на 70% (см. приложение 3). И это означает, что впервые поставленные нами в работе проблемы требуют дальнейшего более полного и комплексного изучения.

Далее будем анализировать динамику конкретных видов и родов преступлений.

---

¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 84.

Переходя к рассмотрению преступлений против веры, следует упомянуть, что в дореволюционной России православная церковь занимала господствующее положение по отношению к другим религиозным учениям и являлась частью государственного аппарата. Поэтому для защиты православной религии от различных посягательств законодательством предусматривалась уголовная ответственность. В отечественной историографии и криминологии данная группа противоправных деяний получила название «религиозные преступления». Количество религиозных преступлений в числовом выражении было небольшим, составляя 30–60 деяний ежегодно. Исключением являлся только 1867 г., когда уровень подобных деяний достиг 92 случаев. Тем не менее на всем протяжении исследуемого периода религиозные преступления составляли всего около 2% от общего количества совершенных противоправных действий (см. таблицу 2).

Таблица 2

Количество религиозных преступлений, совершенных
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	92	45	34	32	42	67
Доля от общего числа преступлений, %	2,0	2,3	1,9	2,0	2,2	2,9

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–169.

Религиозная преступность во второй половине XIX в. имела тенденцию к снижению, а в начале XX в. – к подъему (см. приложение 4). Ее минимальные показатели фиксировались в 1880-е и 1890-е гг. Тогда же наблюдался рост количества осужденных за данный вид преступлений, в

отличие от других десятилетий, когда преступность имела более высокие показатели (см. приложение 5).

Среди всех религиозных преступлений богохульство воспринималось как тяжкий вид оскорбления людей, косвенное колебание начал общественного устройства и потенциальную опасность для общественного порядка¹. В связи с этим наказание за богохульство было наиболее суровым. В соответствии с законодательством за публичное возложение хулы в церкви следовало лишение всех прав и состояний, а также ссылка на каторжную работу от 12 до 15 лет². Нередко данное преступление совершали раскольники. К примеру, летом 1883 г. во время религиозных прений православных с раскольниками житель села Кладбищи Алатырского уезда крестьянин Иван Корчагин, раскольник федосеевского толка, назвал православную и единоверческую церкви «блудницами», а священников – «отступниками и еретиками»³.

Уголовное законодательство защищало духовных лиц во время священнослужения и святыни от оскорбления. Примером последнего могут служить события, произошедшие 15 декабря 1870 г. в селе Тереньга Сенгилеевского уезда, на фабрике купцов Акчуриных, где крестьянин Казанской губернии Хайрулл Измогилов, 18 лет, «каким-то острым орудием» исцарапал образ Иисуса Христа и Святого Николая Чудотворца⁴.

Оскорбление святынь и нарушение церковного благочиния совершались достаточно редко, в уголовной статистике фиксировалось всего 1–2 преступления в год. Количество богохульств и порицаний веры составляло более полутора десятков. О явном спаде преступлений, связанных с отступлением от веры и постановлений церкви, свидетельствуют статистические данные. Если в 1870 г. установленных фактов преступных деяний отмечено 39, то уже в 1887 г. – 6, в 1897 г. – 5, а в начале XX в.

---

¹ Лохвицкий А. Указ. соч. С. 292.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Ст. 176.

³ ГАУО. Ф. 1. Оп. 66. Д. 8. Л. 27.

⁴ Там же. Оп. 53. Д. 3. Л. 36.

не было зафиксировано ни одного противоправного поступка (см. приложение б).

Преступления, связанные с «отвлечением» от православной веры в «нехристианскую», в соответствии с уголовным законодательством, могли осуществляться посредством насилия, подговора, обольщения или иными средствами¹. Распространение между православными уже существующих ересей или расколов² также трактовалось как отступление от веры. К примеру, крестьяне села Кабаево Алатырского уезда Филипп Исайкин и Василий Арискин, состоя наставниками молоканской секты в своем селе, зимой 1897 г. повенчали по обряду молоканской секты православных девушек: Дарью Быкову с молоканином Матвеем Исайкиным и Наталью Демяшкину с молоканином Тимофеем Арискиным³.

Анализ данных, приведенных в приложении 7, позволяет определить очевидную тенденцию циклического роста числа преступлений следующих групп: святотатство, разрытие могил и ограбление мертвых тел. Святотатство представляло собой хищение церковных денег и вещей, то есть имело имущественный характер, а следовательно, и обладало той же тенденцией, что и имущественные преступления. В исследуемый период уровень преступлений данной группы достиг наибольшего значения в 1905 г. – 35 преступных деяний. Тогда как в 1970-е и 1890-е гг. было совершено лишь несколько противоправных действий, а в 1887 и 1915 гг. отмечено 15 и 19 случаев соответственно. Количество преступлений, связанных с лжеприсягой, составляло 1–2 деяния в год, однако в период Первой мировой войны возросло до трех десятков.

Разрытие могил и ограбление мертвых тел совершались в единичных случаях. В частности, летом 1880 г. крестьяне села Федькино Сенгилеевского уезда Я. Подгорнов, В. Солдатов, Я. Потапов и другие «вследствие своего

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Ст. 184.

² ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 2. Л. 2; Д. 3. Л. 46.

³ Там же. Л. 27.

воображения, предположили, что установившаяся засуха произошла от погребения на кладбище умершего от оспы Е. Горячева и по предварительному между собой уговору вырыли из могилы тело, перевезли его в болото, где и зарыли»¹. Церковь трактовала подобные проявления язычества как занятия, тесно связанные с тягчайшим религиозным преступлением – отпадением от веры².

Таким образом, религиозные преступления, которые рассматривались государством как посягательства на существующий строй, имели небольшое распространение, составляя около 2% от всех совершенных противоправных деяний. Большая часть из них приходилась на святотатство, разрытие могил и ограбление мертвых тел, то есть на противоправные действия, которые с введением нового уголовного уложения в 1903 г. стали относиться к имущественным преступлениям.

Следующим видом уголовных противоправных деяний являются государственные преступления. В начале исследуемого периода их число было незначительным. Так, в 1867 г. правоохранительные органы зарегистрировали 2 подобных деяния. В последующем, вплоть до начала XX в., преступления данного вида не фиксировались следственными органами, так как утвержденные императором 19 мая 1871 г. «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений»³ передали дознание и следственные действия по государственным преступлениям офицерам корпуса жандармов, а закон от 7 июня 1872 г. внес в Устав уголовного судопроизводства поправку и установил новый порядок расследования государственных преступлений с их передачей особому присутствию при Правительствующем Сенате с

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 62. Д. 6. Л. 77.

² Лебедев В. Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX в. URL: http://www.adhdportal.com/book_1717_chapter_5_1.2._Sut_ekonomiki_zemlekoristuvannja_ta_zemlevporjad-kuvannja.html.

³ Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ. Собр. II. Т. 46. № 49615.

сословными представителями¹. Однако введение нового Уложения о наказаниях в 1903 г. и революционные потрясения вновь вернули рассмотрение государственных преступлений судебным инстанциям. В 1915 г. следователями Симбирского окружного суда расследовалось 33 государственных преступления (см. таблицу 3).

Таблица 3

Данные о государственных преступлениях, совершенных в 1915 г.*

Показатель	Бунт против верховой власти	Государственная измена и смута
Количество преступлений	30	3
Количество привлеченных обвиняемых, чел.	12	0

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 47. Д. 43. Л. 55.

Противоправные действия и проступки против порядка управления были близки к государственным преступлениям. Их количество в числовом отражении колебалось от 60 до 100 преступлений в год. В целом уровень преступности не изменялся в течение всего исследуемого периода, в среднем составляя около 80 противоправных деяний. И только в 1867 г. было зарегистрировано их максимальное число – 100 деяний и в 1915 г. – минимальное – 62 (см. приложение 8). Именно в конце исследуемого периода наблюдалось снижение количества деяний от общего числа преступлений, которое составило менее 3%, тогда как в 1870–1905 гг. этот показатель находился на уровне 4% (см. таблицу 4).

Динамики количества осужденных имела ту же тенденцию, что и динамика преступлений против порядка управления. Исключение составил только 1897 г., когда количество осужденных значительно сократилось по сравнению с количеством совершенных преступлений (см. приложение 9).

¹ Александров О. Г. Указ. соч. С. 46.

Данные о преступлениях против порядка управления, совершенных
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	100	77	80	76	83	62
Доля от общего числа преступлений, %	2,2	4,0	4,6	4,7	4,3	2,7

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

Среди всех противоправных деяний, направленных против порядка управления, наибольшее число составляли преступления, посягающие на управленческую деятельность представителей власти или «неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности» (см. приложение 10). В 1870 г. было совершено 43 подобных деяния. В период консервативного правления Александра III их количество повысилось до 62 (1887 г.), но уже в следующем десятилетии снизилось до 46 (1897 г.), а с началом Первой русской революции в 1905 г. уровень противоправных действий, направленных против порядка управления, вновь повысился.

Примерами преступлений против порядка управления служат события, произошедшие в селе Промзино Алатырского уезда. В ночь на 24 марта 1899 г. крестьяне Андрей Ертушев, 23 лет, и Александр Мухин, 46 лет, составили объявление, заключающее в себе оскорбительные выражения («дураки», «подлец» и другие) в отношении волостного старшины Тяпкова и волостного писаря Суркова, и приклеили это объявление на улице села Промзина¹. В другом случае крестьяне деревни Ратмановой Ардатовского уезда Игнатий Трофимов и Петр Петров, а также крестьянин города Ардатова Иван Кочетков в жалобе на действия земского начальника

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 5. Л. 30.

6-го участка Ардатовского уезда, поданной на имя Симбирского губернатора 28 сентября 1898 г., с намерением поместили оскорбительные выражения¹.

Количество преступлений, связанных с присвоением власти и составлением подложных официальных документов, имело тенденцию к росту до конца XIX в. и незначительному спаду в начале XX в. Максимальный уровень преступности в исследуемый период приходился на 1897 г., когда она составляла 22 преступных деяния. Сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным властям были достаточно частыми в 1870 г. (22 случая), но в последующие десятилетия происходили не чаще 3 раз в год. Наименьшие показатели среди преступлений против порядка управления зафиксированы по «побегу из мест лишения свободы или содержания под стражей», а также по «похищению официальных документов из государственных учреждений и деяниям, посягающим на порядок обращения печатей и правительственных знаков» – в год их фиксировалось не более 10 деяний. При этом прослеживаются две разнонаправленные тенденции: роста числа преступлений, связанных со взломом и побегом находящихся под стражей или надзором, и снижение количества похищений бумаг и вещей из государственных учреждений (см. приложение 11).

Таким образом, преступления против порядка управления, как и религиозные преступления, имели незначительное распространение, составляя всего 2,2–4,7% от всех совершенных противоправных деяний. Из них на преступления, посягающие на управленческую деятельность представителей власти, приходилось около 64%. Данного рода преступления состояли в основном в оскорблении государственных служащих.

Служебные преступления имели почти аналогичные показатели уровня преступности с предыдущим видом. На протяжении второй половины XIX в. их число находилось на уровне 90 преступлений в год, а в начале XX в. сократилось до 50–60 деяний (см. приложение 12). Наибольший процент совершенных противоправных деяний от общего числа преступлений

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 7. Л. 36.

приходился на 1870–1890-е гг., составляя около 5%; наименьший зафиксирован в начале и конце исследуемого периода (см. таблицу 5).

Таблица 5

Количество совершенных служебных преступлений в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	89	92	91	88	63	52
Доля от общего числа преступлений, %	1,9	4,7	5,2	5,4	3,2	2,3

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 170–171.

Анализ приведенных в приложении 13 данных свидетельствует о том, что на протяжении исследуемого периода динамика преступлений по государственной и общественной службе имела тенденцию к снижению. Что же касается динамики количества осужденных за данные преступления, то для неё характерна цикличность. В 1887 г. зарегистрировано резкое уменьшение количества виновных в совершении противоправных действий – более чем на 60% от уровня 1870 г., тогда как снижение уровня преступлений составило чуть более 1%. Затем в 1897 г. отмечено незначительное увеличение числа осужденных и вновь снижение в начале XX в.

Наличие отчетов за 1887–1905 гг. дает нам возможность определить, какие преступления совершались в губернии наиболее и наименее часто (см. приложение 14). Наивысшие показатели характерны для преступлений, связанных с превышением полномочий или бездействием органов власти, а также с проступками должностных лиц при хранении и управлении вверенным им по службе имуществом. Ежегодное количество подобных преступлений составляло 20–40 деяний.

Преступления, связанные с превышением власти, в подавляющем большинстве случаев совершали представители низших административных должностей. К примеру, бывший полицейский сотник деревни Акчи-Касова Курмышского уезда Семен Григорьевич Козлов 26 октября 1898 г., «состоя в означенной должности и находясь при отправлении своих служебных обязанностей, нанес обходившему караульщику оскорбление действием, несколько раз ударив его по лицу»¹. В другом случае сельский староста села Волостниковки Симбирского уезда Иван Петров Малютов 20 ноября 1898 г. при исполнении своих служебных обязанностей нанес удар палкой по спине крестьянину Федору Салову².

Причиной описанных противоправных действий должностных лиц, на наш взгляд, является низкое правовое сознание представителей крестьянского сословия. Кроме того, представители местной власти, как бы являясь ответственными за все общество, в рамках обычного права переносили патриархальные порядки, существовавшие в семейно-бытовых отношениях, на всё сельское сообщество.

Служебные преступления и проступки чиновников представляли собой противозаконные поступки служащих при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи, а также противоправные действия сотрудников правоохранительных органов. Примером могут служить действия полицейского сотника, крестьянина села Телешовки Симбирского уезда Степана Васильева Комиссарова, который в январе 1899 г., обнаружив кражу кур у крестьянина Сергея Степанова, не донес об этом своему начальству, ввиду примирения потерпевшего с виновными³.

Наименьшее количество служебных преступлений регистрировалось по служебному подлогу, нарушению установленных при вступлении в

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 26. Л. 18–18 об.

² Там же. Д. 28. Л. 32–32 об.

³ Там же. Д. 35. Л. 17.

должность правил, «медленности, нерадению и несоблюдению порядка в отправлении должности и проступкам в сношениях между начальниками и подчиненными»¹.

Таким образом, преступления по государственной и общественной службе составляли не более 5,4% от всех совершенных противоправных деяний. Наивысшее число из них приходилось на действия, связанные с превышением власти, а также на проступки должностных лиц при хранении и управлении вверенным им по службе имуществом.

Противоправные действия против государственных и земских постановлений о повинностях составляли отдельный вид преступлений в исследуемый период. Среди них выделяются деяния против воинской повинности и непосредственно нарушения земских постановлений о повинностях, которые практически не фиксировались на территории Симбирской губернии. Количество же преступлений против постановлений о воинской повинности было незначительным и не превышало 20 деяний в год, что составляло менее 1% от общего числа преступлений. Наивысшее число деяний было зафиксировано после отмены крепостного права (1867 г.) – девятнадцать² и в период Первой мировой войны (1915 г.) – 17. В остальные годы совершалось всего несколько преступных деяний или таковых не регистрировалось вовсе.

Динамика числа осужденных за противоправные действия против постановлений о повинностях к концу XIX в. имела тенденцию к снижению, а в 1897 и 1905 гг. по решению суда не было привлечено ни одного подсудимого. С началом всеобщей мобилизации и военных действий численность уклоняющихся от военной службы значительно возросла, но при этом количество привлеченных к уголовной ответственности было не столь высоким: в 1915 г. – всего три человека (см. приложение 15). Для

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 35. Л. 17.

² Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33.

уклонения от воинской повинности, состоящие на рекрутской очереди подданные в большинстве случаев прибегали к членовредительству, обжигая себя кислотой¹ и намеренно отсекая сустав указательного пальца на правой руке².

В целом, количество преступлений против постановлений о повинностях государственных и земских на территории губернии было незначительным, фиксировалось лишь небольшое число уклонений от воинской повинности.

Преступность против имущества и доходов казны (государства) имела более высокие показатели, чем ранее рассмотренные нами виды преступлений. Наибольшее число совершенных деяний зафиксировано в 1867 г. – 439, затем наблюдалось снижение количества преступлений: в 1870 г. – 305, в 1887 г. – 118, в 1897 г. – 20. Установившийся в конце XIX в. уровень противоправных действий сохранялся и в начале XX в. (см. приложение 16).

Максимальное количество противоправных деяний от общего количества преступлений достигало 15,8% (1870 г.), минимальное значение составляло около 1% (конец XIX – начало XX в.) (см. таблицу 6).

Таблица 6

Количество совершенных преступлений против имущества и доходов казны в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	439	305	118	20	18	24
Доля от общего числа преступлений, %	9,5	15,8	6,7	1,2	0,9	1,0

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172.

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 53. Д. 19. Л. 13.

² Там же. Д. 20. Л. 10; Д. 22. Л. 2.

Динамика количества осужденных имела ту же тенденцию, что и динамика уровня преступности. Но, несмотря на высокие показатели преступности в 1870 г., количество осужденных за противоправные действия против имущества и доходов казны было существенно ниже – 47 человек. В дальнейшем число виновных по решению судебных инстанций только сокращалось и не превышало полутора десятков человек (см. приложение 17).

Преступления против имущества и доходов казны включают в себя множество родов по нарушению уставов и постановлений. Однако большинство из них не фиксировались на территории региона или имели незначительные показатели. В губернии были распространены лишь три рода противоправных деяний: нарушение уставов монетных, постановлений о питейном сборе и о казенных лесах. Все перечисленные преступления имели общую тенденцию к снижению их количества в конце XIX в. Наибольшее число преступлений регистрировалось по нарушениям уставов монетных: в 1870 г. их отмечено 205 случаев, в 1887 г. – 67, а в 1897 г. – всего 4 деяния. В начале XX в. произошел небольшой рост количества преступлений: в 1905 г. их зафиксировано 15. Нарушений постановлений о питейном сборе в 1870 г. отмечено 55 случаев, в 1887 г. – уже менее – 37, а в конце XIX – начале XX в. не было зафиксировано ни одного преступления. Нарушений постановлений о казенных лесах в 1870 г. зарегистрировано 45 случаев, в 1887 г. – 14, в 1897 г. – 16 и в 1905 г. – всего 3 преступления (см. приложение 18).

Преступления, относящиеся уголовным законодательством к нарушениям уставов монетных, заключались в подделке денежных знаков и их распространении. Так, в 1899 г. к ответственности были привлечены крестьяне села Алферьева Курмышского уезда за оплату фальшивой монетой достоинством 1 рубль¹. Что же касается нарушений постановлений о казенных лесах, то это вырубki, которые совершали крестьяне².

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 36. Л. 124.

² Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

Таким образом, преступления против имущества и доходов казны представляли собой определенную угрозу основам государственного строя, подрывая экономическую стабильность государства. Предпринятые правительством меры способствовали сокращению уровня преступлений в конце XIX – начале XX в., сократив число противоправных деяний до 1 % от общего количества преступлений.

Одним из наиболее распространенных видов преступлений являлись противоправные деяния против общественного благоустройства. Самый высокий уровень количества преступлений данного вида был отмечен в 1867 г. – 588 деяний, затем, вплоть до начала XX в., происходило его снижение, однако в предвоенные и военные годы наметилась тенденция к росту показателей преступности (см. приложение 19). Наибольшее количество преступлений было совершено в 1860–1870-е гг. – 10–12,7 % от общего числа противоправных деяний. В 1880–1890-е гг. число противоправных действий снизилось и находилось на уровне менее 100 случаев, что составляло 5,3–5,8%. В 1905 г. было зафиксировано наименьшее число преступлений – 57, или 2,7%. В годы Первой мировой войны количество преступлений против общественного благоустройства резко возросло, составив 123 деяния (5,4 % от общего числа противоправных деяний) и превысив более чем в два раза уровень преступности предыдущего десятилетия (см. таблицу 7).

Динамика преступлений против общественного благоустройства в последние годы исследуемого периода характеризовалась общей тенденцией к снижению, как и динамика количества осужденных за данные виды противоправных действий. В 1870 г. на преступления против общественного благоустройства приходилось наибольшее число осужденных – 32 человека. В 1887 г., несмотря на снижение преступности, уменьшение количества осужденных не было столь значительным (осуждено 27 человек). В конце XIX – начале XX в. данный показатель был на уровне 11–13 человек при общем снижении уровня преступности (см. приложение 20).

Количество совершенных преступлений
против общественного благоустройства в Симбирской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	588	193	93	95	57	123
Доля от общего числа преступлений, %	12,7	10,0	5,3	5,8	2,9	5,4

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172–174.

Среди всех преступлений против общественного благоустройства наиболее распространенными на территории Симбирской губернии были нарушения общественного спокойствия и порядка. Их максимальное количество зафиксировано в 1870 г. – 69 деяний. Динамика по данному роду преступлений имела тенденцию к снижению на протяжении всего исследуемого периода (см. приложение 21).

Бродяжничество также являлось видом нарушения общественного спокойствия и порядка. Бродягами по закону признавались «не имеющие никаких средств доказать свое состояние и звание или упорно от сего отказывающиеся»¹. К примеру, в 1866 г. Сенгилеевским уездным судом был осужден к заключению в арестантские роты на 4 года бродяга Андрей, не помнящий родства своего². Статистические отчеты свидетельствуют о том, что ежегодно фиксировалось до 57 случаев бродяжничества. Наряду с озвученным преступлением также имелись случаи проживания по подложным документам. Так, крестьянин Иван Евграфов при задержании в селе Скрипино 3 декабря 1869 г. предъявил фальшивый билет на имя

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Ст. 950.

² ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

сызранского мещанина Ивана Сорокина Горюшкинскому волостному правлению¹.

Преступлений, связанных с нарушением постановлений, ограждающих общественную нравственность, совершалось меньше, чем правонарушений общественного спокойствия и порядка. Данные, приведенные в приложении 21, со всей очевидностью доказывают тенденцию к росту количества преступлений, связанных нарушением постановлений, ограждающих общественную нравственность, с 1870 по 1897 г., когда их уровень достиг наивысшего показателя в 21 деяние. В начале XX в. произошло снижение числа преступлений до 3–4 случаев. Преступления и проступки против постановлений, ограждающих народное здравие, совершались в единичном количестве, но в период Первой мировой войны их число возросло до 21 деяния. Остальные рода преступлений против общественного благоустройства фиксировались в незначительных количествах. Особого внимания заслуживают нарушения правил противопожарной безопасности, за 1870 г. их зарегистрировано 109 случаев². Однако, несмотря на высокий показатель преступности, к ответственности не было привлечено ни одно виновное лицо. В последующие годы данный род преступлений не фиксировался.

Противоправные деяния против общественного благоустройства в первые десятилетия исследуемого периода составляли более 10% от общего количества совершенных преступлений. Однако в последующем уровень данных деяний снизился и составлял чуть более 5%. Наибольшая доля из них приходилась на правонарушения общественного спокойствия и порядка, в частности на бродяжничество.

Минимальными показателями характеризовались преступления против законов о состояниях. Среди них преобладало присвоение прав состояния, звания, титулов и отличий, а также нарушение правил при выборах собраний

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 10. Л. 16.

² Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 42 об.

дворянских, городских и земских. Количество этих преступлений никогда не превышало пяти случаев в год, за исключением 1867 г., когда правоохранительные органы зарегистрировали более 20 преступных деяний. Количество осужденных по данному виду правонарушений было сопоставимо с числом совершенных преступлений (см. таблицу 8).

Таблица 8

Данные о совершенных преступлениях против законов о состояниях
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	22	5	3	1	1	3
Количество осужденных, чел.	-	3	4	0	0	0

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174.

Преступления, направленные против личности, в отличие от видов противоправных деяний, рассмотренных нами выше, имели достаточно широкое распространение среди населения Симбирской губернии. В 1867 г. уровень зарегистрированных преступлений, направленных против личности, составил более 1000 деяний, затем, к 1870 г., их количество значительно снизилось – до 193. В последующем и до начала XX в. наметилась тенденция к росту преступлений против личности. Ужесточение правового положения в губернии¹ и мобилизация части мужского населения в годы мировой войны способствовали сокращению числа деяний, направленных против личности, на 15% от уровня 1905 г. (см. приложение 22). В течение исследуемого периода количество преступлений против личности доходило до трети от общего числа совершенных противоправных деяний (1905 г.). Наименьший

¹ Введение положения усиленной охраны и реализация «сухого закона» на территории Симбирской губернии.

процент преступлений отмечен в 1870 г., когда на противоправные действия против личности приходилось только 10 % всех преступлений. В остальные годы данный показатель сохранялся на уровне 20–30 % (см. таблицу 9).

Таблица 9

Количество совершенных преступлений против личности
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	1001	193	444	512	644	549
Доля от общего числа преступлений, %	21,5	10,0	25,4	31,4	33,2	24,2

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

На протяжении 1870–1905 гг. количество преступлений против личности постоянно возрастало, увеличившись за данный промежуток времени в 3 раза. Показатель числа осужденных не имел столь высоких темпов роста, а в конце XIX – начале XX в. наблюдалось его небольшое снижение относительно уровня 1887 г. В целом, число осужденных составляло 65–89 человек в год (см. приложение 23).

Среди преступлений, направленных против личности, наиболее социально опасным являлось убийство – умышленное лишение жизни другого лица. Статистические данные позволили нам выстроить динамику данного рода преступлений, которая имела циклический характер: в 1870–1887 гг. отмечен рост количества деяний, в конце XIX – начале XX в. – его снижение, а в предвоенные и военные годы – вновь увеличение (см. приложение 24). При этом наивысший показатель зафиксирован в 1887 г., в период реализации консервативной политики Александра III. Как уже было сказано, именно в это время происходит усиление репрессий против

нарушителей закона и повышение контроля за поведением подданных. В связи с этим сокрытие тяжких преступлений стало представлять определенную трудность, и уровень латентной преступности снизился до минимальных значений. Поэтому число убийств, обладающих наименьшей латентностью, которое зафиксировано в статистике, в наибольшей степени соответствует фактическому уровню преступности.

Убийства близких родственников в исследуемый период были довольно распространены. К примеру, 23 апреля 1875 г. близ деревни Сенькиной был найден труп, вымытый водой. Жители села Подвалья «по росту и оставшимся волосам на голове признали в трупе крестьянина Ивана Никифорова Кирилина, пропавшего ещё в июле 1874 г.». В убийстве был обвинен родной брат Андрей, который совершил преступление и скинул тело в реку. О совершенном преступлении знала и жена Ивана Кирилина¹, но она не обратилась в полицию. В другом случае 20 июля 1870 г. Симбирским окружным судом к ответственности был привлечен мещанин Григорий Иванов Зуев за убийство своей жены².

Детоубийства являлись самыми антигуманными преступлениями. В подавляющем большинстве случаев они совершались женщинами-матерями³. Так, крестьянки села Криуши Марфа Горбунова, Маланья Коронина и Екатерина Воеводина были привлечены к уголовной ответственности за то, что после рождения у Горбуновой внебрачного ребенка она с помощью Корониной и Воеводиной бросила младенца в колодець⁴. В ином случае солдатка Татьяна Афанасьева Гусева села Старый Тукшум в 1864 г. родила и зарыла в землю новорожденного младенца мужского пола⁵. Сенгилеевским уездным исправником в ходе дознания была установлена причина поступка. «На расспросы объяснила солдатка, что она с неизвестным имела любовную

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57. Л. 192–193.

² Там же. Ф. 1. Оп. 52. Д. 13. Л. 72.

³ Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. С. 134.

⁴ ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 15. Л. 18–21.

⁵ Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

связь и забеременела, почувствовав время родов, боясь мужа, который, отпуская ее, строго приказал вести себя хорошо, обещаясь в противном случае наказать...»¹

Из вышеперечисленных фактов мы видим, что положение крестьянских женщин в обществе, семье оставалось малоправным, приниженным, и причиной этому была не только слабая юридическая защищенность их прав, но и, прежде всего, менталитет крестьян. Всё основное время крестьянок проходило в замкнутом кругу домашних обязанностей и в повиновении жены мужу согласно религиозным догматам. Последнее часто приводило к бытовому насилию. Реакцией женщин на свое бесправное положение служил новый виток злокачественной агрессии, направленной на мужей и проявляющейся в преступлениях двух форм: явной и латентной. Примером явной агрессии выступает случай, произошедший днем 28 сентября 1883 г. в селе Кладбищи Алатырского уезда. Крестьянка Варвара Коблова пыталась кушаком удавить спящего мужа Моисея. Женщина давила так, что от напряжения петли из ушей у него побежала кровь. Варвара объяснила попытку расправы предшествующим её избиением². Примером же скрытой агрессии может служить преступление в селе Кивать Карсунского уезда, когда «крестьянка Марфа Чванова, 28 лет, имела заранее обдуманное намерение отравить своего мужа, для чего подготовила мышьяк, и 30 января 1871 г. посыпала им калач, и дала его съесть своему мужу Чванову Степану, от чего последний в ночь на другой день умер»³.

По мнению П. Н. Тарновской, брак не по любви занимал ведущее место среди причин убийств крестьянками своих супругов⁴. Связанно это было, прежде всего, с тем, что семейный союз молодые люди создавали не по

---

¹ ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

² Молодежная газета. 2010. 1 октября. С. 4.

³ Лагунов Б. К истории института присяжных заседателей в Симбирской губернии. URL: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1227&Itemid=61 (дата обращения: 24.02.2011).

⁴ См.: Тарновская П. Н. Указ. соч. С. 156.

взаимному согласию, а по решению родителей, которые руководствовались расчетом.

Отсутствие личных симпатий между супругами отражалось на семейно-бытовых отношениях: ссоры, распри вызывали побои, которые наносили мужья. Причиненный здоровью вред в виде увечий, ран и других повреждений служил объектом расследования правоохранительных органов. Рост данного рода преступлений отмечен на всем протяжении XIX в. и частично XX в. Только в конце исследуемого периода тенденция изменилась, произошло сокращение числа деяний, причем в 2 раза от уровня 1905 г. Однако следует отметить, что в статистических отчетах зафиксировано не только нанесение вреда здоровью супругами, но и иные случаи. Так, 19 января 1875 г. крестьянин села Бештановки «Иван Лукьянов Денеликин, бывший на свадьбе у крестьянина Жарковских Выселок Лариона Александрова, выстрелил из револьвера пулей, которая попала в левую ногу сыну солдатской вдовы Григорьеву Павлу Сергееву»¹.

К преступлениям против здоровья можно отнести события, произошедшие в июле 1875 г. в селе Бекетовка, когда «крестьянин Сергей Васильев, будучи в нетрезвом состоянии, поссорился со своей женой и, придя в свой дом, в присутствии матери взял заряженное ружьё, сказав, что он сам себя убьет, сделал выстрел в угол избы, потом вновь зарядил и сделал выстрел в окно на улицу»². В результате своего деструктивного поведения крестьянин Васильев нанес матери психическую травму и подверг опасности жизнь и здоровье сельчан.

Преступления, связанные с оскорблением чести и целомудрия женщин, личными обидами и клеветой, имели тенденцию к росту с 1970 г. и до конца исследуемого периода. При этом количество совершенных противоправных деяний увеличилось в 1915 г. в 3 раза по сравнению с начальной даты (см. приложение 24). Преступления против половой неприкосновенности,

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп 1. Д. 57. Л. 95.

² Там же. Л. 64.

обладавшие определенной латентностью, так как в некоторых случаях потерпевшая сторона не заявляла о произошедшем в полицию, совершались с достаточной регулярностью. К примеру, 18 апреля 1875 г. «крестьянка с. Суринского Татьяна Антонова Лазарева заявила, что крестьянин деревни Кобелевки Иван Селиверстов изнасиловал дочь Агафью 21 года»¹.

Причиной, побудившей совершить вышеуказанное преступление, как и все остальные, с позиций психологической теории преступности является следующая. Любые поступки людей – это рвущиеся наружу бессознательные инстинкты или влечения. И когда контролирующий волевой фактор не способен подавить природный инстинкт – возникает конфликт, выливающийся в преступление².

Самоубийства, угрозы и оставления человека в опасности, в отличие от вышеназванных преступлений, фиксировались значительно реже. Во второй половине XIX в. число самоубийств, под которые могли маскироваться и убийства, не превышало порога в 30 преступлений, в начале XX в. их уровень снизился до нескольких деяний. Число оставлений человека в опасности в 1870 и 1915 гг. находилось на уровне 11–15 деяний, в остальные годы они фиксировались в единичных случаях. Количество угроз на всем протяжении исследуемого периода не превышало рубеж в 10 преступлений (см. приложение 25).

Преступления против семейных прав представляли собой злодеяния, связанные со злоупотреблением родительской власти, и преступные действия детей против родителей. Резкое увеличение данного рода преступлений произошло в начале XX в., когда их уровень составил более 40 виновных деяний, в предшествующие же годы он не превышал и 10 случаев.

Преступлений против брачного союза ежегодно совершалось около 10–20 деяний, а против родственного союза – менее пяти (см. приложение 26).

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп 1. Д. 57. Л. 205.

² См.: Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.

В целом, в течение исследуемого периода преступность, связанная с нарушением семейных прав, имела незначительные показатели – 20–30 совершенных деяний, что составляло около 1 % от всех преступлений. Только в начале XX в. произошло увеличение показателя до 62 преступлений (3,2% от общего количества противоправных действий) (см. таблицу 10). Однако можно предположить, что количество зафиксированных случаев несопоставимо с действительным положением и свидетельствует о достаточно высокой степени латентности преступлений против семейных прав.

Таблица 10

Количество совершенных преступлений против семейных прав
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	34	21	19	23	62	24
Доля от общего числа преступлений, %	0,7	1,0	1,0	1,4	3,2	1,0

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 г. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

Достаточной степенью латентности обладали также преступления, направленные против собственности или имущества¹ частных лиц, в частности мелкие кражи. В целом, динамика данного вида преступлений имела определенную цикличность с общей тенденцией к росту в 1870–1915 гг. (см. приложение 27). На протяжении всего XIX в. происходило снижение уровня преступлений, но начало XX в. отмечено тенденцией увеличения количества преступлений против имущества частных лиц. В 1915 г. это количество возросло на 28,5% от уровня 1870 г. и на 56,5% от уровня

¹ Термин «собственность» употреблялся в уголовном праве в качестве синонима термина «имущество». См.: Неклюдов Н. А. Указ. соч. Т. 2. С. 1.

1897 г., когда наблюдалось самое низкое число противоправных деяний. Динамика осужденных по данному виду преступлений также имела тенденцию к снижению в течение последней трети XIX в. и к росту в начале XX в. (см. приложение 28).

Анализ статистических сведений подтвердил положение о том, что преступления против имущества частных лиц были наиболее распространены в исследуемый период. На всем протяжении второй половины XIX – начала XX в. количество подобных преступлений составляло около половины от общего количества противоправных деяний (см. таблицу 11). Причинами столь высокого уровня преступности следует считать социально-экономические факторы. Отмена крепостного права, эмансипация, складывание новых рыночных отношений способствовали определенной дифференциации населения и росту социальной напряженности. Кроме того, виктимность малообразованного населения губернии была достаточно высокой, что связано с отсутствием у подавляющего большинства правового сознания, при этом мы не берем в расчет нормы обычного права, основой которого являлся обычай того или иного народа, той или иной местности и т. д.

Таблица 11

Количество совершенных преступлений против собственности частных лиц в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.*

Показатель	1867 г.	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	2249	949	861	779	971	1219
Доля от общего числа преступлений, %	48,5	49,2	49,3	47,8	50,0	53,8

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 г. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

Из общего массива имущественных преступлений выделяются кражи, на которые приходится наибольшее число совершенных деяний. Кражи были опасны не только своей распространенностью, но и сопряженностью с другими более тяжкими преступлениями, такими как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и т. п. Динамика совершения краж имела тенденцию к снижению в 1870–1897 гг. и росту в начале XX в. Сокращение количества краж в 1897 г. составило 52% относительно уровня 1870 г., однако последующее увеличение (к 1915 г.) – 130%, то есть более чем в 2 раза от минимальной точки 1897 г. (см. приложение 29).

Для краж, особенно совершаемых в сельской местности, были характерны две особенности. Первая – это время совершения преступления, в большинстве случаев – ночь. Вторая – кража совершалась с взломом петель дверей амбаров, проб и разбором потолочин. Предметом хищения чаще всего выступали продовольственные запасы злаковых культур, лен, домашняя скотина¹. Реже совершались кражи денежных сумм², мёда³, одежды крестьян, тканей⁴, и совсем редкими случаями тайного хищения являлись рыболовные снасти⁵ или лодки⁶. Примеров краж с взломом в хрониках происшествий достаточно: «В Симбирском уезде с. Богородской Репьёвки в ночь на 25 декабря 1884 г. из ветряной мельницы крестьянина Ульяна Голова через взлом замка украдено разной муки на 16 руб. 30 коп.»⁷. Или в сентябре того же года Шигонское правление донесло о том, что у крестьянки Марьи Балашовой из амбара посредством взлома двери и крыши выкрадено имущество: «нестряди домотканой 14 кусков 164 аршина на сумму 21 руб. 32 коп., холста льняного 20 аршин на 2 руб. 60 коп., пасленного 42 аршина на 3 руб. 78 коп., сарафана льняного на 2 руб., три рубахи на 2 руб. 20 коп.»⁸.

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57. Л. 70.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 94.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Ф. 675. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.

⁸ Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 65. Л. 217.

В чем же заключаются причины, толкавшие людей на совершение противоправных действий? На наш взгляд, в подавляющем большинстве случаев – это неудовлетворенные витальные потребности человека в пище, одежде и т. д. Тяжелое социально-экономическое положение представителей крестьянского, да и других непривилегированных сословий вынуждали их идти на преступления в борьбе за свое существование. Например, было замечено, что в годы неурожая и сразу же после них существенно увеличивалось количество преступлений против собственности¹. Помимо бедности, как полагал Б. Н. Миронов, стремление разбогатеть любыми способами, включая и криминальные, часто служило мотивом преступления². В результате периодическое совершение хищений приводило к профессионализации преступников, и кражи становились если не основным, то достаточным источником дохода, а это в свою очередь способствовало созданию профессиональных групп и развитию организованной преступности.

Группа профессиональных преступников, занимавшихся кражами на территории поволжских городов, была задержана в Симбирской губернии. Здесь они в течение 1897–1898 гг. осуществили кражи вещей из магазинов Зайцева, Яковлева, Семенова и Сидельникова. При этом средства, полученные в результате краж, были внушительных размеров. Например, из магазина Ильи Семенова 12 октября 1897 г. было похищено золотых и серебряных вещей на сумму около 10 000 рублей³.

Некоторые совершенные преступления дают нам повод полагать о существовании профессиональной преступности и в сельской местности. Так, проживающий в селе Назайкино Сенгилеевского уезда отставной рядовой Тарас Тюрин 10 февраля 1875 г. «украл на базаре города Сенгилея у разных торговцев мяса 26 фунтов, тюленей обивки для обшивки полушубков

---

¹ Тарновский Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России. С. 72–106.

² Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 95.

³ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 44. Л. 298 об.

30 аршин и 2 чугуна всего на сумму 4 руб. 10 коп.»¹. А крестьянин села Беликово Карсунского уезда Осип Семенов Смирнов 14 февраля вышеупомянутого года, «бывши в с. Поповка на базаре, вынул из кармана крестьянина деревни Скрипиной Кузьмы Филипова мешочек с деньгами»². Факты неоднократного совершения краж одним лицом в первом случае и узкой специализации (вор-карманник) во втором могут свидетельствовать о появлении признаков профессиональной преступности.

Что же касается организованной преступности на территории Симбирской губернии, то она связана с конокрадством. По рапортам уездных исправников мы можем сделать вывод, что почти во всех уездах губернии существовали селения, в которых занимались подобным промыслом. Все конокрады соседних уездов тесным образом были знакомы между собой, что позволяло им в кратчайшие сроки осуществлять перегон лошадей с целью сбыта в отдаленные уезды и соседние регионы³. К примеру, только у крестьян села Новодевичье в 1870 г. было украдено 25 лошадей⁴. Никакие строения и замки не могли обезопасить от конокрадства, кражи совершались как с личных подворий⁵, так и с постоянных дворов⁶ и подножного корма⁷.

Уровень преступлений, связанных с уничтожением собственности, также имел высокие показатели. Характерно, что в годы снижения количества краж «истребление имущества» увеличивалось, достигнув наивысшей точки в 1905 г., тогда было отмечено 360 случаев (см. приложение 29). К данному роду преступлений следует отнести умышленный поджог. Причинами этого могли быть месть за нанесенные обиды или зависть. Так, в селе Коржевки Карсунского уезда 25 декабря 1884 г. сгорел стог, принадлежавший Степану Коршунову, стоимостью

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57. Л. 105.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 372. Л. 2–83.

⁴ Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57. Л. 193.

⁶ Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

15 руб., и в данном поджоге сознался Иван Бочкарев¹. В иных случаях объектом «истребления имущества» являлась домашняя скотина. «В ночь на 20 ноября 1884 г. в деревне Мордовские Бектяшки Сенгилеевского уезда у крестьянина Тимофея Пьянзина пали корова и овцы, бывшие здоровыми... выяснилось, что животные отравлены, в чем и заявил подозрение на Елизавету Васильеву, которая высказывала Пьянову угрозы»².

Хищение частного имущества в редких случаях могло сопровождаться и его уничтожением. Так, к примеру, в селе Верхние Коки Сенгилеевского уезда 7 мая 1866 г. «у крестьянина Ильи Евдокимова на пчельнике, состоящем в лесной даче в 5-ти верстах от села, из 30 ульев с пчелами выломали мед, 3 улья разбились и пчелы померли, причинено убытка до 115 рублей»³.

Похищение имущества осуществлялось не только путем краж, но и посредством мошенничества, которое представляло собой обман с использованием различных схем и возможным применением специальных средств, муляжей. Приведем пример одного мошенничества. 1 марта 1884 г. близ села Пилюгина Симбирского уезда Михаил Федосеев обратился к унтер-офицеру Степану Абрамову с просьбой помочь ему найти в займы денег 120 рублей. Последний пообещал помочь, взять нужную сумму у Симбирского мещанина Николая Иванова и велел Федосееву написать вексель и прибыть в условленное место. «Написав вексель, Федосеев пошел на указанное место, где и нашел Абрамова и другого неизвестного человека, которые стали требовать от него вексель. Когда Федосеев достал бумажник с 40 руб. денег и хотел отдать вексель, то неизвестный человек вырвал у него вексель и деньги, сунув ему пачку привезенных денег... Но по осмотру Федосеевым полученной от неизвестного человека пачки оказалось, что она

---

¹ ГАУО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 65. Л. 103.

сделана из писчей бумаги с наклейной с обеих сторон старых рублевых кредитных билетов»¹.

Количество мошенничеств в конце XIX – начале XX в. имело незначительные показатели, в то время как в 1915 и 1870 гг. зарегистрировано 10 и 24 деяния соответственно. Корыстно-насильственные преступления, такие как разбой, на протяжении исследуемого периода фиксировались не более 10 раз в год. Случаев грабежа отмечалось намного больше, их число составляло 50–100 преступлений. Пик роста количества грабежей наблюдался в 1887 г., когда было зарегистрировано 109 виновных деяний, в последующие два десятилетия их количество сокращалось. Общее число грабежей и разбоев, совершенных в 1915 г., засвидетельствовано 71², что говорит о незначительном росте количества преступлений данных видов от уровня предыдущего десятилетия (см. таблицу 12).

Таблица 12

Количество совершенных преступлений против собственности частных лиц в Симбирской губернии в 1870–1915 гг.*

Преступление	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Разбой	2	4	1	8	71
Грабеж	42	109	78	52	
Мошенничество	24	3	3	1	10

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

Как грабеж квалифицируются события, произошедшие в питейном доме деревни Старотимошкиной, которая содержалась карсунским купцом Власовым. Там 18 апреля 1875 г. в 8 часов вечера татарами деревни Кадер Шабаевым, Хасяновым, Хамировым и Шакуром было совершено буйство, а по выходе из питейного заведения близь фабрики Акчурина у крестьянина

¹ ГАУО. Ф. 675. Оп 1. Д 14. Л. 227–228.

² Там же. Ф. 454. Оп. 47. Д 43. Л. 55.

Звенигородского уезда Ивана Васильева отнят кошель с деньгами на сумму 19 руб. 30 коп. «В содеянном отнятии денег татары не сознались, объясняя тем, что были пьяны и ничего не помнят»¹. Следующий пример, произошедший в деревне Старые Какерли Буинского уезда 11 декабря 1884 г., квалифицируется как разбойное нападение. «Крестьянин Акнетдин Фатретдинов и запасной рядовой Кусмаев нанесли побои крестьянину Дакаеву и силой отняли у него денег 1,60 руб.»².

В первом описанном инциденте прямой или косвенной причиной, толкнувшей людей на преступление, является алкогольное опьянение. Между тем установлено, что основная масса насильственных и корыстно-насильственных преступлений совершалась именно в состоянии охмеления³. То есть преступность и пьянство являлись взаимосвязанными и взаимообусловленными девиантными явлениями. Рост количества преступлений имел тесную прямую связь с увеличением употребления спиртных напитков. И начавшаяся реализация норм «сухого закона» в 1914 г. положительно повлияла на динамику насильственной и корыстно-насильственной преступности: ее размеры стали уменьшаться.

Среди преступлений имущественного характера выделяются присвоение и утайка чужой собственности, проступки по договорам и обязательствам. В 1887–1905 гг. проступков по договорам совершалось больше, чем присвоений собственности, количество первых составляло порядка 15–20 виновных деяний. В 1870 г. зафиксировано всего 5 преступлений по обязательствам, в то время как присвоений имущества – максимальное число – 17 деяний (см. приложение 30).

Таким образом, преступления против собственности частных лиц в исследуемый нами период являлись наиболее распространенными виновными деяниями. Их количество на всем протяжении второй половины

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп 1. Д. 57. Л. 185.

² Там же. Ф. 675. Оп 1. Д 14. Л. 70.

³ См.: Иванов А. В. Алкоголизм и насильственная преступность // Вестник ТИСБИ. 2011. № 4. С. 137–144.

XIX – начала XX в. составляло около половины от всех противоправных действий. Кражи имели наивысшие показатели среди всех родов имущественных преступлений. Причиной высокого уровня преступности, связанной с похищением собственности, были витальные потребности индивидов и желание улучшить свое материальное положение.

Исследование социального состава осужденных лиц свидетельствует о том, что наибольшее число преступлений совершали представители крестьянского сословия – 76%, на долю мещан приходилось 10% преступных деяний, военного сословия – 8%, других сословий – 3%. Дворянское сословие и купечество, включая почетных граждан, совершали всего 2 и 1% преступлений соответственно (см. приложение 31). Численное преобладание в данном рейтинге крестьян над другими сословиями связано с тем, что Симбирская губерния являлась аграрным регионом, где доля крестьянского населения в конце XIX в. составляла более 93%¹. Количество городских обывателей не превышало 7%, а лиц дворянского и духовного сословия – 0,5%².

Представители привилегированных сословий, в частности потомственные и личные дворяне, так же совершали преступления, как и лица непривилегированных социальных групп. В 1870 г. было осуждено 19 мужчин и 3 женщины дворянского сословия, в другие годы количество виновных по решению судебных инстанций было существенно меньше (см. приложение 32). Чаще всего дворяне привлекались к уголовной ответственности за проступки на государственной и общественной службе, оскорбления присутственных мест и чиновников при исполнении ими своих должностных обязанностей. Известны также случаи клеветы, краж и мошенничеств. Представительницы дворянских родов злоупотребляли нарушениями постановлений по питейному сбору и акцизу.

---

¹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. С. 6–7.

² Там же.

Непривилегированные сословия, среди которых основную массу составляли крестьяне, совершали в основном имущественные преступления и злодеяния против личности. Похищение собственности в менталитете крестьянства считалось наиболее опасным преступлением¹. И лицо, решившееся на кражу, в достаточной степени рисковало не только своей репутацией, но и жизнью (здоровьем). Так, среди населения Симбирской губернии, в частности у тюркоязычных народов, пойманный вор мог подвергаться народному (самосуд) и государственному суду². Поэтому на данное преступление решались в основном мужчины. Однако женщины также совершали кражи. Используемые ими при этом методы и средства не многим отличались от тех, которые применялись представителями сильного пола³. Кроме того, крестьянки, испытывая систематическое насилие в семейно-бытовых отношениях, нередко совершали убийства. Количество таких убийств было достаточно большим, в некоторые годы превышая число убийств, совершенных мужчинами (см. таблицу 13).

Таблица 13

Количество мужчин и женщин, совершивших убийства
в Симбирской губернии в 1870–1905 гг.*

Год	Мужчины	Женщины
1870	12	9
1887	33	29
1897	16	21
1905	12	16

* ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174.

¹ Безгин В. Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа. С. 152.

² См.: Егоров Д. В. Воровство в правосознании чувашского крестьянства. С. 31–39.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57. Л. 108.

В ходе проведенного исследования нами было определено, что количество мужчин, совершивших преступления, значительно преобладало над количеством женщин (см. приложение 33): на долю мужчин приходилось 86 %, а на долю женщин – 14 % совершенных преступлений. Причины низкой криминогенности женщин справедливо были отмечены М. Н. Гернетом. По его мнению, женщины оставались замкнутыми в семейном кругу, не имели доступа к общественным и правительственным должностям, были лишены политических прав и фактически не могли совершать преступления по должности, нарушать законы и т. п.¹ Кроме того, в селениях губернии, где жители исповедовали ислам², женская преступность имела совсем низкие показатели. Связанно это было с тем, что женщины вели совсем замкнутый образ жизни.

Анализ возрастных когорт выявил, что максимум совершенных преступлений приходится на возраст 21–30 (32 %) и 31–40 лет (28 %), минимум – на возраст до 17 (2 %) и после 60 лет (3 %). Доля лиц, совершивших преступления в возрасте 41–50 лет, составляла 16 %, в возрасте 51–60 и 17–20 лет – около 10 % (см. приложение 34).

Таким образом, субъектов, совершивших противоправные деяния в детском и подростковом возрасте, было незначительное количество. Основное число преступлений, приходящихся на данную возрастную группу, связано с кражами, которые совершали в основном депривированные дети. В некоторых случаях взрослые, руководствуясь своими утилитарными интересами, подталкивали несовершеннолетних к совершению преступлений³.

Подводя итог анализа уголовной преступности на территории Симбирской губернии, следует отметить её явный циклический характер, согласующийся с общероссийской тенденцией, являющейся следствием

---

¹ Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. С. 132.

² Большею частью это селения Буинского и Курмышского уездов.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп 1. Д. 57. Л. 2.

внутриполитического курса того или иного руководителя государства. Исключением являлись годы правления Николая II, когда его непоследовательная и противоречивая политика приводила к различным изменениям динамики преступности. В структуре уголовной преступности региона преобладали противоправные деяния, направленные против личности и имущества частных лиц (до 80% от общего количества зарегистрированных преступлений). Среди лиц, совершавших преступления, большинство составляли мужчины в возрасте от 21 до 40 лет.

1.2. Регулирование деятельности правоохранительных органов по борьбе с уголовной преступностью в России

С созданием принципиально новой социально-политической ситуации в Российской империи, в результате начавшихся коренных изменений во внутриполитическом курсе развития страны и перехода на новые капиталистические отношения, во второй половине XIX в. возникла острая необходимость в реформировании правоохранительных органов и правового обеспечения их деятельности. Отмена крепостного права, а также подготовка и осуществление целого ряда либеральных реформ потребовали от правительства немедленно провести преобразование судебной системы. Утвержденные 29 сентября 1862 г. «Основные положения преобразования судебной части в России» провозгласили отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной¹.

Менее чем через два месяца после вступления в законную силу Положений о преобразовании судебной части началась реорганизация полицейских структур, которая основывалась на введенных 25 декабря

---

¹ Основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ. Собр. II. Т. 37. № 38761.

1862 г. «Временных правилах об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»¹. В результате реформирования произошло объединение городской и уездной полиции в единое полицейское управление, во главе которого находился исправник, назначаемый губернатором. Отдельная городская полиция, возглавляемая полицмейстером, сохранялась только в крупных уездных городах и губернских центрах. Полицейские управления состояли из начальника (исправника, полицмейстера), его помощников, секретарей, рассыльных. Подведомственными управлением чинами полиции в уездах являлись становые приставы, а непосредственно на местах находились сотские и десятские, кадровый состав которых формировался путем выборов лиц из крестьянской среды селений. В городах, посадах и местечках полиция состояла из участковых приставов, городских приставов, их помощников и полицейских надзирателей².

Таким образом, введение «Временных правил» привело к реорганизации структуры органов МВД в России и увеличило в некоторой степени штат полиции, не внося при этом существенных изменений в правовую базу обеспечения деятельности по борьбе с уголовной преступностью. Но, тем не менее, на органы исполнительной полиции возлагался широкий круг обязанностей, в том числе противодействие противоправным проявлениям: охрана общественного спокойствия; осуществление мер безопасности от воров и разбойников, розыск и поимка преступных групп; поимка беглых, бродяг и беспаспортных; меры по прекращению нищенства и праздношатательства³. Что включало в себя мероприятия как по предупреждению, так и по раскрытию преступлений.

Для успешного воплощения в жизнь либеральных реформ и закрепления уже достигнутых результатов в ходе реорганизации общей

---

¹ Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. Собр. II. Т. 37. № 39087.

² Там же; Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. Т. II. С. 77.

³ Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. Т. II. С. 82.

исполнительной полиции, требовалось дальнейшее реформирование правоохранительных и судебно-следственных органов, что в скором времени и было воплощено в жизнь. Уже в 1864 г. утверждаются новые судебные уставы. Именно с введением Устава уголовного судопроизводства (УУС) происходит формальное сокращение функций общей полиции, проведение предварительного следствия окончательно передается судебным следователям¹. Сотрудники внутренних дел фиксировали происшествия, содержащие в себе признаки преступления или проступка, после чего сообщали об этом участковому судебному следователю и прокурору или его товарищу (ст. 250 УУС)². Полиция занималась производством дознаний о различных происшествиях только в двух случаях. Во-первых, если признаки преступления были сомнительны или информация была получена из недостоверных источников. При таких обстоятельствах полицейские органы должны были удостовериться посредством дознания, действительно ли случилось происшествие и имеются ли в нём признаки состава преступления (ст. 253). Во-вторых, когда судебный следователь, прокурор или его помощник отсутствовали на месте преступления (ст. 252). Анализ архивных источников позволяет нам с уверенностью говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев именно сотрудники полиции осуществляли первоначальное расследование противоправных деяний, так как у судебных следователей не было возможности своевременно реагировать на донесения полицейских служащих ввиду интенсивной работы по расследованию преступлений.

Дознание осуществлялось с некоторыми процессуальными особенностями, сведения собирались посредством розысков, расспросов и негласным наблюдением, при этом не производилось «ни обысков, ни

---

¹ В соответствии с Указом от 8 июня 1860 г. предварительное следствие передавалось от полицейских органов учрежденным судебным следователям.

² Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 145; Фром В. Руководство по делам уголовным для чинов уездной полиции. С. 11.

выемок в домах» (ст. 254). Производство дознания считалось административной деятельностью, и его акты не имели доказательственной силы¹. Оно являлось только основанием для начала судебного следствия, но при этом не имело юридических формальностей, так как представляло собой тайное производство. Главные качества, которые требовались от формального дознания, – негласность, быстрота сбора информации и обнаружение признаков преступления².

Устав уголовного судопроизводства вменял в обязанность полиции исполнение функций судебного следователя только в тех случаях, когда «следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258) и когда требовалось применение мер к пресечению уклонения от следствия подозреваемых лиц (ст. 257). В итоге, полицейские органы получали право на проведение процессуальных действий: осмотр, обыск, выемку и т. д. Но в практической реализации норм достаточно часто происходило превышение полномочий. Современник и крупнейший исследователь уголовного процесса И. Я. Фойницкий считал, что «...главная причина зла сосредоточения предварительного следствия в руках полиции... в том, что по положению своему органы ее не представляют достаточных гарантий беспристрастия, независимости и нелицеприятия»³.

По «Учреждению судебных установлений» следственные органы относились к судебному ведомству, на территории городов и губерний образовывались специальные следственные участки, в пределах которых действовали следователи⁴. В Уставе уголовного судопроизводства четко определялись обязанности судебных следователей, степень их власти, условия производства предварительного следствия и процессуальные действия (ст. 262–277)⁵.

---

¹ Квачевский А. Указ. соч. С. 61.

² Викторский С. И. Указ. соч. С. 346.

³ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 465.

⁴ Учреждение судебных установлений // ПСЗ. Собр. II. Т. 39. № 41475.

⁵ Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ. Собр. II. Т. 39. № 41476.

В Уставе также были зафиксированы полномочия прокуроров и их товарищей (помощников). Прокуратура осуществляла надзор за полицейскими органами и судебными следователями, руководство ими в ходе производства дознаний и предварительных следствий (ст. 278–287), рассматривала произведенные следствия и выдавала заключения (ст. 510, 519). Кроме того, следует отметить, что правовая основа деятельности органов прокурорского надзора базировалась на целом ряде нормативно-правовых актов общеимперского уровня: Уставе уголовного судопроизводства¹; Уложении о налагаемых наказаниях²; Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями³; нормативных документах, в которых регламентировалась деятельность прокурорских органов по профилактике и предупреждению преступлений⁴. На региональном уровне правовую базу составляли различные указы, инструкции и правила, составленные местными чиновничьими аппаратами и которыми руководствовались прокурорские органы⁵.

По судебным учреждениям 1864 г. образовывались местные (мировые) суды и общие (окружной суд и судебная палата) суды. Мировые суды учреждались для разрешения незначительных дел, в их юрисдикцию входило рассмотрение уголовных дел, по которым предусматривались следующие виды наказаний: выговоры, замечания и различные внушения; штрафы (не свыше 300 руб.); арест не свыше трех месяцев; заключение в тюремное учреждение сроком до одного года⁶. В окружных судах рассматривались более значительные уголовные преступления, изъятые из ведомства института мировых судей, зачастую с привлечением присяжных заседателей.

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ. Собр. II. Т. 39. № 41476.

² Уложение о наказаниях и исправительных с разъяснением по решениям кассационных департаментов Сената. СПб., 1882.

³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // ПСЗ. Собр. II. Т. 39. № 41478.

⁴ Устав о пресечении и предупреждении преступлений. СПб., 1876.

⁵ Инструкция чинам прокурорского надзора округа Казанской судебной палаты. Казань, 1894.

⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В уголовном процессе участвовали прокурор, выдвигавший обвинение, и адвокат, защищавший подсудимого¹.

Таким образом, новые судебные уставы в корне изменили систему уголовного судопроизводства, основанную на принципах гласности (право присутствия на заседаниях и публикации отчетов), состязательности сторон обвинения и сторон защиты, независимости и несменяемости судей, а также участия института присяжных заседателей, определявших виновность подсудимого.

В период реализации реформ происходило нарастание антиправительственных настроений и вовлечение широких слоев либеральной интеллигенции и студенчества в революционное движение, что требовало создания сети территориальных органов жандармерии для наблюдения и контролирования деятельности революционеров. Поводом и ответной реакцией, подтолкнувшей правительство к реорганизации жандармского аппарата, явились события 4 апреля 1866 г. – покушение Д. В. Каракозова на императора Александра II, а также посягательство на жизнь главы российского государства и Наполеона III польским эмигрантом А. Березовским в Булонском лесу Парижа 25 мая 1867 г. В результате 9 сентября 1867 г. было принято «Положение о корпусе жандармов»², на основании которого организовывались 56 (позже 73) губернских жандармских управлений (ГЖУ), 50 уездных управлений северо-западного края, столичные жандармские дивизионы, полицейские управления на железных дорогах и 13 конных жандармских команд, выполнявших в основном функции политического сыска и надзора. В соответствии с § 34 положения в обязанность столичных дивизионов и конных городских команд входило в случае необходимости приведение в исполнение правительственных распоряжений и приговоров суда; преследование преступников и пресечение деятельности запрещенных «скопищ»;

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ. Собр. II. Т. 39. № 41476.

² Положение о корпусе жандармов // ПСЗ. Собр. II. Т. 42. № 44956.

восстановление порядка; преследование и поимка лиц с запрещенными и контрабандными товарами; сопровождение важных преступников и конвоирование арестантов; поддержание порядка на общественных мероприятиях (народных гуляниях, ярмарках) и т. д. Начальники ГЖУ являлись также инспекторами исполнительной полиции. В результате общая полиция ставилась под определенный контроль жандармерии.

Принятая в том же 1867 г. «Инструкция околоточным надзирателям»¹ увеличивала контроль со стороны общей исполнительной полиции за городскими обывателями, предписывала надзирателям производство дознаний (п. 8), задержание подозреваемых в совершении преступления (п. 10), при этом надзиратели в ходе поимки виновных имели право проникновения в жилище, помещение (п. 11). Инструкция обязывала назначение двух надзирателей на каждый околоток (участок), в результате на одного возлагалось, главным образом, наблюдение за наружным порядком, благоустройством, на другого – внутренний надзор за населением, предупреждение правонарушений и преследование преступников (п. 12). В целях предупреждения преступности на околоточных надзирателей возлагался обход вверенных территорий в дневное и ночное время, присутствие на собраниях народа на улицах и площадях для пресечения возможных противоправных действий. В ходе осуществления надзора за населением полицейские должны были ознакомиться с особенностями населения каждого дома, знать хозяев и управляющих домами, швейцаров, дворников и т. д.

Таким образом, на сотрудников городской полиции, ведавших околотком, было возложено большое количество дел по обеспечению правопорядка, что, естественно, способствовало бы уменьшению преступности. Однако именно многочисленность функций не позволяла эффективно исполнять сотрудникам должностные обязанности. В целом же

---

¹ Инструкция околоточным надзирателям. СПб., 1867; Справочная книга для чинов полиции на 1900 год. С. 235–240.

функциональные обязанности околоточных надзирателей были аналогичны кругу деятельности института уполномоченных участковых в настоящее время.

Особое положение офицеров жандармских управлений стало проявляться в дознании государственных преступлений. В 1871 г. Министерством юстиции была написана записка, в которой указывались недостатки в законодательстве, в частности оставалась не ясной степень участия административной и судебной власти в расследовании государственных преступлений. Руководитель жандармов П. А. Шувалов ходатайствовал перед Министерством юстиции с просьбой о возможном расширении полномочий жандармов в ходе расследования преступлений и предоставлении им права оказания содействия сотрудникам прокуратуры в предварительном следствии государственных и особо важных уголовных преступлений¹. Данное предложение получило одобрение министра юстиции К. И. Палена и, в итоге, «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений»² были утверждены императором 19 мая 1871 г. В соответствии с данными правилами дознание по государственным преступлениям производили офицеры корпуса жандармов, руководствуясь статьями 253, 254, 256 и 257 УУС. Кроме того, полицейские обладали правом производства предварительного следствия, то есть проведения осмотров, освидетельствований, обысков (с опечатыванием бумаг) и выемок (ст. 258, 1038 и 1039 УУС). Судебные следователи отстранялись от производства предварительного следствия по озвученному виду преступлений. Данные положения сохранялись до вступления новых уголовно-процессуальных законов в начале XX в.³ Современник и крупнейший юрист А. Ф. Кони отмечал, что по своему содержанию дознания

---

¹ Александров О. Г. Указ. соч. С. 45.

² Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ. Собр. II. Т. 46. № 49615.

³ См.: Оржиховский И. В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60–70-х гг. XIX в. // Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. Горький, 1971. С. 79–82.

имели мало общего с предварительным следствием, так как обвиняемый лишался существенных гарантий, а дознания рассматривались в судебном порядке лишь в случае невозможности их разрешения в рамках административных мер¹. По мнению Р.С. Мулукаева, А.Я. Малыгина и А.Е. Епифанова, изложенные в законе положения стали по существу первыми проявлениями судебной контрреформы, так как отступали от главного принципа производства предварительных расследований – следствие должно быть отделено от полиции².

Наряду со сказанным, на сотрудников губернских и уездных жандармских управлений возлагалась обязанность сообщать обо всех происшествиях, содержащих признаки преступления, общей полиции и прокурорскому надзору. По решению прокурора или его товарища на сотрудников жандармских управлений могло быть возложено производство дознаний и по общеуголовным преступлениям. По нашему мнению, данное положение было введено в связи с определенным ростом количества совершаемых преступлений общеуголовного характера и вследствие этого невозможностью исполнительной полиции эффективно противостоять им ввиду малочисленности её штата и отсутствия профессиональной подготовки низших чинов.

Однако практическая реализация норм указанного правового акта в первые годы своего действия свидетельствовала, что производство формального дознания по политическим делам находилось не на высоком уровне. Начальник Московского ГЖУ генерал-лейтенант И.Л. Слезкин, контролировавший производство дознаний по государственным преступлениям на территории всей империи, сообщал: «Доставленные ко мне дознания, заключаая в себе одни только поверхностные показания, не удовлетворяют своей цели... не могут считаться оконченными»³. В

---

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 2. С. 333.

² Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел : учебник для вузов. М. : NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. С. 52.

³ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

циркулярном распоряжении за № 294 от 2 сентября 1874 г. И. Л. Слезкин предписывал жандармам производить расспросы самым тщательным образом, обращать внимание на воспитание, образование и образ жизни привлеченных к дознанию, а в случае уклонения от дачи показания – находить другие средства для раскрытия истины и т. д.¹

Протоколы всех дознаний направлялись прокурору, а затем передавались министру юстиции, который совместно с шефом корпуса жандармов отдавал распоряжение о начале предварительного следствия. В ином случае производство по делам полностью прекращалось с одобрения императора или разрешалось в административном порядке.

Таким образом, законодатели Российской империи, увеличивая функциональные обязанности сотрудникам политической полиции, определили вектор в реформировании правоохранительной системы, делая ставку на жандармские управления. Не иначе как сосредотачивая в руках политической полиции предварительное следствие по государственным преступлениям с правом проведения процессуальных действий, властные структуры пытались сохранить незыблемость основ государственного строя.

Для осуществления озвученных задач возникла необходимость в правовой защите сотрудников полицейских органов. С этой целью была организована правотворческая группа для подготовки соответствующего законопроекта. Итогом деятельности законодателей стала ликвидация существующей правовой брешы в результате утверждения 10 октября 1879 г. закона «О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия»². Кроме того, закон представлял собой первый нормативно-правовой акт, который непосредственно относился к такой крайней мере государственного принуждения, как применение оружия. В правилах регламентировались случаи применения оружия:

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 24. Л. 12 об.

² О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия // ПСЗ. Собр. II. Т. 54. № 60066.

- для отражения от нападения на полицейских;
- для обороны других лиц, которым угрожает опасность;
- при задержании преступников и преследовании арестантов;
- во время народных беспорядков или волнений в крайней необходимости¹.

По мнению А.С. Князькова, данный нормативно-правовой акт отличался стремлением законодателя к формулированию четких, по возможности однозначных положений, формулировок, касающихся правовых основ применения огнестрельного оружия². На основе изложенного становится ясно, что со вступлением в законную силу правил решались две задачи: правовое закрепление положений, защищающих сотрудников полицейских органов при исполнении должностных обязанностей, и регламентация применения оружия при реализации государственного принуждения.

Между тем государственная власть не только обращала свое внимание на вопросы, касающиеся правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию совершающихся преступных деяний, но также проводила правовое регулирование мер, направленных на предупреждение преступных проявлений. Так, в 1876 г. вступил в законную силу новый Устав о пресечении и предупреждении преступлений, в соответствии с которым правоохрательным органам вменялось в обязанность предупреждать и пресекать различные действия, которые могли привести к нарушению общественного спокойствия, порядка и благочиния, личной безопасности и безопасности имущества, а также неуважению веры³.

К мерам предупреждения и пресечения преступлений относились: отдача под надзор полиции, запрет на жительство в столицах или иных местах, высылка иностранцев за границу, а также кратковременный арест.

---

¹ О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия // ПСЗ. Собр. II. Т. 54. № 60066.

² Князьков А.С. Указ. соч. С. 13.

³ Устав о пресечении и предупреждении преступлений. СПб., 1876.

Данные меры могли быть определены, в некоторых особенных случаях, без формального производства суда.

При анализе отдельных глав и статей Устава нам предстает картина, при которой жизнь и поведение подданных Российской империи до мельчайших подробностей регламентируются положениями Устава. Что естественно не могло контролироваться полицейскими органами в полной мере. Однако некоторые статьи имели вполне здравый смысл и предписывали решительные меры по пресечению пьянства, нищенства и других девиантных форм поведения. Например, статья 186 обязывала полицию «смотреть, чтобы по улицам и переулкам пьяных не было, и чтобы те, которые по улицам и переулкам кричат и песни поют, ночью в неуказанные часы ходят и в пьяном виде шатаются, были забираемы и отсылаемы под стражу». Но правоприменение указанных норм фактически на практике не осуществлялось. Профессор М.Н. Гернет отмечал, что неизвестно, для какой цели устанавливались эти запреты при повсеместном распространении пьянства и при массовом распространении нищенства. Оба эти явления были так привычны для русского глаза, что на них не обращалось никакого внимания, и меньше всего внимания обращала сама полиция. При желании она могла бы заполнить пьяными и нищими все места лишения свободы в империи¹.

При рассмотрении Устава становится очевидно, что внутренняя политика самодержавной власти в пореформенный период имела контур, присущий феодально-крепостническому государству. Достаточно большое количество статей, имевших давнее происхождение, свидетельствует об этом. Данные положения сохранилось и в новой редакции Устава 1890 г.

Несмотря на имевшиеся в законодательных нормах феодально-крепостнические пережитки, в стране полным ходом шла реализация принципов либерализма. Эмансипация и развитие института частной собственности после отмены крепостного права привели к значительному

---

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. С. 43–44 .

росту преступности. Для успешной борьбы с противоправными проявлениями законодателями было принято решение об увеличении численности уездной полиции путем апробации новой должности. 9 июля 1878 г. с утверждением «Временного положения» в 46 губерниях России вводится институт полицейских урядников¹ в помощь становым приставам и для надзора за действиями сотских и десятских на местах, а также для руководства ими². Как отмечал А. Д. Градовский, с введения института урядников произошло «усиление физической силы местной полиции» посредством увеличения ее численности³. Так, в Симбирской губернии штат полицейских увеличился на 80 урядников⁴.

Свою деятельность урядники должны были осуществлять на основе Инструкции полицейским урядникам⁵. В широкий список функциональных обязанностей входили действия по предупреждению и пресечению преступлений. Урядники обязаны были сами или через наиболее благонадежных сотских и десятских тайно следить за людьми, занимающимися совершением преступлений или состоящими под надзором полиции, предписывалось собирать «необходимые сведения негласно пользуясь близким знанием жителей своего участка и местности, стараясь не возбудить никакого подозрения или недоверия»⁶. В случае появления в участке преступной группы воров или грабителей, полицейские урядники должны были донести об этом становому приставу, выяснить месторасположение злоумышленников и при содействии сотских и

---

¹ Временное положение о полицейских урядниках в сорока шести губерниях, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. Собр. II. Т. 53. № 58610.; То же // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. С. 722–724.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 652. Л. 1.

³ Градовский А. Д. Указ. соч. С. 426.

⁴ ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 352. Л. 5–12.

⁵ Инструкция полицейским урядникам от 19 июля 1878 г. // Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. № 130; Справочная книга для чинов полиции на 1900 год. С. 243–255.

⁶ Цит. по: Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Елифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел... С. 55.

десятских, местных обывателей, а в некоторых случаях и лесной стражи произвести задержку членов преступной группы. Когда в подведомственном участке происходило преступление, то полицейский урядник, не позже суток с момента получения сведений, обязан был донести о произошедшем судебному следователю, товарищу прокурора и становому приставу. Полицейский урядник также приступал к производству формального дознания и иным оперативно-розыскным мероприятиям в соответствии с нормами, отраженными в УУС, рассмотренными нами выше.

Таким образом, проведенная реформа уездного административного аппарата способствовала определенному усилению местных полицейских подразделений в борьбе с уголовной преступностью. Появление нового звена между уездной полицией в лице станового пристава и сельскими полицейскими – сотских и десятских – привело к улучшению координации действий последних и в значительной степени освободило первого от многочисленных разъездов по территории стана, что давало больше время на выполнение иных обязанностей.

В июле 1878 г. Александр II, обеспокоенный целым рядом террористических актов, направленных против высокопоставленных чиновников¹, созывает особое совещание из министра юстиции, помощника министра внутренних дел, а также начальника 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) генерала Н. В. Мезенцева. Руководитель политической полиции предложил увеличить количество секретных агентов, внедряемых в структуры революционных организаций, расширить полномочия 3-го Отделения при проведении расследований. Особое совещание оказало полную поддержку. Принятые временные правила дали сотрудникам жандармских подразделений право

---

¹ В январе Вера Засулич тяжело ранила санкт-петербургского обер-полицмейстера Трепова; в феврале в Киеве неудачно покушались на товарища прокурора Котляревского; в мае был убит глава Одесского ГЖУ Гейкинг.

арестовывать подозрительных лиц, а в случае наличия «достаточных» оснований, оповестив министра юстиции, отправлять их в ссылку¹.

Однако предпринятые меры не дали ожидаемых результатов, и, напротив, народовольцы 5 февраля 1880 г. смогли организовать взрыв в Зимнем дворце. Новое покушение на императора вызвало целый ряд преобразований, в результате которых 3-е Отделение СЕИВК перестало существовать, а его дела сосредоточились в Департаменте государственной полиции, образованной при Министерстве внутренних дел².

Реализация различных мер, направленных на борьбу с государственными преступлениями, не смогла предотвратить убийство императора Александра II, которое произошло 1 марта 1881 г. Данное трагическое событие подвергло министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова в секретном циркуляре от 8 апреля за № 1.693 напомнить, что «...при настоящих тревожных событиях, на особенной заботливости полицейских начальств лежит предупреждение и пресечение всяких беспорядков в среде населения...»³. Циркуляр стал одним из последних его распоряжений, вскоре М. Т. Лорис-Меликов был отстранен от должности, и министерство возглавил славянофил Н. П. Игнатьев.

Очевидным был факт несостоятельности правоохранительных органов в борьбе с революционным движением. Девять покушений на Александра II и множественное число террористических актов в отношении государственных сановников свидетельствуют о кризисных проявлениях во внутренней политике правительственных органов. В историографии советского периода процессы конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. характеризовались как «вторая революционная ситуация», которая сложилась в результате социально-экономических противоречий,

---

¹ Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 88.

² См.: Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 208–209; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. С. 95; Рууд Ч., Степанов С. Указ. соч. С. 82–83; Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 88–90.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 201. Л. 26.

нараставших при развитии капиталистических отношений в России¹. Для выхода из сложившейся ситуации император Александр III направил внутреннюю политику на укрепление государственной власти и усиление административного начала в системе управления.

В мае 1881 г. создается комиссия для выработки мер по борьбе с государственными преступлениями. Итогом её деятельности стало разработанное положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»², Высочайше утвержденное 14 августа и наделившее полицейских чинов дополнительными правами. В соответствии с данным положением в губерниях или отдельных местностях Российской империи могли вводиться две стадии исключительного положения: усиленной и чрезвычайной охраны на 1 год и полгода соответственно. Право первоначального объявления какой-либо местности в положении усиленной охраны принадлежало министру внутренних дел (п. 7), а чрезвычайной охраны вводилось решением Комитета министров (п. 9). Данная законодательная новелла расширила возможности властей, предоставив право высылки в административном порядке лиц, в отношении которых не было достаточных улик для привлечения к уголовной ответственности. Срок ссылки составлял от 1 до 5 лет (п. 36). Кроме того, правовой режим усиленной и чрезвычайной охраны предоставил право губернаторам издавать обязательные постановления, которые касались вопросов предупреждения нарушения общественного порядка и безопасности государства.

Разразившиеся революционные события 1905–1907 гг. способствовали введению исключительного положения в различных губерниях Российской империи. Симбирская губерния как составная часть Российского государства не оказалась в стороне от усилившегося революционного подъема. По сути, безнаказанная активная деятельность социалистических партий,

---

¹ См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964.

² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. Собр. III. Т. 1. № 350.

осуществлявших экспроприацию, террор и совершивших убийство губернатора К.С. Старынкевича, стала основной причиной объявления положения усиленной охраны в губернии 22 апреля 1907 г. Кроме того, следует отметить личные качества и.д. губернатора Д.Н. Дубасова, способствовавшего введению исключительного положения.

В период реализации положения усиленной охраны Д.Н. Дубасовым несколько раз издавались обязательные постановления, распространявшиеся на всю территорию Симбирской губернии. Акты, изданные 26 апреля, 2 и 19 июня, 13 сентября, а также 20 октября 1907 г., в большей степени были направлены на предупреждение преступности и носили запрещающий характер. В частности, повсеместно воспрещались разного рода собрания и сборища без соответствующего на то разрешения, вмешательства в деятельность чинов полиции при исполнении ими своих обязанностей, вхождение в чужие владения и т. д. Опубликованные нормы обязательных постановлений в нередких случаях дублировали содержание статей уголовного законодательства. К примеру, параграф 2 обязательного постановления от 19 июня 1907 г. запрещал «самовольные порубки леса, покос травы, а также похищение или присвоение чужих произведений сельского хозяйства как то увоз снопов сена, хлеба»¹. Но под похищением и присвоением следует понимать кражу или грабеж в зависимости от того, как оно было совершено. За данные преступные деяния предусматривалась ответственность, отраженная в нормах Устава о наказаниях. Так, самовольные порубки наказывались в соответствии со статьей 155 устава.

Таким образом, противоправные поступки, предусмотренные уголовным законодательством и разрешаемые в судебном порядке, могли быть осуществлены в рамках административного права. Местная власть в лице губернатора пыталась распространить административное регулирование на все стороны жизни подданных, оттесняя следственно-судебные органы от участия в расследовании и разрешении совершенных не только

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 546. Л. 34.

политических, но и общеуголовных преступных действий. Однако можно предположить, что административная власть совершала подобные заявления при некомпетентности в вопросах уголовного законодательства. Основанием такого вывода могут служить обстоятельства, в результате которых содержания обязательных постановлений были отправлены в МВД для соответствующей проверки. В результате верификации Департамент полиции обратил свое внимание на коллизию правовых норм и предписал губернатору пересмотреть изданные постановления от 19 июня 1907 г.¹

Положения усиленной охраны вводились и в отдельных местностях Симбирской губернии. И.д. губернатора князь Л.В. Яшвиль издал обязательные постановления для города Сызрани и прилегающих территорий в результате объявления Высочайшим указом исключительного положения 8 июля 1906 г. Но причиной этому послужил не подъём революционного движения, а пожар 6 июля, истребивший почти весь город, и последовавшее за ним массовое мародерство. Нормы постановления носили запрещающий характер, «воспрещалось всякое недозволительное сборище», «самовольное вторжение в чужие жилища и другие помещения» (п. 1). Помимо озвученного, налагался запрет на вывоз из города предметов и вещей без осмотра сотрудниками полиции (п. 3), посещение посторонними лицами мест, подвергшихся пожару, после 10 часов вечера и до 3 часов утра (п. 4)².

В начале Первой мировой войны на территории Симбирской губернии вводятся положения чрезвычайной охраны, которые продлевались по прошествии полугода. Обязательные постановления губернаторов в основном были направлены на стабилизацию цен³, поддержание мер общественного порядка⁴. Кроме того, издавались акты, направленные на реализацию «сухого закона». В частности, и.д. симбирского губернатора Н.Л. Шишков в обязательном постановлении запрещал приготовление,

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 546. Л. 51–52.

² Там же. Оп. 7. Д. 312. Л. 9.

³ Симбирские губернские ведомости. 1916. 6 февраля (№ 10). С. 1.

⁴ Там же. 9 июля (№ 50). С. 3–4.

приобретение, хранение, продажу и передачу алкогольных напитков, суррогатов и спиртосодержащих веществ. Виновные за нарушения подвергались в административном порядке заключению в тюрьму на срок до трех лет или денежному штрафу в размере до трех тысяч рублей¹.

Таким образом, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» можно охарактеризовать как репрессивный нормативно-правовой акт государственной власти, изданный для борьбы прежде всего с государственными преступлениями. Но предоставление полиции широких прав отрицательно сказалось на деятельности по практической реализации правовых норм. Происходило повсеместное ограничение прав и свобод населения империи полицейскими органами. Глава Департамента полиции в 1902–1905 гг. А. А. Лопухин в своих мемуарах упоминал, что Положение от 14 августа 1881 г. «поставило все население России в зависимость от личного усмотрения чинов политической полиции»². Несмотря на то, что положения имели временный характер, они распространялись на значительной части империи и порой на долговременный период. Так, до 1905 г. положение усиленной охраны действовало на протяжении 24 лет в 7 губерниях, 2 градоначальствах и 2 городах. В начале XX в. исключительное положение охватывало почти всю территорию Российской империи. По мнению В. М. Гессена, подобное состояние породило ожесточение народных масс и в результате «создалась анархия кровавого террора»³.

Утвержденные в начале 1882 г. «Положение о полицейском надзоре»⁴ и секретное «Положение о негласном полицейском надзоре»⁵ устанавливали гласный и негласный полицейский надзор за некоторыми подданными Российской империи. Исполнительная полиция при реализации гласного

---

¹ Симбирские губернские ведомости. 1916. 2 июля (№ 48). С. 2–3.

² Цит. по: Пайпс Р. Указ. соч. С. 398.

³ См.: Гессен В. М. Указ. соч. С. 171.

⁴ Положение о полицейском надзоре // ПСЗ. Собр. III. Т. 2. № 730.

⁵ Положение о негласном полицейском надзоре // История полиции России : краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998.

надзора имела право входить в жилища поднадзорных «во всякое время», производить обыски и выемки, просматривать корреспонденцию и выдавать свидетельства на временные отъезды (отлучки). Негласный надзор за «политически неблагонадежными» лицами осуществляли сотрудники политической полиции при соблюдении мер конспирации. При этом служащие исполнительной полиции оказывали полное содействие чинам корпуса жандармов¹. Ю. Л. Дудченко считала, что введение «Положения о негласном полицейском надзоре» положительно отразилось на деятельности Департамента полиции, и его функционирование стало намного эффективнее². Но, по сути, данные законодательные новеллы являлись своего рода дополнениями к Уставу о предупреждении и пресечении преступлений и были направлены в большей степени на осуществление контроля за лицами, имевшими революционный настрой.

Более 20 лет полицейские органы руководствовались нормами Положения о негласном надзоре. Но возрастающее с каждым годом число негласно-поднадзорных и развитие организаций с преступными политическими целями в начале XX в. выявили, что предупредительная борьба с ними путем негласного надзора являлась недостаточной. В итоге 10 января 1904 г. министр внутренних дел В. К. Плеве циркулярным предписанием отменил действие «Положения о негласном полицейском надзоре», а также все изданные разъяснительные циркуляры³.

Только на организации полицейского надзора в деле борьбы с уголовной преступностью правительственные органы не остановились. 3 декабря 1882 г. было узаконено положение «Об устройстве секретной полиции в Империи». Общее руководство деятельностью институтов секретной полиции принадлежало инспектору секретной полиции, назначенному на эту должность товарищем министра. В тех же местностях,

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 8. Д. 446. Л. 75.

² Дудченко Ю. Л. Указ. соч. С. 27.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 116. Л. 442–442 об.

где особые отделения не были открыты, розыском по государственным преступлениям занимались чины жандармских управлений¹. Ф.М. Лурье предположил, что должность инспектора секретной полиции создавалась специально под Г.П. Судейкина², проявившего свой талант при ликвидации народнических кружков в конце 1870-х гг.³ Назначенный на эту должность, он сразу же предложил использовать провокационные методы в борьбе с государственными преступниками⁴.

Таким образом, с начала правления Александра III государственная политика была направлена на усиление контроля над населением империи. Данными методами власть пыталась предотвратить возможные противоправные деяния, в том числе и государственные преступления, которые совершали лица с делинквентным поведением. Для реализации намеченных задач на полицейские органы возлагались обязанности по наблюдению за данными лицами и предотвращению возможных преступлений.

Правительственный курс Александра III, направленный на стабилизацию социально-политической жизни в стране, привел к пересмотру положений судебной реформы 1864 г. Из компетенции суда присяжных заседателей изымались уголовные дела о насильственных преступлениях против должностных лиц, ограничивалась гласность и публичность судебных

---

¹ См.: Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). С. 377.

² Судейкин Георгий Порфирьевич (11.04.1850 – 16.12.1883). Родился в дворянской семье. В феврале 1874 г. был принят в Отдельный корпус жандармов и назначен адъютантом Воронежского жандармско-полицейского управления железной дороги. В 1879 г. раскрыл Киевскую организацию «Народная воля». В 1881 г. стал заведующим агентурой Петербургского охранного отделения и доверенным лицом В.К. Плеве и Д. А. Толстого. В 1882 г. занял пост инспектора секретной полиции. Был убит 16 декабря 1883 г. на конспиративной квартире в Петербурге народовольцами В. П. Конашевичем и Н. П. Стародворским. См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 316–340; Охранка: воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 433.

³ Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 164.

⁴ См.: Богучарский В. Я. Указ. соч. С. 311.

заседаний¹. Изданное в 1889 г. «Положение о земских участковых начальниках» упразднило мировой суд и передало уголовное судопроизводство по делам, предусмотренным Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, новому институту. В то же время законодательный акт предоставил земским начальникам полицейские функции по предупреждению и пресечению преступлений и руководству низшими чинами уездной полиции (ст. 24)².

В результате институт земских начальников, состоящий из поместных дворян, получил достаточно широкие судебно-полицейские права и полномочия, что позволило контролировать повседневную жизнь крестьянского сословия, не допуская распространения проявлений делинквентного поведения в среде крестьянства.

В начале XX в. жандармские управления пытались контролировать деятельность политических партий, просветительских, научных и благотворительных обществ, профсоюзов, а также религиозных сект и национальных объединений³. Для осуществления подобной деятельности возникала необходимость централизации руководства и координации действий жандармов в борьбе с государственными преступлениями.

Именно для выработки мер по борьбе с революционным движением в начале 1902 г. в Санкт-Петербурге состоялось совещание под руководством директора Департамента полиции С.Э. Зволянского. На заседании рассматривались вопросы, связанные с усилением агентурного наблюдения в тех губерниях, где революционное движение имело наибольшее развитие, и взаимодействия между ГЖУ. В ходе обсуждений были приняты положения, которые предписывали начальникам ГЖУ составлять обзоры деятельности революционеров на местах⁴. Затем циркуляром Особого отдела Департамента

---

¹ Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века : учеб. пособие / под ред. В. В. Керова. С. 405.

² Положение о земских участковых начальниках // ПСЗ. Собр. III. Т. 9. № 6196.

³ Нарбутов Р. В. Указ. соч. С. 6.

⁴ Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 96.

полицейской от 19 августа 1903 г. за № 7649 начальникам управлений предписывалось предоставлять подробнейшие сведения о лицах действовавших и действующих местных организаций партии социалистов-революционеров для составления картотеки Особого отдела¹. Таким образом, в начале XX в. структуры политической полиции пришли к выводу о необходимости создания единой базы данных профессиональных революционеров, что значительно способствовало бы улучшению контроля за ними и позволило бы жандармским подразделениям действовать более оперативно.

Для реализации действий по борьбе с революционными организациями министром внутренних дел В.К. Плеве 12 августа 1902 г. были утверждены «Положения о начальниках розыскных отделений». Согласно данному акту были учреждены 8 розыскных отделений в Киеве, Риге, Одессе, Баку, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Севастополе и Лодзи. В начале следующего 1903 г. в империи функционировало уже 3 охранных и 14 розыскных отделений, часть последних вскоре были переименованы в охранные. По заявлению А. А. Овчинникова положение стало первым нормативным актом, в котором использовалось словосочетание «наружное наблюдение» как один из методов борьбы полицейских органов с преступностью².

Принятое 27 июня 1904 г. «Временное положение об охранных отделениях» произвело разграничение функций жандармских управлений и охранных отделений. Согласно новому положению жандармы могли производить только дознание по политическим делам, а охранные отделения осуществляли оперативно-розыскные мероприятия. Для лучшей служебной осведомленности начальникам отделений предписывалось использовать секретных агентов. Кроме того, в положении регламентировалось

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 85. Л. 241–241 об.

² Овчинников А. А. Указ. соч. С. 17–18.

взаимодействие ГЖУ, порядок арестов и обысков, а также производство дознаний¹.

Развернувшиеся события Первой русской революции и неспособность охранительной системы империи надежно защитить самодержавие от социальных потрясений, как справедливо подмечал Ю. А. Реент², потребовали от правительства объединения и направления деятельности местных органов политического розыска. С этой целью П. А. Столыпиным 14 декабря 1906 г. было утверждено создание районных охранных отделений³ (РОО). Согласно данному положению в России создавалось 8 РОО: Северное, Центральное, Поволжское, Юго-Восточное, Юго-Западное, Южное, Северо-Западное и Прибалтийское. Подъем революционного движения в Сибири и Туркестане вынудил правительственные круги пойти на учреждение еще двух РОО в декабре 1907 г. В своих воспоминаниях П. П. Заварзин упоминает, что создание областных и районных комитетов революционными партиями послужило основанием для организации районов по розыску⁴. То есть созданные охранные отделения территориально совпадали с деятельностью комитетов революционно настроенных политических партий.

Поволжское отделение охватывало территорию Самарской, Пермской, Вятской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Саратовской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской губерний и Уральской области. В округе районного отделения все органы, занимающиеся политическим сыском, руководствовались указаниями и требованиями начальника РОО. Согласно изложенным положениям главной задачей ставилось создание внутренней агентуры в отделениях, которая могла бы освещать деятельность революционных партий и групп. Начальникам ГЖУ было предписано

---

¹ См.: Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917 гг.). С. 120; Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 97.

² См.: Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917). С. 21.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Л. 1–4.

⁴ Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 10.

производить усиление филёрского состава¹ лучшими унтер-офицерами для ведения наружного наблюдения, негласного сбора информации и т. д. Однако в положении не были отражены вопросы, касающиеся регламентации деятельности отделений. Существовавшие пробелы вскоре ликвидировались секретными циркулярами, в которых содержались уточнения и дополнения. В частности, 3 сентября 1907 г. Особый отдел Департамента полиции разослал сводки агентурных данных в качестве приложения к первому параграфу положения².

В целом, в Положении о районных охранных отделениях можно выделить три основных направления их деятельности:

1) посредничество при передаче различных данных, в том числе агентурных, между центральными органами политической полиции и их региональными подразделениями;

2) направление и координация деятельности местных органов политической полиции;

3) осуществление контроля за функционированием ГЖУ, жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж.д.).

Департаментом полиции МВД уже в феврале 1907 г. были использованы сотрудники РОО для ознакомления служащих, занимающихся политическим розыском, с «Инструкцией по организации и ведению внутренней агентуры», носящей особо секретный характер³.

Рост революционного движения в губерниях и бессилие некоторых ГЖУ в борьбе с ним способствовали формированию новых охранных отделений. Это потребовало от правительственных кругов разработки нового «Положения об охранных отделениях»⁴, которое включило в себя многочисленные предшествующие инструкции. Данный акт, вступивший в

---

¹ Филёр (от франц. *Fileur* – полицейский сыщик) – негласный сотрудник наружного наблюдения.

² ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 758. Л. 10 об.

³ Агафонов В. К. Указ. соч. С. 187–188; Ирецкий В. Я. Указ. соч. С. 23.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. Л. 1–5.

законную силу 9 февраля 1907 г., в определенной степени расширил полномочия охранных отделений. Теперь в исключительных ситуациях, когда «на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник», сотрудники охранных отделений имели право производить следственные действия: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь при этом УУС. Согласно § 13 положения, начальники отделений должны были принимать все меры для сосредоточения в своих руках всех розыскных мероприятий, при этом сотрудники корпуса жандармов и общей полиции, получая оперативную информацию, касающуюся политического розыска, обязывались ее сообщать начальнику охранного отделения.

Для улучшения розыска начальники отделений, кроме материалов агентуры и наблюдения, могли пользоваться всеми имеющимися сведениями местных жандармских управлений с разрешения начальников управлений, обзревали дела, производящиеся в порядке, предусмотренном статьей 1035 УУС и Положением об охране и по негласному розыску (§ 17). Подобное положение дел, при котором происходило замещение функций жандармских управлений функциями охранных отделений, приводило к противоречиям в работе двух органов.

В начале 1907 г. в России насчитывалось 25 охранных отделений, а в конце того же года – 27. В Поволжье располагалось 3 отделения: Казанское, Нижегородское и Саратовское. Ходатайство начальника Симбирского ГЖУ об образовании охранного отделения в городе было отклонено Департаментом полиции ещё в октябре 1906 г. После отказа жандармское управление вновь обратилось в Департамент с запросом о возможности возложения руководства секретной агентурой на сотрудников общей полиции. В декабре 1906 г. был получен ответ, что по договоренности двух сторон данный вариант возможен. В результате наружное наблюдение осуществляли представители ГЖУ, а секретной агентурой руководил

симбирский полицмейстер Пифеев¹. Таким образом, своеобразный симбиоз общей полиции и ГЖУ, по сути, стал одним из разновидностей охранных отделений.

Таким образом, революционные события 1905–1907 гг. придали импульс организационно-правовым преобразованиям в деятельности политической полиции. Но сложившаяся структура политических подразделений носила лишь временный характер. После снижения революционной активности оппозиционных сил количество охранных отделений начинает сокращаться, к началу Первой мировой войны почти все РОО были упразднены. На основании чего можно прийти к выводу о том, что все совершенные преобразования в 1905–1907 гг. в большей степени были направлены лишь на подавление революционного движения, а не на длительное функционирование институтов с целью предупреждения государственных преступлений.

Однако в начале XX в. происходила реорганизация не только политической, но и общей полиции. Ещё до начала революционных потрясений правительственные круги пошли на изменение структуры нижних чинов уездной полиции. Так, в результате утвержденного 5 мая 1903 г. закона «Об учреждении полицейской стражи»² институт урядников сокращался, но название сохранялось за начальником отряда стражников, который имел иные права и обязанности. Кроме урядников, в новом полицейском образовании состояли стражники и старшие стражники, причем как пешие, так и конные. В соответствии с положениями учреждение полицейской стражи в 46 губерниях происходило в период с 1903 по 1908 г. В течение этого времени полицейские стражники должны были постепенно сменить урядников и выборных полицейских сотников. По замыслам законодателя, новообразованный институт создавался для поддержания законного порядка в сельской местности и, главное, был направлен на

---

¹ Романов В. В. Указ. соч. С. 100, 104.

² Об учреждении полицейской стражи // ПСЗ. Собр. III. Т. 22. № 22906.

пресечение крестьянских выступлений, которые с регулярной периодичностью вспыхивали в различных уголках Российской империи.

Постоянный рост общеуголовной преступности в конце XIX – начале XX в.¹ и увеличение числа профессиональных преступников, специализирующихся по узким направлениям, способствовали образованию в России особых подразделений по борьбе с упомянутым явлением. В конце 1907 г. председателем Совета министров П. А. Столыпиным был одобрен законопроект «Об организации сыскной части». Высочайше утвержденный 6 июля 1908 г. правовой акт привел к созданию во всех крупных городах империи сыскных отделений четырех разрядов². От наличия разряда и количества населения соответственно зависела и численность сотрудников той или иной сыскной части. К примеру, в Симбирском сыском отделении, относившемся к третьему разряду, на службе находилось 8 сотрудников, включая начальника отделения П. И. Мицкевича³, а в Самарском и Саратовском отделениях, которые были определены ко второму разряду, – 11⁴. Однако в данном акте отсутствовали конкретные обязанности сотрудников нового подразделения и лишь частично оговаривалась его структура.

Подробная регламентация деятельности чинов сыскных отделений была опубликована в специальной инструкции почти через два года после образования института, 9 августа 1910 г. В первом же параграфе инструкции определялась цель отделений: «негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера»⁵. Для

---

¹ См.: Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. С. 66; Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. С. 11; Остроумов С. С. Указ. соч. С. 62.

² Об организации сыскной части // ПСЗ. Собр. III. Т. 28. № 30672.

³ Сивопляс И. Пионеры симбирского сыска. URL: <http://ulpressa.ru/2012/10/04/pioneryi-simbirskogo-syiska>.

⁴ См.: Лобанов А. В., Кузнецов О. В. Указ. соч. С. 147; Короткова С. В. Указ. соч. С. 353.

⁵ См.: Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.

выполнения озвученных задач сотрудникам предписывалось производить систематический надзор за преступным элементом путем организации агентуры и наружного наблюдения. При выявлении сведений о государственных преступлениях начальники сыскных частей обязаны были передавать в ГЖУ или охранные отделения агентурную информацию, при этом не принимая «каких-либо мер по означенным делам». Так же как и служащие общей полиции, чины сыскных отделений исполняли поручения органов прокурорского надзора и судебных следователей по общеуголовным делам. Кроме того, сотрудникам отделений в служебной деятельности указывалось «стремиться к полному единению с чинами общей полиции», а последние обязаны были всегда оказывать помощь сотрудникам сыскных отделений. Более подробно взаимоотношения определялись распоряжениями начальников местной полиции, подобное положение на практике нередко приводило к подчинению сыскных аппаратов местным полицейским учреждениям¹.

Таким образом, в инструкции чинам сыскных отделений отсутствовала четкость в отношении разграничения функциональных обязанностей сыскных отделений и местных подразделений общей полиции. Сложившееся положение приводило к определенной сложности во взаимоотношениях двух институтов. Тем не менее организация уголовного сыска в начале XX в. стала важным новообразованием в структуре полицейских учреждений. Впервые создавалось подразделение для борьбы с профессиональными группами преступников, совершавших главным образом имущественные преступления.

Различные специализации преступной деятельности привели в дальнейшем к образованию нескольких направлений в сыскной полиции, занимающихся:

---

¹ Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX – начало XX века). С. 44.

- 1) убийствами, грабежами, разбоями и поджогами;
- 2) кражами и профессиональными преступными организациями;
- 3) мошенничеством и контрабандами¹.

В годы Первой мировой войны Совет министров для улучшения функционирования органов принял постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»² от 23 октября 1916 г. Согласно данному акту в городских поселениях численный состав полицейских команд определялся из расчета один городской на четыреста жителей обоего пола (п. 1). Общее число стражников в сельской местности определялось из расчета один стражник на каждые две тысячи душ населения обоего пола (п. 21). Кроме того, в каждой волости состояло по одному уряднику (п. 20). То есть устанавливалось соотношение состава полиции с численностью жителей населенных пунктов. В целом, это приводило к росту полицейских штатов и повышению размеров их денежного довольствия. Подобное увеличение численного состава правительство хотело осуществить в связи с подъёмом стачечного движения, возрастанием числа крестьянских выступлений и общей напряженностью в обществе, вызванной ухудшением положения на фронте. По-прежнему основной задачей общей полиции оставалось поддержание законопорядка в государстве. Но Февральская революция 1917 г. и последовавшая ликвидация Департамента полиции остановили реализацию предусмотренных положений.

Подводя итог исследованию правовых норм, регламентировавших организацию государственных институтов в борьбе с уголовной преступностью, следует выделить группы нормативно-правовых актов, которые обеспечивали функционирование органов внутренних дел, судебно-следственного аппарата и прокуратуры. Высшей юридической силой обладали законы, принятые в особом законодательном порядке и

---

¹ Рыбников В. В., Алексушин Г. В. Указ. соч. С. 106.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. № 307. Ст. 2426.

регулирующие деятельность правоохранительных органов на всей территории империи, если иное не было прописано в законе. Вторую группу источников права составляли подзаконные акты (циркуляры) ведомств МВД. К третьей относились постановления губернаторов, в большей степени повторявшие циркулярные положения Министерства внутренних дел, исключением в некоторых случаях являлись обязательные постановления, изданные в рамках усиленного или чрезвычайного положения.

Правовая регламентация деятельности правоохранительных органов имела разностороннюю направленность. С одной стороны, это способствовало в достаточной степени продуктивному функционированию государственных институтов; с другой стороны, излишняя загруженность обязанностями не позволяла сосредоточиться на основных направлениях своей деятельности. Последнее касалось, прежде всего, местных органов внутренних дел – общей полиции.

В становлении и развитии правового обеспечения деятельности правоохранительных органов можно выделить три периода. Хронологические рамки первого периода охватывают время коренных преобразований, происходивших в 60–70-е гг. XIX в. Он характеризуется либерализацией законодательства. Возникают самостоятельные судебные инстанции, следственные органы, происходит реорганизация полицейских учреждений, что в целом приближает правоохранительную систему к западноевропейским стандартам. Однако в рамках реализации намеченного курса существовала определенная непоследовательность. В частности, законодательная новелла от 19 мая 1871 г. носила явно консервативный, охранительный характер. Второй период берет свое начало в 1881 г. и оканчивается в 1905–1906 гг. В это время происходит усиление административно-полицейских начал благодаря принятому в августе 1881 г. «Положению о мерах к охранению государственного порядка». В судах ограничивается принцип гласности и уменьшается роль института присяжных заседателей. С начала XX в. и до известных событий февраля

1917 г. – время третьего периода. В его рамках прослеживается противоречивость правительственного курса. Так, «реставрация» либеральных принципов на общеимперском уровне легко могла быть ликвидирована нормами обязательных постановлений губернаторов в ходе реализации положений чрезвычайной или усиленной охраны. Важным моментом стало возвращение функций расследования государственных преступлений следственным органам. Возникшие новые институты политической полиции в годы революции ликвидировались в скором времени после подавления протестных движений, что свидетельствует о краткосрочных целях их создания, а нормативная база в указанный период не всегда отличалась четкостью формулировок.

* * *

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что изменение социально-экономической конъюнктуры и курса политического развития государства во второй половине XIX – начале XX в. приводило к периодам роста и спада уголовной преступности как в границах всего государства, так и в пределах Симбирской губернии. От состояния преступности во многом зависели организационно-правовые формы деятельности органов правопорядка. В большей степени нововведениям, изменениям и дополнениям подвергались нормативно-правовые основы функционирования полицейских органов. Особое внимание в этом вопросе отводилось жандармским подразделениям, занимавшимся предупреждением и пресечением государственных преступлений. Во время революционных потрясений начала XX в. это отразилось в возникновении новых институтов политического розыска. Что касается исполнительной полиции, то для усиления борьбы с проявлениями противоправного поведения в периоды роста преступности государство усиливало штат низших чинов уездной и городской полиции. Кроме того, законодательная новелла 1889 г. делегировала участковым земским начальникам часть полицейских прав в

вопросах противодействия преступности, увеличивая в уездах «физическую силу» правоохранительных органов.

Правовое регулирование деятельности судебных органов, включая следственную часть и прокурорский надзор, также зависело от циклов развития уровня уголовной преступности. В частности, в годы увеличения количества государственных преступлений из юрисдикции судебных следователей были изъяты права по предварительному расследованию противоправных деяний данного вида и переданы жандармским офицерам, а рост общего уровня преступности в конце 1870-х – начале 1880-х гг. спровоцировал ликвидацию института мировых судей на большей части Российской империи.

В то же время необходимо подчеркнуть, что общая либерализация законодательства в 1860–1870 гг. в некоторой степени способствовала росту преступности в указанный нами период. Непоследовательный курс в развитии правового регулирования органов правопорядка в начале XX в. привел не только к увеличению уровня противоправных деяний, но и, в конечном счете, к глубокому кризису в системе и неспособности противостояния криминалу.

ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

После отмены крепостного права возрастание количества общественно опасных деяний потребовало от исполнительной власти активизации деятельности, направленной на противодействие преступным проявлениям. На переднем плане этой борьбы находились полицейские органы. Именно политическая и исполнительная полиция должны были решать сложнейшие задачи противодействия преступности. В ходе их реализации органы внутренних дел действовали по нескольким направлениям, условно мы можем разделить их на предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений и розыск преступников.

Под предупреждением следует понимать профилактику и предотвращение преступлений. Пресечение подразумевает под собой ликвидацию начавшегося или продолжающегося преступления. Раскрытие связано с установлением обстоятельств совершения преступного деяния и выявлением совершивших его лиц, то есть с розыском преступников. Для успешного осуществления деятельности по каждому из направлений органами использовались различные организационные формы и методы противодействия.

Устоявшееся в криминологии понятие «предупреждение преступности» подразумевает под собой «целенаправленное воздействие государственных институтов, общества, частных лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений»¹. Рассматривая профилактику как составную часть предупреждения, следует понимать, что она представляет собой деятельность по выявлению причин преступлений,

---

¹ Криминология : учебник для вузов // под общ. ред. А. И. Долговой. С. 435.

условий и обстоятельств, способствующих их совершению, а также выявлению круга лиц, способных совершить противоправные деяния, и проведению с ними необходимых мероприятий¹.

Предотвращение преступлений представляет собой прекращение противоправной деятельности на самом начальном этапе, когда злоумышленник только планирует и готовится к совершению преступления (то есть на этапе, когда его действия ещё нельзя квалифицировать как уголовно наказуемые).

2.1. Жандармское управление губернии в борьбе с преступностью

В целях предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний сотрудниками жандармского управления Симбирской губернии применялись методы внутреннего и наружного наблюдения, а также перлюстрации. Наружное наблюдение осуществлялось как в открытой (гласный и особый надзор), так и в латентной форме (негласный надзор). Данные методы получили широкое распространение в начале XX в. вследствие перехода революционных организаций к конспиративному характеру антигосударственной деятельности.

Метод внутреннего наблюдения представлял наибольшую важность в деятельности по противостоянию государственной преступности, так как внутренняя агентура являлась надежным средством получения достоверной информации. В состав внутренней агентуры привлекались секретные агенты, которых можно разделить на три группы:

1) агенты внутреннего наблюдения – лица, непосредственно состоявшие в преступных организациях, или же лица, которые косвенным

---

¹ Криминология. С. 339.

образом были осведомлены о внутренней жизнедеятельности отдельных членов преступных сообществ;

2) вспомогательные сотрудники, или осведомители, – лица, которые не состояли в преступных организациях, но имели с ними связи и исполняли их различные поручения;

3) штучники – лица, доставляющие отдельные сведения за отдельную плату¹.

Несмотря на то, что услугами штучников пользовались фактически до 1914 г., в большинстве инструкций указывалось на нежелательность их использования, так как данные сотрудники не обладали достаточными положительными качествами и быстро становились дорогими агентами для государственного органа². Занимая должность начальника Особого отдела Департамента полиции, С. В. Зубатов говорил, что штучников необходимо гнать прочь, так как они «...не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать»³. Наиболее же эффективными секретными сотрудниками являлись агенты внутреннего наблюдения.

Активное и повсеместное использование метода внутреннего наблюдения началось в годы Первой русской революции. В Поволжье основная масса жандармских управлений применяла метод в конце 1905 – первой половине 1906 г.⁴ Несколько иным образом обстояли дела в полицейских учреждениях Симбирской губернии. Первоначально секретной агентурой обладали только управления общей полиции, которые использовали агентов внутреннего наблюдения при розыске уголовных преступников. С началом революционных событий сотрудники исполнительной полиции стали привлекать осведомителей в помощь служащим жандармского управления при расследовании государственных преступлений⁵.

---

¹ Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 130.

² См.: Гончарова Е. А. Указ. соч. С. 13; Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 5.

³ Цит. по: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 50.

⁴ Романов В. В. Указ. соч. С. 141.

⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 197. Л. 15а–15а об.

Возглавивший Симбирское ГЖУ подполковник С. П. Шабельский в июле 1907 г. сменил на этом посту полковника М. И. Дубельта, который не смог организовать собственной агентурной сети, а получал сведения от симбирского полицмейстера В. А. Пифеева. Новое руководство не могло себе позволить получать агентурные сведения через городское полицейское управление и перевело всех агентов, имеющих отношение к революционным политическим партиям, под своё руководство. В целом, С. П. Шабельский, занимая должность начальника Симбирского ГЖУ, смог достаточно хорошо организовать агентурную сеть. Благодаря его усилиям в 1912 г. в управлении насчитывалось 18 постоянных агентов и 36 штучников. Из них по двое были завербованы в 1908 и 1909 гг., пять человек – в 1910 г., шесть – в 1911 г., проживали они как в уездных городах, так и в сельских населенных пунктах (см. таблицу 14). При этом в качестве секретных сотрудников привлекались лица не только по партийному принципу, но и разной социальной, профессиональной принадлежности¹. В частности, агентурную информацию по антигосударственной деятельности эсеров предоставляли агенты «Иванов», «Самарский», «Толстой», «Половцев», «Смоленский», последний также собирал сведения о социал-демократической партии. «Султанов» освещал деятельность панисламистской организации. Пять секретных сотрудников («Богатырев», «Галкин», «Михайлов», «Семенов» и «Чернов») являлись почтовыми работниками, а агент «Жук» – слесарем железнодорожных мастерских².

Таким образом, развитие революционных событий способствовало широкому использованию на территории Симбирской губернии со второй половины 1907 г. метода внутреннего наблюдения жандармским управлением. Выстроенная и достаточно хорошо организованная агентурная сеть в последующие годы позволяла политической полиции достаточно эффективно отслеживать, контролировать и пресекать противоправную

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 760. Л. 1.

² Там же. Д. 1123. Л. 11–14.

деятельность не только членов политических партий, религиозных организаций, но и простых обывателей. Но, тем не менее, данное положение не способствовало в полной мере ликвидации антигосударственной деятельности революционных организаций в регионе.

Таблица 14

Перечень секретных сотрудников
Симбирского губернского жандармского управления в 1912 г.*

№ п/п	Секретный сотрудник	Начало сотрудничества	Место пребывания
1	«Толстой»	1907 г.	—**
2	«Иванов»	1907 г.	—
3	«Бояринов»	1908 г.	г. Сенгилей
4	«Смоленский»	1908 г.	
5	«Румянцев»	1909 г.	г. Сызрань
6	«Путилов»	1909 г.	г. Сызрань
7	«Петров»	1910 г.	с. Судосеево Карсунского уезда
8	«Чернов»	1910 г.	—
9	«Галкин»	1910 г.	—
10	«Михайлов»	1910 г.	—
11	«Семенов»	1910 г.	—
12	«Александров»	1911 г.	—
13	«Жук»	1911 г.	г. Алатырь
14	«Соловей»	1911 г.	г. Алатырь
15	«Половцев»	1911 г.	г. Сызрань
16	«Богатырев»	1911 г.	г. Сызрань
17	«Самарский»	1911 г.	—
18	«Султанов»	1911 г.	—

* Составлено по: ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1123. Л. 11–14.

** Информация о месте пребывания отсутствует.

В подавляющем большинстве случаев вербовка агентов шла после «прокола» члена революционной организации. Угроза ареста или арест вынуждали некоторых идти на сотрудничество с жандармским управлением.

Например, эсеры Н.В. Магницкий и М.И. Лукьянов 21 декабря 1907 г., пытаясь ограбить колонию душевнобольных, были схвачены полицией. В результате Н.В. Магницкий был арестован и выслан из Симбирска в Сызрань, где проживали его родители, а М.И. Лукьянов стал тайным сотрудником (агентом) жандармерии¹. В единичных случаях сами революционеры шли на контакт с жандармами для предоставления дезинформации. Так, В.Я. Зубцов, выполняя решение комитета социал-демократической партии (РСДРП), находящегося в Сызрани, согласился на вербовку в качестве тайного осведомителя, вопреки постановлению Лондонской конференции социал-демократической партии в 1906 г., и снабжал ложной информацией помощника начальника ГЖУ в Сенгилеевском и Сызранском уездах Л. С. Ивлева².

Некоторые из агентов внутреннего наблюдения предоставляли управлению ценнейшие сведения о деятельности революционных организаций. В частности, Евгений Федоров, он же «Николаев»³, в достаточно полном объеме освещал состояние дел в социал-демократической партии. Благодаря его донесениям власти располагали данными о расположении комитета, лицах, состоящих в нем, месте нахождения типографии⁴. Именно агентурная деятельность «Николаева» и предоставляемые им сведения способствовали ликвидации всей противоправной деятельности социал-демократической партии в Симбирске⁵.

После ликвидации деятельности преступных организаций и снижения революционной активности в регионе, среди секретных агентов значились лишь вспомогательные сотрудники (осведомители) и штучники. Их донесения не содержали существенных сведений. К примеру, 16 декабря

---

¹ Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 125.

² Там же. С. 137, 139.

³ Освещал антигосударственную деятельность социал-демократической партии в июле 1907 – августе 1908 г.

⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 758. Л. 3–3 об.

⁵ Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 107–108.

1908 г. на базаре в городе Карсун агент «Рыжий» стал свидетелем разговора священника села Потьмы Карсунского уезда В. Раждаева и крестьянина того же села П. Тырина. Речь шла об укреплении земель в собственность, «...священник уговаривал крестьянина укреплять земли за собой и вообще не исполнять предписаний начальства». Наблюдение за действиями священника В. Раждаева и выяснение личности П. Тырина поручалось агенту «Рыжему»¹. Подобные донесения могли служить лишь для выявления общей картины настроений общественности, и никоим образом не являлись важными сведениями по государственным преступлениям.

В другом случае помощник начальника жандармского управления в Ардатовском, Алатырском и Курмышском уездах подполковник И. М. Борщов в июле 1913 г., завербовав в г. Алатырь агента-«штучника», студента Казанской духовной академии С. П. Яковлева («Блондин»), сообщал в управление, что в обязанность секретного сотрудника входит осуществление наблюдения за лицами, приехавшими на каникулы из высших учебных заведений, и остальным населением г. Алатырь².

Анализ приведенных фактов позволяет нам заключить, что, по всей вероятности, после снижения революционной активности в регионе большинство агентов уже не представляли особой ценности для жандармского управления, а содержались в большей степени для отчетности перед Департаментом.

Необходимо отметить, что в ходе реализации метода внутреннего наблюдения существовала проблема достоверности информации, предоставляемой секретными агентами. В частности, 20 января 1906 г. жандармским управлением была получена информация о готовящихся на территории губернии революционными организациями террористических актов и попытках освобождения арестантов из тюремного замка³. Однако

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 760. Л. 3 об. – 4.

² Там же. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1123. Л. 98.

³ Там же. Д. 465. Л. 9–10 об.

данная информация не подтвердилась ни другими источниками, ни по прошествии времени.

В то же время жандармское управление не могло в полной мере охватить агентурной сетью все действовавшие в губернии революционные организации. Подтверждением данного тезиса является отсутствие какой-либо информации о вероятном покушении на губернатора К. С. Старынкевича в сентябре 1906 г.¹

Таким образом, внутреннее наблюдение, несмотря на имевшиеся недостатки, представляло собой достаточно эффективный способ предотвращения преступлений. А ценнейшая информация, добываемая секретными агентами, позволяла в дальнейшем пресекать деятельность преступных организаций.

Метод наружного наблюдения реализовывался в форме гласного, негласного, а также особого надзора. За лицами, ранее привлеченными за государственные преступления, наблюдение вели сотрудники жандармского управления. К примеру, студент Московского инженерного училища М. Т. Елизаров, привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого по статье 250 Уложения о наказаниях² в 1901 г. и состоящий в московской группе РСДРП, был отдан под особый надзор полиции в городе Сызрань, о чем сообщал начальник Московского ГЖУ местным подразделениям³.

В 1905 г. под гласным надзором Симбирского жандармского управления состояли члены партии социал-революционеров А. С. Поляков, М. Ф. Лапшин и Г. С. Тарарыкин-Соколов, входивший в боевую организацию эсеров⁴. Данные лица без разрешения сотрудников жандармерии не имели права покидать пределы населенного пункта⁵.

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 309. Л. 7.

² Попытка организации бунта, восстания против государственной власти.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 116. Л. 111.

⁴ Там же. Ф. 855. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–3.

⁵ Там же. Д. 414. Л. 1.

Количество лиц, находящихся под негласным надзором Симбирского жандармского управления в начале XX в., постоянно увеличивалось и в 1906 г. составило 65 человек¹. Для обработки информации по каждому поднадзорному, сотрудником политической полиции было необходимо составление специальных документов, где фиксировались все донесения. Это позволяло выявлять наиболее опасных для общества лиц и пресекать их противоправную деятельность. В. В. Романов, изучив жандармские органы губернии, констатировал, что специальные таблицы наблюдения, в которые вносились данные о поднадзорных, стали появляться в конце 1906 г.² Существовавшее положение дел приводит нас к мысли о том, что руководство ГЖУ в лице полковника Н. Н. Ловягина³ не обязывало сотрудников управления составлять таблицы наблюдения. Отсутствие систематического анализа предоставляемых данных сводило на нет использование метода наружного наблюдения.

Реализация негласного надзора полицейскими на территории губернии производилась посредством сбора информации о лицах при беседах с домохозяевами, прислугой и жителями соседних домов. В частности, унтер-офицер, находящийся в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда, доносил в 1906 г. помощнику начальника Симбирского жандармского управления в Сызранском и Сенгилеевском уездах, что по его приказу были произведены негласные расспросы о семинаристе Володине, который отправился на продолжение обучения 10 января. В своем донесении унтер-офицер указывал, что семинарист 16 февраля вновь вернулся к родителям в село Смольковки и вел агитацию среди крестьян за аграрные беспорядки⁴.

Для реализации метода наружного наблюдения в жандармских подразделениях и охранных отделениях в начале XX в. стали широко

---

¹ ГАУО. Д. 548. Л. 186–252.

² См.: Романов В. В. Указ. соч. С. 184.

³ Именно в его бытность начальником Симбирского ГЖУ произошло убийство губернатора К. С. Старынкевича в сентябре 1906 г.

⁴ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 424. Л. 12–13.

использовать специальных агентов наружного наблюдения – филёров. Ими выступали нижние чины полиции и вольнонаемные подданные. Деятельность филёров носила конспиративный характер.

Функционировавшие отряды филёров делились на небольшие группы, состоящие из 1–4 человек. Подобная численность групп сложилась еще до 1905 г. и опиралась на практику осуществления запланированных задержаний группой не менее 3 человек. Затем в состав филерских групп стали входить по 2 филёра, что создавало их большую маневренность. По объекту наблюдения филёрские группы делились на два типа.

Группы первого типа имели в качестве объекта наблюдения определенное лицо, и их задача состояла в сборе информации о его связях, контактах и местах, им посещаемых.

Так, во время визита в Симбирск осенью 1907 г. «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской филёрское наблюдение обнаружило видную эсерку, сопровождало её до квартиры, в которой она остановилась, после чего было произведено задержание¹.

Группы второго типа осуществляли наблюдение за конкретно определенной местностью, связанной с деятельностью преступных организаций (например, где проживал член революционной партии, где находилась партийная типография, явочная квартира и т. д.)².

Кадровый состав филёрских групп был связан как политикой МВД, так и необходимостью местных подразделений в решении сложных кадровых вопросов. Причину формирования филёрских групп раскрыл Симбирский губернатор князь Л. В. Яшвиль, который упоминал в своих воспоминаниях, что унтер-офицеры ГЖУ «...всем известны, в какое платье они не переодевайся»³. Таким образом, существовала проблема конспирации сотрудников жандармских управлений, связи с этим привлекались вольнонаемные сотрудники.

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 651. Л. 8–9.

² Романов В. В. Указ. соч. С. 170–171.

³ Яшвиль Л. В. Указ. соч. С. 29.

Одним из недостатков филерского наблюдения являлось ограничение деятельности секретных агентов территориальными границами, что, в конечном счете, приводило к снижению эффективности метода наружного наблюдения. Функционирование филерских групп могло происходить только в крупных населенных пунктах, за их пределами деятельность была невозможна из-за угрозы разоблачения. Поэтому при переездах лиц, за которыми велось наблюдение, из одной местности в другую управления политической полиции старались предупредить местные подразделения о прибытии таковых и просили принять в отношении их соответствующие меры¹.

Наличие отрицательных сторон, особенно ярко проявившихся в начальный период реализации метода наружного наблюдения, и отсутствие фактов значимых достижений свидетельствуют о невысокой эффективности данной меры. На наш взгляд, применение наружного наблюдения в большей степени служило способом проверки информации, полученной от осведомителей.

Метод перлюстрации, также широко применявшийся в Российской империи, являлся ещё одной мерой, направленной на предотвращение и пресечение преступлений. Понятие «перлюстрация» имеет латинские корни: *perlustrare* – просматривать². Само понятие означает тайное вскрытие и просмотр личной корреспонденции, копирование письма полностью или его частей с целью получения необходимой информации³. Впервые данный метод стал использоваться в Западной Европе. Затем его элементы были заимствованы государственными деятелями России. Первое упоминание о нем как о целостном методе исследователи относят к 1744 г., когда императрица Елизавета Петровна предписала применять перлюстрацию на практике⁴.

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 766. Л. 26.

² См.: Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 383.

³ См.: Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции России с революционным движением... С. 205.

⁴ Галвазин С. Н. Указ. соч. С. 122.

В 1880-х гг. в крупных городах империи создаются перлюстрационные пункты, располагающиеся обычно при почтамтах. Сотрудников данных учреждений подбирали с особой тщательностью, среди них встречались министерские служащие, банковские работники, преподаватели учебных заведений и непосредственно труженики почтовых отделений. Все они подписывали документы о неразглашении тайн. Всего по России насчитывалось около 40–50 человек, занимающихся перлюстрацией. Корреспонденция в пункты поступала из почтовых округов¹. По всей вероятности, подобная практика существовала только в тех городах, где функционировали перлюстрационные пункты. В иных губерниях отобранные начальниками почтово-телеграфных округов подозрительные письма поступали к губернаторам, которые не были осведомлены, куда направлять корреспонденцию. Обратив на это внимание, Министерство внутренних дел в августе 1894 г. секретным циркуляром предписало направлять изъятые экземпляры в Департамент полиции².

З. И. Перегудова упоминает факт существования негласного постановления о прекращении всяких действий по перлюстрации и ликвидации всех материалов в специализированных пунктах при возникновении народных волнений. С началом революционных событий в 1905 г., а затем в 1917 г. сотрудники пунктов воспользовались данным распоряжением и уничтожили большинство документов³. Именно по этой причине исследователям в полной мере не удастся определить значение и место метода перлюстрации в деятельности политической полиции.

Несмотря на отсутствие в Симбирске перлюстрационного пункта⁴, в архивных документах сохранились сведения об использовании элементов исследуемого метода губернскими полицейскими. Например, начальник Алатырского отделения Московского ЖПУ ж.д., осуществляя вербовку

---

¹ Перегудова З. И. Политический сыск в России ... С. 276–277.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 40. Л. 10.

³ Перегудова З. И. Политический сыск в России... С. 286.

⁴ Ближайший пункт находился в городе Казани и функционировал с 1889 г.

секретных сотрудников, 1 июня 1907 г. сообщил о том, что им достигнута определенная договоренность со служащим почты. В соответствии с этой договоренностью сотрудник почтового отделения обязывался предоставлять информацию о прибытии посылок некоторым лицам¹. Подобная мера была направлена на выявление запрещенной литературы и революционных прокламаций.

Ещё одним известным нам фактом применения элементов перлюстрации служат действия начальника Симбирского ГЖУ в конце 1905 г. В ходе поиска противозаконных прокламаций жандармом было произведено вскрытие служебных пакетов в городской почтово-телеграфной конторе². Однако подобное действие начальника ГЖУ шло в противоречие с действующим законодательством: отсутствовала санкция прокурора, кроме того, вскрытие производилось публично, а не тайно, как этого требовала перлюстрация.

Таким образом, для получения необходимой оперативной информации в редких случаях жандармским чинам приходилось прибегать к превышению своих должностных полномочий, применяя при этом элементы перлюстрации.

Исходя из сказанного, мы можем утверждать о наличии в Российской империи двух вариантов метода перлюстрации. В первом случае подобной деятельностью занимались специализированные перлюстрационные пункты, осуществлявшие вскрытие, копирование корреспонденции и передачу информации полицейским органам. Второй вариант метода предполагал привлечение сил самих сотрудников внутренних дел, подобное происходило на территории Симбирской губернии.

В отношении метода перлюстрации большинство исследователей сходятся во мнении о том, что информация, полученная подобным путем, широко применялась местными органами политической полиции. Ряд

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 760. Л. 4 об.

² Там же. Д. 703. Л. 79 об.

косвенных свидетельств, таких как наличие высококвалифицированных специалистов, создание ежегодных обзоров и отчетность перед главой государства, свидетельствуют о важности метода в деле предупреждения государственных преступлений.

Перлюстрация, внутреннее и наружное наблюдение обеспечивали органы жандармерии важнейшими агентурными сведениями. Благодаря сопоставлению полученных из различных источников данных, сотрудники внутренних дел могли выстроить объективную картину происходивших процессов, и в случае необходимости полицейские приступали к предотвращению преступного поведения или пресечению начавшегося преступления.

Приступая к рассмотрению пресечения преступлений как самостоятельного направления деятельности полицейских органов, следует уточнить, что действия, подразумеваемые под пресечением, предполагают под собой комплекс мероприятий по недопущению окончательного совершения преступлений и прекращению продолжаемых противоправных деяний.

В годы революционного подъема начала XX в. жандармские подразделения приступили к ликвидации деятельности организованных преступных организаций. Так, по предписанию начальника Поволжского районного охранного отделения подполковника М. П. Боброва, жандармами в ночь на 21 сентября 1907 г. были произведены аресты членов симбирского комитета РСДРП и обнаружена типография с отпечатанными прокламациями революционного содержания¹. Отметим, что этот арест членов партии РСДРП за антигосударственную деятельность был не первым. Ещё за год до изложенного события губернатором К. С. Старынкевичем были произведены репрессии в отношении революционеров, а оставшиеся на свободе члены предпочли покинуть пределы Симбирска². Однако через некоторое время

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 720. Л. 63–63 об; Д. 766. Л. 198.

² Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 105.

комитет партии вновь возрождался, появлялись новые люди и работа продолжалась. Подобное произошло и после сентябрьских событий 1907 г. Но хорошо организованная агентурная деятельность позволяла отслеживать всю работу комитета и в подходящий момент производить аресты партийного актива¹.

В отличие от социал-демократов, ведущих в основном пропагандистскую деятельность, социал-революционеры в борьбе с царским режимом на территории губернии широко применяли метод террора в виде грабежей и разбоев. Пресечение подобных актов было весьма затруднительным в отличие от ликвидации типографий. А деятельность эсеровских боевых организаций стала настоящим испытанием для губернских полицейских органов.

В 1906 г. ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР) из-за отсутствия денежных средств рекомендует всем районным организациям сформировать вооруженные отряды в составе 10–15 человек в различных городах и селениях и приступить к производству массовых экспроприаций с целью накопления денежных сумм «на революционное дело». В связи с этим Департамент полиции по особому отделу в середине декабря того же года просил местные власти «принять надлежащие предупредительные меры»². Но в губернии к этому времени уже существовало несколько боевых организаций. Наиболее известные из них действовали в Карсунском уезде под руководством крестьян П. Гусева и И. Бузаева³, в Алатырском уезде во главе с А. А. Заваляевым, в Симбирске и уезде «экссы» проводила группа эсера В. Кротова⁴.

При пресечении деятельности данных боевых организаций полицейские органы столкнулись с существенным противодействием.

---

¹ Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 111.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 305. Л. 19.

³ Там же. Оп. 9. Д. 57. Л. 73 об.

⁴ Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 64–67.

Причиной этого послужило отсутствие важных агентурных данных и опыта противодействия хорошо организованным преступным группам.

Для примера рассмотрим действия полиции по пресечению деятельности преступной организации в Больше-Березенской волости Карсунского уезда. Там с июля 1906 г. произошло ограбление целого ряда винных лавок, почтовых учреждений и частных лиц. Наибольшее количество грабежей и разбоев оказалось в селе Судосеево, где одна и та же винная лавка подвергалась нападению пять раз. При совершении ограбления злоумышленники заявляли, а иногда даже оставляли записки с текстом «деньги взяты на дело революции». Не обошлось и без жертв: в ходе экспроприаций было убито и ранено 4 человека, в том числе и полицейские стражники.

Усилия местной исполнительной полиции ни к чему не привели, попытки обнаружения агентурным путем членов преступной организации вызвали покушения на местных жителей и убийство агента-осведомителя. В результате местное население и низшие полицейские чины были окончательно терроризированы преступниками.

Для их ареста в Судосеево в марте 1907 г. была направлена казачья сотня, конные полицейские стражники, служащие полиции и начальник ГЖУ. В результате оперативных мероприятий арестовали 14 человек, состоящих в преступной группе, но очевидных доказательств их вины не оказалось, и судебная ответственность была заменена административной высылкой¹.

О том, что в Карсунском уезде действовала эсеровская организация и на ее средства была открыта чайная в селе Судосеево, никому из полицейских сотрудников известно не было². Исследование вышеуказанного дела приводит нас к выводу о том, что жандармское управление губернии, в обязанность которого входило выявление революционных организаций, не

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 9. Д. 57. Л. 4, 10, 73–74 об.

² Там же. Л. 75 об.

имело ни малейшей информации о карсунских эсерах. И активную, беспрепятственную деятельность членов преступной организации в течение 10 месяцев иначе как неготовностью местных полицейских органов к эффективному противодействию хорошо организованным преступным группам, объяснить нельзя.

Ещё одним примером промедления в пресечении преступной деятельности служат события, произошедшие в апреле 1907 г., после совершенного убийства карсунского уездного исправника В.В. Шемякина эсером Б.В. Репиным¹. Департамент полиции настойчиво просил начальника ГЖУ предпринять все возможные меры к пресечению деятельности боевой организации, «дислоцирующейся» на территории уезда². Однако руководство жандармского управления, не обладавшее абсолютно никакой информацией, не могло не только оперативно отреагировать на предписания Департамента, но и выяснить примерное местопребывание преступной группы. Позднее, в 1908 г., сотрудникам все же удалось выявить и разоблачить в селе Большие Березняки антигосударственную деятельность ячейки ПСР, состоящей из восьми членов, объединенных в боевую группу³.

Таким образом, в ходе исследования деятельности полицейских органов по пресечению противоправного поведения выявились существовавшие проблемы в элементах функциональной структуры правоохранительного института. Малочисленность и отсутствие должной профессиональной подготовки не только нижних чинов, но и офицеров жандармского управления негативно сказывались на результативности борьбы с организованной преступностью.

Наряду с пресечением, ещё одним направлением деятельности жандармских органов являлось расследование (в рамках дознания) и раскрытие преступлений.

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 336. Л. 1–9.

² Там же. Ф. 855. Оп. 1. Д. 762. Л. 645–646.

³ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 448. Л. 42–46.

Во второй половине XIX в. во многих губерниях, в том числе и Симбирской, сотрудники жандармского ведомства при производстве дознаний по государственным преступлениям весьма редко заканчивали их, прекращая какие-либо оперативные мероприятия по розыску преступников, что прямо противоречило положениям Уложения о наказаниях. Циркулярным распоряжением 3-го отделения СЕИВК от 28 февраля 1877 г. № 812 начальникам ГЖУ предписывалось обратить внимание на подобные факты и производить дознание самым тщательным образом до установленного законом срока давности¹. Как показало исследование, данной букве закона полицейские стали неукоснительно следовать в период разгула революционных настроений. В частности, розыски эсера Шулайкина, скрывшегося в ходе ареста организованной преступной группы в селе Судосеево Карсунского уезда в марте 1907 г., продолжались вплоть до его поимки в 1908 г.²

Однако оперативно-розыскные меры не всегда могли обеспечить положительный результат в деле борьбы с преступностью. Достаточно упомянуть тот факт, что при расследовании покушения на губернатора К. С. Старынкевича в сентябре 1906 г., не удалось не только разыскать и задержать виновных, но даже определить примерный круг лиц, совершивших преступление³. В результате розыскные действия жандармерии фактически окончились, не успев начаться.

Кроме того, при раскрытии преступлений у жандармских офицеров существовала проблема формирования доказательной базы, несмотря на наличие агентурных данных, позволявших выявлять виновных лиц. К примеру, при раскрытии дела о расклейке 12 революционных прокламаций в селе Большая Борла Сенгилеевского уезда в феврале 1904 г., произведенное формальное дознание ротмистра Заварицкого в порядке статьи 1035 УУС не дало достаточных оснований для начала судопроизводства. В итоге было

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

² Там же. Ф. 76. Оп. 7. Д. 518. Л. 44.

³ Там же. Д. 309. Л. 7; Ф. 108. Оп. 43. Д. 28. Л. 1–149.

решено рассмотреть дело в административном порядке, но Симбирское губернское совещание, образованное на основании статьи 1035²⁶ УУС, 27 августа 1904 г. заключило: «...за отсутствием улик, дальнейшее производство прекратить»¹.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий служащие жандармского управления особое внимание уделяли членам революционных организаций. В случае обнаружения данных лиц жандармами предпринимались все меры для немедленного ареста. Так, сотрудники Алатырского отделения Московского ЖПУ ж.д., получив первую возможность, задержали члена боевой организации ПСР С.К. Петрова, разыскиваемого за активное участие в политической стачке².

В целях пресечения незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ, а также предотвращения террористических актов жандармское управление совместно с сотрудниками исполнительной полиции участвовало в расследовании и раскрытии краж вышеуказанных предметов. В частности, в 1905 г. после серии хищений огнестрельного оружия и боеприпасов из помещений 233-й роты Сурского резервного батальона полицейские органы произвели тщательное расследование, но результаты розыска преступников и похищенного имущества были неудовлетворительными³. Более удачливыми были действия органов правопорядка при розыске и поимке злоумышленников, совершивших кражи из усадеб, имений и экономий. Так, благодаря профессиональным действиям полиции раскрытыми оказались дела по хищению оружия и ящика с патронами из имения графа Орлова-Давыдова (село Усолье Сызранского уезда) в марте и июне 1906 г.⁴, краже нескольких револьверов из экономии А.А. Абутовой, расположенной в деревне Сергеевка Симбирского уезда, в сентябре 1906 г.⁵

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 241. Л. 2 об. – 3.

² Там же. Ф. 855. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.

³ Там же. Д. 307. Л. 62–91.

⁴ Там же. Ф. 108. Оп. 37. Д. 2433. Л. 1–5; Д. 2448. Л. 1–3;

⁵ Там же. Д. 66. Л. 1–12.

Реализация полицейскими органами оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии преступлений и розыске преступников требовала должного финансирования, с чем возникали проблемы не только у общей, но и у политической полиции. П. Г. Курлов отмечал, что стабильное финансирование ГЖУ и ЖПУ ж.д. до 1905 г., по сути, отсутствовало. Начавшиеся революционные события только в некоторой степени способствовали восполнению недостаточности средств¹. И это обстоятельство, несомненно, являлось помехой в осуществлении губернскими органами жандармерии расследования противоправных деяний и поимки преступников.

Кроме того, показатели раскрытия преступлений зависели от уровня профессиональной подготовки и личных качеств того или иного сотрудника полицейского органа.

Проведя исследование деятельности жандармского управления губернии по противодействию преступности, мы можем констатировать, что для успешной реализации данной задачи велась работа по многим направлениям. В ходе организации мероприятий по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений и поимке преступников сотрудниками полицейских органов использовались методы наружного и внутреннего наблюдения, элементы перлюстрации, а также другие приемы и способы, направленные на борьбу с государственными и общеуголовными преступлениями.

Начавшаяся Первая русская революция выявила существенные недостатки в работе политической полиции губернии: отсутствие внутренней агентуры, недостаточная профессиональная подготовка сотрудников управления, включая руководство, и неудовлетворительное финансирование оперативно-розыскных мероприятий. Сложившуюся ситуацию удалось переломить в середине 1907 г., когда благодаря смене руководства ГЖУ была налажена агентурная сеть, пресекалась антигосударственная

---

¹ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 86.

деятельность социал-демократической партии и боевых организаций социалистов-революционеров. Налаженная система функционирования жандармского управления позволяла в целом контролировать ситуацию в губернии вплоть до 1917 г.

Таким образом, социально-политические потрясения в обществе явились толчком к значительному совершенствованию деятельности жандармского управления в борьбе с государственными преступлениями. Комплексный и систематический анализ получаемых сведений, в результате использования указанных методов, позволил значительно улучшить работу по предупреждению, пресечению и раскрытию противоправных поступков и вывести её на качественно новый уровень.

2.2. Исполнительная полиция губернии в противодействии преступности

В ходе реализации мер по борьбе с уголовной преступностью органы исполнительной полиции, как и органы жандармерии, действовали в нескольких направлениях. Для предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний использовались фактически все методы (за исключением перлюстрации) и приемы, указанные нами в предыдущем параграфе.

Одним из основных способов предупреждения преступности являлась ее профилактика. С целью профилактики преступной деятельности МВД анализировало причины, условия и обстоятельства совершения тех или иных преступных деяний и затем направляло соответствующие предписания местным органам внутренних дел. В частности, меры, направленные на предупреждение конокрадства, предписывали сотрудникам уездной полиции производить разъяснение среди крестьянского населения о необходимости установления бдительного надзора за лошадьми и рабочим скотом,

находящимся на подножном корме, что способствовало бы затруднению совершения хищений¹. Таким образом, полицейским вменялось в обязанность проведение виктимологической профилактики преступлений, целью которой являлось изменение отношения населения к собственности.

Также в целях предупреждения противоправных деяний сотрудниками общей полиции использовались методы наблюдения. Наружное наблюдение в форме гласного надзора за лицами, ранее совершившими общеуголовные преступления, осуществляли чины общей полиции. За лицами, ранее привлеченными по государственным преступлениям, наблюдение вели не только жандармы, но и сотрудники исполнительной полиции.

Анализ статистических сведений по Сенгилеевскому уезду свидетельствует о том, что количество поднадзорных по общеуголовным преступлениям во второй половине XIX в. было гораздо больше, чем в начале XX в. (см. таблицу 15). Причиной этого, на наш взгляд, являлось изменение норм уголовного законодательства в начале нового столетия, а также невысокая эффективность данной меры, в результате чего ее применение на территории губернии в начале XX в. почти прекратилось.

Таблица 15

Общее количество поднадзорных в Сенгилеевском уезде
Симбирской губернии во второй половине XIX в.*

1866 г.	1880 г.	1909 г.
66	16**	1

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 768; Ф. 264. Оп. 1. Д. 58; Оп. 1. Д. 431.

** Приведены данные по 1-му стану уезда.

Данные таблицы 15 свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. ежегодно под гласным надзором общей полиции состояло несколько десятков человек. При этом в течение года их число постоянно изменялось: у

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 372. Л. 2.

одних оканчивались сроки применения данной меры, у других они начинались. Разными были и временные периоды надзора: за кражу – от 2 до 4 лет, за разбой – 4 года, а за религиозные преступления – бессрочно¹.

При реализации данной меры полицейские нередко подходили формально к осуществлению надзора и ограничивались отписками. К примеру, в информации о поднадзорных за 1880 г., представленной Сызранским полицейским управлением, в список не был включен мещанин А.Н. Мангушев, переехавший из Сенгиевского уезда на новое место жительства в феврале того же года. В результате губернское правление предписывало Сызранскому уездному исправнику немедленно предоставить сведения о поднадзорном (место жительства, деятельность и т. д.) и указать причину отсутствия сведений о нем в отчете.

Потеря информации могла происходить и в результате излишней загруженности сотрудников управлений составлением и отправкой отчетов. В других случаях данные в управления не предоставляли приставы и урядники, что приводило к формированию неполных списков. Учитывая тот факт, что на полицейских приходилось огромное количество различных поручений, мы можем предположить, что они физически не могли исполнять в полной мере свои должностные обязанности.

В подтверждение высказанного тезиса приведем сведения о деятельности полицейских сотрудников губернии по вручению разного рода повесток, объявлений и извещений. В 1907 г. ими было исполнено 232 279 различных действий. Наибольшее количество дел приходилось на сотрудников городских управлений Симбирска и Сызрани, более 41 тысячи. Исполнительные чины уездной полиции совершали от 10 тысяч до 33 тысяч действий в год (таблица 16). Несомненно, такой объем поручений обременял сотрудников общей полиции и отнимал время, необходимое для борьбы с преступностью и составления отчетности.

---

¹ ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 58. Л. 6–9.

Таблица 16

Деятельность полицейских сотрудников губернии по вручению разного рода повесток, объявлений, извещений и окладных листов*

Города и уезды губернии	Количество поручений	Количество исполненных действий
Г. Симбирск	31 624	41 383
Г. Сызрань	31 095	41 382
Алатырский уезд	16 433	33 421
Ардатовский уезд	11 215	15 241
Буинский уезд	5 221	10 683
Карсунский уезд	8 055	24 396
Курмышский уезд	6 187	14 167
Сенгилеевский уезд	7 638	11 843
Симбирский уезд	9 936	30 141
Сызранский уезд	5 696	9 622
Всего	133 100	232 279

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 304. Л. 15.

В итоге, практическая реализация полицейского надзора представляла собой в большей степени формальность, чем хорошо функционирующий механизм. Сложившаяся ситуация приводила к снижению эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности.

Метод внутреннего наблюдения использовался сотрудниками общей полиции в основном при розыске уголовных преступников. С началом революционных событий органы правопорядка, в целях оказания помощи жандармскому управлению, стали привлекать для предупреждения, пресечения и расследования государственных преступлений осведомителей, а затем и агентов внутреннего наблюдения, состоящих в революционных организациях. В частности, после гибели губернатора К.С. Старынкевича в 1906 г., помощник Симбирского полицмейстера Соловьев смог завербовать в

местном комитете ПСР М.Д. Лебедева¹. Летом 1907 г. полицмейстер В.А. Пифеев привлек к сотрудничеству в качестве агента девятнадцатилетнего работника типографии Е.П. Федорова («Николаев»), члена социал-демократической партии.

Таким образом, в ходе осуществления деятельности по противодействию преступности общая полиция использовала методы внутреннего и наружного наблюдения. Однако эффективность последнего, реализуемого в форме гласного надзора, зачастую находилась не на высоком уровне.

В ходе осуществления мероприятий по недопущению окончательного совершения противоправных деяний полицейскими служащими пресекались как отдельные преступления, так и деятельность целых преступных организаций. Немаловажную роль при этом играли агентурные сведения. Для примера рассмотрим действия полицейского пристава 1-й части города Сызрани Бека. В начале марта им были получены агентурные сведения о готовящемся ограблении мучной лавки и конторы братьев Чернухиных. Для пресечения противоправного деяния приставом совместно с городовым Сабаевым в ночь на 5 марта 1911 г. на пустыре по набережной Казанской улицы была организована засада. В ходе спецоперации было произведено задержание двух злоумышленников: сызранского мещанина А.Я. Определеннова и лишеного всех прав И.М. Куракина из города Нижний Новгород. У арестованных полицейские изъяли вещественные доказательства: железный лом, бурав и стеариновую свечу, после чего И.М. Куракин сознался в намерении совершения кражи².

Помимо специальных мероприятий по пресечению противоправных деяний, в начале XX в., в результате участвовавших, особенно в ночное время, драк, буйств и неоднократных выбитий стекол в домах интеллигентных жителей, были организованы объезды улиц уездных городов патрулями из

---

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 772. Л. 3 об.

² Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1782. Л. 9.

сотрудников полицейской стражи для пресечения и предупреждения противоправного поведения¹.

При анализе деятельности полицейских органов по пресечению организованных преступных деяний выявились определенные проблемы функционирования правоохранительного института. В период развития революционного движения органы исполнительной полиции в уездах губернии оказались не готовы к противодействию боевым организациям эсеров. В частности, при ликвидации упомянутой нами преступной организации в Больше-Березенской волости Карсунского уезда в начале марта 1907 г. для усиления карсунской полиции были временно прикомандированы пять лучших урядников губернии во главе с помощником симбирского полицмейстера. Уже в первую ночь пребывания в селе Судосеево полицейские понесли кадровые потери, были застрелены членами преступной группы урядник Рыжкин и стражник Федотов. Но, тем не менее, сотрудники органа правопорядка продолжили свою профессиональную деятельность и установили личности членов боевой организации. Для их ареста в Судосеево были стянуты дополнительные силы исполнительной и политической полиции, а также казачья сотня².

Другой случай демонстрирует неспособность уездной полиции пресечь противозаконную деятельность эсеровской группы в Алатырском уезде. Преступная организация, состоящая из нескольких человек, с октября по декабрь 1906 г. совершила пять нападений на жителей села Засарье. Не способный самостоятельно справиться с разгулом преступности алатырский уездный исправник Неофитов попросил помощи. Для поимки преступников из города Сызрань была направлена половина эскадрона драгун, а также отряд конных стражников в количестве семи человек. Благодаря их действиям в конце 1906 г. схваченными оказались трое членов преступной группы. Их лидер А. А. Завалаяев, по мнению исследователя В. Н. Кузнецова,

---

¹ ГАУО. Ф. 7.. Оп. 1. Д. 771. Л. 43.

² Там же. Оп. 9. Д. 57. Л. 4, 10, 73–74 об.

участвовавший в покушении на губернатора К. С. Старынкевича, скрылся, но в мае 1907 г., после убийства им местного полицейского урядника Грошева, был пойман¹.

Как видим, активизация преступной деятельности организованных групп в начале XX в. способствовала выявлению проблем функционирования полицейских органов. Недостаточная укомплектованность уездной полиции негативно отражалась на её продуктивности в борьбе с уголовной преступностью. Отсутствие должного денежного довольствия нижних чинов полиции², которое не позволяло привлекать к службе лиц, имевших теоретические и практические знания в области юриспруденции, также служило причиной низкой эффективности деятельности органов внутренних дел по противодействию делинквентному поведению.

Предметом повышенного внимания исполнительной полиции являлось незаконное завладение и оборот огнестрельного оружия. В ходе противодействия подобным деяниям осуществлялось не только пресечение и раскрытие общеуголовных преступлений, но и профилактика террористических актов. Мероприятия, направленные на конфискацию незаконно хранящегося оружия у населения, инициировались МВД, особенно часто в период развития Первой русской революции, когда губернским органам полиции предписывалось производить «безотлагательное изъятие оружия и боеприпасов» у рабочих, а затем и у всех частных лиц³. Изучение материалов губернской канцелярии за 1905–1906 гг. свидетельствует о том, что подобные предписания безусловно выполнялись. К примеру, симбирский уездный исправник сообщал в канцелярию губернатора об изъятии во время

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 294. Л. 3–4 об; Кузнецов В. Н. Указ. соч. С. 46, 53, 65–67.

² В частности, годовой оклад сотрудников городских полицейских команд Симбирской губернии в 1887 г. составлял 120–180 рублей (ГАУО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 277. Л. 104–104 об.).

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 737. Л. 86; Оп. 7. Д. 248. Л. 145.

обыска револьвера, хранящегося без разрешения, у представителя крестьянского сословия села Копышевки Д. Вершинина¹.

Наряду с предупреждением и пресечением преступлений органы исполнительной полиции участвовали в их расследовании, устанавливая признаки и состав противоправных деяний, а также изобличая виновных лиц.

При расследовании преступлений полицейские использовали в своей деятельности оперативно-розыскные мероприятия, включавшие в себя скрытое наружное наблюдение, личный сыск, конспирацию и другие методы. Так, в 1896 г. при розыске фальшивомонетчика, сызранского мещанина Ильи Ефремова, жившего в сельце Озерки Сенгилеевского уезда, урядник Глебов, переодевшись солдатом, прибыл в населенный пункт. Ознакомившись с местностью и узнав, что Ефремов в сенях своего дома содержит цепную собаку, которая при малейшем шорохе лаем оповещает хозяев о приближении посторонних, полицейский предположил, что ночной обыск в доме не даст желаемых результатов. Вернувшись на следующий день с понятыми и сотниками и узнав, что Ефремов находится в кузнице, Глебов произвел там задержание и последующий обыск².

Немаловажную роль в принятии верного решения для проведения ареста и обыска сыграла оперативная информация, полученная урядником Глебовым путем расспросов, сбора слухов, а также при личном наблюдении. Таким образом, работа с населением и сбор сведений в ходе личного сыска являлись теми методами, которые позволяли полицейским чинам в короткие сроки раскрывать преступления.

При раскрытии государственных преступлений первоначальное расследование в форме дознания производилось штатными полицейскими, которые зачастую привлекали сведения секретных агентов. Например, Сенгилеевским уездным исправником в село Большая Борла был направлен секретный агент для получения информации о расклейке 12 революционных

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 250. Л. 34.

² Там же. Оп. 1. Д. 448. Л. 2.

прокламаций Общества Борлинского союза. При негласных расспросах в Большой Борле и соседних селах агентом было установлено лицо, непосредственно участвовавшее в расклеивании прокламаций на столбах базарной площади в ночь на 5 февраля 1904 г. Им оказался крестьянин этого же села Николай Мордашев, на его причастность к делу указывали и иные косвенные доказательства¹. Произведя дальнейшее дознание с использованием метода негласных расспросов, штатным полицейским удалось выяснить, что в населенном пункте данное преступление «произведено лицами из местной среды и что сильное подозрение в совершении этого деяния падает на сельского старосту Василия Люлюмова, помощника волостного писаря Ивана Мухина и крестьян того же села Варлашова, Мордашева, Коблякова, Ефимова и Корнилова»².

После проведенного формального дознания исполнительные чины общей полиции 11 февраля 1904 г. донесли о преступном деянии помощнику начальника жандармского управления ротмистру Заварицкому. Медлительность в данном деле была замечена губернатором С. Д. Ржевским, который всем уездным исправникам и полицмейстерам разослал секретный циркуляр с предписанием «...сообщения... отсылать жандармскому начальству не позднее как на следующий день по получении полиции первых сведений о происшествии» государственного характера³.

На наш взгляд, наличие неспешности при передаче дела жандармскому управлению может свидетельствовать о загруженности делами нижних чинов исполнительной полиции, как нами уже было упомянуто выше, либо о нерадивости при выполнении своих должностных обязанностей.

В ходе раскрытия общеуголовных преступлений сотрудники общей полиции, произведя формальное дознание, в соответствии со статьей 250 УУС передавали письменные материалы судебному следователю для

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 197. Л. 8, 15а об., 16, 21.

² Там же. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 5.

дальнейшего предварительного расследования. К примеру, пристав 2-го стана, исполнив дознание о покушении на ограбление вблизи села Чертановка, совершенном в ночь на 10 июля 1912 г., направил дело судебному следователю 2-го участка Сенгилеевского уезда¹. В иных случаях, при незначительных преступлениях (краже небольшой суммы денег – до 50 руб.), дознание служащими полиции направлялось в волостной суд, а при обнаружении признаков преступления – товарищу прокурора².

Анализ приведенных в таблице 17 данных свидетельствует о том, что в 1879 г. в уездах Симбирской губернии полицейскими управлениями фиксировалось около 1–2 тысяч преступлений и противоправных деяний. Менее всего регистрировалось преступлений против личности человека: в уездах губернии их совершалось от 2 до 6 деяний. Исключениями являлись Буинский и Сызранский уезды, где количество убийств было на порядок выше. Число зарегистрированных грабежей и разбоев не превышало 15 случаев. Поджогов фиксировалось около 20 случаев, причем наибольшее число поджогов произошло в Сызранском уезде, там полицейские засвидетельствовали более 50 преступлений. Количество зарегистрированных краж колебалось от одной до трех сотен, а число нарушений правил общественной безопасности в некоторых уездах превышало 500.

При более детальном анализе статистических данных, приведенных в таблице 17, становится очевидным, что в некоторых уездах количество зафиксированных преступлений и проступков значительно ниже, чем в других. Например, в Алатырском, Курмышском, Сенгилеевском и Симбирском уездах нарушений правил общественной безопасности отмечено более 300 случаев, в то время как в Ардатовском, Буинском, Карсунском и Сызранском – всего 36–66.

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1827. Л. 1.

² Там же. Л. 123, 136.

Количество зарегистрированных и раскрытых общей полицией
уголовных преступлений в Симбирской губернии в 1879 г.*

Уезд Симбирской губернии	Виды и рода преступлений							
	Убийства	Грабежи и разбои	Поджоги	Кражи (в том числе похищение лошадей и КРС)	Нарушение правил, ограждающих общественное здравие	Нарушение правил, ограждающих общественную безопасность	Бродяжничество, дезертирство и неимение письменных видов	Прочие преступления и проступки
	Количество преступлений							
	Количество задержанных преступников							
	1	8	14	102	13	564	15	1639
Алатырский	1	5	12	50	13	564	15	1607
	2	7	19	166	34	36	13	776
Ардатовский	2	4	0	83	33	36	13	749
	10	12	27	236	33	66	9	489
Буинский	9	10	1	143	32	66	9	489
	6	9	26	247	66	58	22	688
Карсунский	6	9	2	62	66	58	22	688
	3	14	39	165	44	398	7	637
Курмышский	3	11	24	125	44	398	7	637
	2	6	24	314	47	377	98	643
Сенгилеевский	2	3	15	146	47	377	98	516
	6	15	28	210	182	301	48	1310
Симбирский	6	11	20	87	182	301	48	1310
	13	13	52	297	13	42	68	106
Сызранский	5	10	14	154	13	42	68	106

* Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 398.

Аналогичная ситуация сложилась и с остальными деяниями, отнесенными к прочим преступлениям. Их количество в Сызранском уезде составляло чуть более одной сотни, тогда как в других административных единицах губернии превышало тысячу противозаконных действий. Отметим,

что наименьшие показатели зафиксированы в одном из самых населенных уездов губернии.

На наш взгляд, сведения, отраженные в таблице 17, свидетельствуют о наличии латентной преступности, не отраженной в отчетах по Ардатовскому, Буинскому, Карсунскому и Сызранскому полицейским управлениям. При этом речь идет не только о неизвестных полицейским органам преступлениях, но и о сознательно не включенных в отчетность противозаконных деяниях.

Сотрудники исполнительной полиции при выявлении мелких преступлений или проступков не всегда приступали к производству расследования и не докладывали вышестоящему руководству, вследствие чего на них в редких случаях заводились уголовные дела. Об этом свидетельствует уже описанный нами в предыдущей главе случай, когда полицейскому сотнику, крестьянину села Телешовка Симбирского уезда С. В. Комисарову инкриминировалась 447 статья Уложения о наказаниях вследствие того, что он, «...обнаружив кражу кур у крестьянина Сергея Степанова, не донес об этом начальству...»¹.

Отсутствие в статистических отчетах сведений об обнаружении виновных по каждому преступному деянию не позволяет нам с уверенностью говорить о точных цифрах такого показателя, как раскрываемость преступлений. Наличие общего количества задержанных лиц не раскрывает реальное положение дел, так как по некоторым преступным деяниям могло быть привлечено несколько человек, а по другим ни одного. Однако в случае совершения каждого преступления одним лицом появляется возможность построения приблизительной картины раскрываемости. Исходя из этого, мы можем утверждать, что раскрываемость сотрудниками полиции таких преступлений, как убийство, нарушение правил, ограждающих общественное здравие и общественную безопасность, бродяжничество, дезертирство и отсутствие письменных документов, была близка к 100% (выявление

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 35. Л. 17.

виновных в убийствах в Сызранском уезде составляло менее 40%). Раскрываемость мелких преступлений также находилась на высоком уровне и составляла 80–100%. Что касается поджогов, то раскрываемость по ним в уездах имела различные показатели. Максимальные показатели принадлежали Алатырскому полицейскому управлению и составляли 85%. Минимальные значения отмечены в отчетности Буинского и Карсунского управлений. Там из 26–27 преступлений было раскрыто всего 1–2 деяния. Показатель раскрываемости грабежей и разбоев составлял от 50 до 80%, за исключением Карсунского уезда, где раскрываемость была максимальной – 100%. Наименьшее количество краж раскрывалось сотрудниками Карсунского управления (25%), наибольшее – чинами Курмышского управления (75%). Однако при этом отмечались случаи, когда сотрудниками общей полиции раскрывались «безнадежные» кражи по истечении длительного времени¹.

Таким образом, проведя анализ деятельности полицейских органов по раскрытию противоправных деяний и поимке преступников, удалось установить, что наибольшие затруднения возникали при обнаружении и задержании лиц, виновных в имущественных и насильственных преступлениях.

Розыск преступников был связан с целым комплексом оперативных мероприятий и привлечением информационно-справочных данных. Рассмотрим более детально механизмы регулирования розыскной деятельности на примере двух дел.

Первый случай позволяет нам проследить административную вертикаль передачи распоряжений о розыске и поимке злоумышленников. Так, при побеге арестантов из мест заключения канцелярия губернатора предписывала уездным исправникам установить особое наблюдение в местах жительства бежавших и ближайших окрестных селениях, а если преступник принадлежал к раскольникам – то ещё и «в среде склонных к расколу».

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 24. Л. 81.

С предписанием высылалось описание личности и примет преступников: принадлежность к сословию, место жительства, возраст, рост, цвет волос, глаз и лица (смуглое или белое). От исправников распоряжение поступало становым приставам, и уже они предписывали произвести розыск всем волостным правлениям стана¹. На основании данных приказаний правления через обывателей подведомственных селений производили розыск бежавших арестантов. В случае отрицательного результата составлялся акт о том, что «никого из них по розыскам не оказалось», как рапортовало Кузоватовское волостное правление в июле 1872 г. при розыске восьми арестантов, бежавших из Карсунского тюремного замка.

Но подобные мероприятия все же давали свои результаты. При поиске беглецов из указанного тюремного учреждения в деревне Скорлятки Сенгилеевского уезда полицейским сотником был «взят» крестьянин села Папузы Карсунского уезда Николай Пигалев, пришедший к своему родственнику. Но по пути в становую квартиру арестант бежал от «проводимых»².

Случаи побегов от сотрудников полиции были не единичны, совершались они при недостаточных мерах предосторожности, предпринятых низшими чинами полиции, ввиду низкой профессиональной подготовки последних. Кадровый состав сотских и десятских формировался путем выбора лиц из крестьянской среды, и в результате на службе находились малоподготовленные, а в большинстве случаев – вовсе не готовые к работе с преступниками, а тем более с рецидивистами, полицейские.

Второй пример, в отличие от первого, раскрывает внутреннее взаимодействие между сотрудниками исполнительной полиции в ходе осуществления розыска. В феврале 1911 г. исполняющий обязанности пристава 1-го стана Сенгилеевского уезда Копулов дал руководящие

---

¹ До введения института полицейских урядников в 1878 г.

² ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–4, 6, 10.

указания урядникам о розыске и задержании двух рецидивистов, подозреваемых в преступлениях на территории Сызранского уезда Симбирской губернии и Ставропольского уезда Самарской губернии. «Урядник Жуков и стражник Яковлев, добыв сведения, что преступники Царев и Альянов находятся в с. Суринском, отправились в означенное село, где по указанию и при содействии десятского Ревина задержали Царева. Только Альянов успел скрыться, задержан был на другие сутки в селе Тереньга уже урядником Павлиновым при помощи стражников Свистунова, Балябина и Исаева»¹.

Розыск и поимка преступников до 1878 г. на местах осуществлялась волостными правлениями, что, естественно, не гарантировало высокой эффективности данной меры. В начале XX в., после изменения функциональной структуры общей полиции, оперативно-розыскную деятельность проводили полицейские урядники и стражники, которые благодаря умелому взаимодействию добивались положительных результатов.

В ходе поимки лиц, преступивших закон, в некоторых случаях полицейским приходилось преодолевать значительные расстояния, преследуя злоумышленников. Так, полицейский урядник 3-го участка Карсунского уезда Фролов в ходе розыска убийцы крестьянина деревни Мордовская Кондорать Е. И. Леднева, проехал около 150 верст «по следу преступника» и обнаружил его в селе Тереньга Сенгилеевского уезда². Кроме того, на нужды оперативно-розыскной деятельности сотрудники полиции, порой, использовали личные денежные средства, которые затем возмещались Департаментом полиции³.

Но подобные успехи не всегда сопутствовали органам правопорядка. Особенно малоэффективными оказывались поиски злоумышленников, которые разыскивались по территории всего государства. Например,

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1782. Л. 15–16.

² Там же. Оп. 7. Д. 24. Л. 109–109 об.

³ Там же. Л. 155.

Департамент полиции по особому отделу 2 февраля 1905 г. циркулярным распоряжением № 1145 просил принять меры по розыску и аресту священника церкви Св. Михаила Черниговского при Санкт-Петербургской пересыльной тюрьме Георгия Гапона. Проведя розыскную деятельность, все городские и уездные управления рапортовали о том, что на территории их участков «Гапона по розыску не оказалось»¹. Однако распоряжения местного губернатора, предписывающие произвести розыск местных эсеровских активистов, также не всегда приводили к положительному итогу².

Таким образом, оперативно-розыскные мероприятия вносили значительный вклад в дело по борьбе с уголовной преступностью, но при этом некоторые действия полицейских органов не обеспечивали удовлетворительный результат. Подобное происходило с достаточной регулярностью в ходе предварительного расследования, особенно мелких, незначительных преступлений.

Анализ сведений, приведенных в таблице 18, позволяет нам утверждать, что в 1875–1876 гг. сотрудники полицейских органов губернии ежегодно арестовывали около 200–400 лиц, виновных в совершении противоправных деяний. Абсолютное большинство задерживалось по причине отсутствия документов, удостоверяющих личность. Из них около 150–230 человек были приписаны к различным губерниям Российской империи, что составляло примерно 50–70% от общего числа задержанных. Среди арестованных за отсутствие документов 50–170 человек оказались лицами, проживавшими на территории Симбирской губернии. Их доля составляла 25–40%. Число арестованных дезертиров находилось на уровне 14–27 человек, что составляло всего 6% от общего числа задержанных. Среди задержанных оказалось несколько лиц, бежавших из сибирской ссылки.

---

¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 247. Л. 46–47.

² Там же. Оп. 1. Д. 764. Л. 53–57.

Деятельность полицейских органов Симбирской губернии по задержанию преступников в 1875–1876 гг.

Города и уезды губернии	Общее число задержанных лиц, чел.		Число задержанных без документов, чел., принадлежащих				Количество бежавших из Сибири, чел.		Количество дезертиров, чел.	
			к Симбирской губернии		к другим губерниям					
			1875	1876	1875	1876				
г. Алатырь	4	3	–	–	3	2	–	–	1	1
Алатырский уезд	2	3	–	–	–	3	–	–	2	–
г. Ардатов	9	–	7	–	1	–	1	–	–	–
Ардатовский уезд	4	3	1	2	3	1	–	–	–	–
г. Буинск	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Буинский уезд	3	2	1	–	–	2	1	–	1	–
г. Карсун	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Карсунский уезд	2	–	–	–	1	–	–	–	1	–
г. Курмыш	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Курмышск. уезд	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–
г. Сенгилей	6	9	2	–	4	9	–	–	–	–
Сенгилеевск. уезд	21	33	4	–	16	31	1	–	–	2
г. Симбирск	130	63	86	29	34	29	1	2	9	3
Симбирский уезд	9	9	–	–	3	5	–	–	6	4
г. Сызрань	93	29	37	–	52	27	–	–	4	2
Сызранский уезд	147	71	34	23	111	45	–	1	2	2
Всего	433	225	172	54	230	154	4	3	27	14

* Составлено по: Календарь Симбирской губернии на 1877 год. С. 72; Календарь Симбирской губернии на 1878 г. С. 156.

Более детальное изучение сведений таблицы 18 свидетельствует о том, что наибольшее количество виновных лиц задерживалось на территории городов Симбирска, Сызрани и их уездов, а также в пределах Сенгилеевского административного образования. Существовавшее положение следует связывать с концентрацией «беглого элемента» в крупных населенных пунктах и его передвижением между ними. Именно поэтому в связующем два наиболее крупных городских образования губернии Сенгилеевском уезде

фикси́ровалось большее количество задержаний, чем в остальных уездах, примыкавших к городским центрам. Кроме того, город Сызрань являлся важнейшим транспортным узлом, связывавшим соседние регионы. В связи с этим на территории Сызранского уезда полицейскими органами задерживалось наибольшее количество лиц без документов, удостоверяющих личность. Так, в 1875–1876 гг. количество арестованных лиц, принадлежащих к другим губерниям, составляло 80–155 человек, или около 50–70 % от общего числа задержанных по данному показателю.

Таким образом, поимка виновных лиц являлась одной из главнейших обязанностей сотрудников внутренних дел при реализации раскрытия преступлений. От ее эффективности во многом зависела вся последующая деятельность по предварительному расследованию преступных деяний.

Исследовав деятельность полицейских органов губернии по борьбе с преступностью, мы можем констатировать, что при организации мероприятий по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений и поимке виновных лиц служащими исполнительной полиции применялись методы наружного и внутреннего наблюдения, использовался личный сыск и конспирация.

Уровень раскрываемости преступных деяний, связанных с нарушением правил общественной безопасности, бродяжничеством, дезертирством, достигал 100%. В то же время раскрытие и задержание виновных лиц по преступлениям имущественного характера (кражи и поджоги) вызывали у сотрудников внутренних дел определенные сложности.

Определенным образом обстояли дела в ходе реализации предупреждения и, особенно, пресечения преступной деятельности. Если органы правопорядка в целом достаточно хорошо противостояли проявлениям преступности, в которых фигурировали отдельные виновные лица, то при столкновениях полицейских с организованными преступными группами проявлялись слабые стороны органов внутренних дел.

Причиной низкой эффективности деятельности органов внутренних дел служила малочисленность штата полицейских команд, особенно в уездах губернии, отсутствие должной профессиональной подготовки у сотрудников полицейских органов. Недостаточное финансирование общей полиции создавало определенные трудности в организации оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, факторами, препятствующими успешной деятельности правоохранительного института, являлись некоторые обременительные обязанности, например такие, как выдача повесток судебных инстанций обвиняемым лицам и свидетелям.

* * *

Подводя итоги, отметим, что политическая и исполнительная полиция решали сложнейшие задачи в деле противодействия уголовной преступности. В ходе его реализации органы внутренних дел действовали весьма продуктивно по нескольким направлениям: предупреждению, пресечению, расследованию (раскрытие преступных деяний и розыск виновных лиц). При их реализации использовались методы наружного и внутреннего наблюдения, элементы перлюстрации, применялся личный сыск и конспирация.

Метод внутреннего наблюдения вплоть до начала XX в. использовался в губернии только органами исполнительной полиции. Начавшиеся революционные события и рост уровня государственных преступлений привели к изменению ситуации в деятельности жандармского управления. С середины 1907 г. указанный метод становится неотъемлемой частью функционирования правоохранительного института, что свидетельствует о задержке применения внутреннего наблюдения в губернии по сравнению с соседними регионами. Наружное наблюдение осуществлялось в виде гласного, негласного и особого надзора, а также специальной деятельности филёрских групп. Элементы перлюстрации использовались жандармерией при борьбе с антигосударственными деяниями. Личный сыск применялся в

той или иной степени при раскрытии преступлений представителями как политической, так и общей полиции.

Совместное участие жандармерии и исполнительной полиции происходило при пресечении и расследовании государственных преступлений и преступных деяний, связанных с незаконным оборотом оружия. Иных случаев объединения усилий двух ведомств нами в ходе исследовательской деятельности обнаружено не было, за исключением расследования убийства губернатора К. С. Старынкевича в 1906 г.

Развитие Первой русской революции выявило неспособность органов правопорядка оперативно реагировать на антигосударственную деятельность преступных организаций вследствие малочисленности и неуккомплектованности штата уездной полиции, отсутствия должной профессиональной подготовки у сотрудников жандармского управления и общей полиции, а также недостаточности финансирования оперативно-розыскных мероприятий.

Раскрытие государственных преступлений жандармскими органами как в губернии, так и в России в целом находилось не на должном уровне, о чем свидетельствует циркуляр 3-го отделением СЕИВК № 812 от 28 февраля 1877 г. Революционные события ещё более усложнили ситуацию, перелом в кризисных явлениях произошел в 1907–1908 гг., когда были произведены кадровые перестановки в ГЖУ.

Раскрываемость преступных деяний исполнительной полицией имела определенную степень градации. Раскрываемость преступлений имущественного характера вызывала определенные трудности и находилось на уровне 25–80%. Преступные деяния, связанные с нарушением правил общественной безопасности, бродяжничеством и дезертирством, раскрывались в полном объеме.

ГЛАВА 3. УЧАСТИЕ СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКИХ ОРГАНОВ ГУБЕРНИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила принципы судоустройства, структуру судебной системы и её организацию. Судебное ведомство, состоящее непосредственно из судов, судебных следователей и прокуратуры¹, принимало самое непосредственное участие в противодействии уголовной преступности.

Необходимость в преследовании лиц, совершивших уголовные преступления, требовала от государственных институтов детального расследования противоправных деяний, установления виновных лиц и наказания таковых в соответствии с нормами законодательства. Судебно-следственные органы принимали самое непосредственное участие в расследовании и разрешении уголовных дел. Поэтому от их деятельности во многом зависело определение виновности или невиновности обвиняемого в преступлении лица. Обвинительный или оправдательный вердикт в конце судебного заседания становился итогом долгого процесса, в результате которого выявлялась объективная истина.

В противоборстве с уголовной преступностью институт прокурорского надзора во второй половине XIX – начале XX в. занимал особое место среди правоохранительных органов. За прокуратурой закреплялись функции возбуждения уголовного дела, надзора в области судебно-следственной деятельности, а непосредственно на судебном процессе прокурор или его помощник (товарищ) занимали позицию активного обвинителя. Их доказательная база во многом зависела от качества проведенного предварительного следствия. В связи с этим роль прокурорского надзора за следственным аппаратом и органами дознания существенно возрастала.

---

¹ Кроме того, судебное ведомство также включало в свой состав присяжных поверенных, судебных приставов, нотариусов и кандидатов на судебные должности.

3.1. Судебно-следственные органы губернии в борьбе с уголовной преступностью

В практической деятельности следственных органов при расследовании преступных деяний основными задачами являлись: выявление причин, условий и обстоятельств совершения преступления; определение виновного лица и привлечение его к ответственности.

Данные, приведенные в таблице 19, свидетельствуют о том, что в практической деятельности наибольшее количество следствий возникало в результате сообщений полицейских органов о преступлениях, незначительное числовое значение имели следственные действия, начатые по предложению прокурорского надзора, жалобам потерпевших и другим поводам.

Таблица 19

Количество возникших следствий в декабре 1875 г.*

Причина возникновения следствий	Исполняющего делами судебного следователя по г. Сызрани	Судебного следователя по г. Симбирску
Жалобы потерпевших	0	1
Заявление частных лиц	0	0
Сообщение полиции	9	11
Предложение прокурорского надзора	0	2
Явка с повинной	0	0
Непосредственное усмотрение следователя	0	0
Дела, переданные от других следователей	3	4

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 7. Д. 13. Л. 9, 10, 48.

Последняя строка таблицы 19 заслуживает отдельного внимания. Дела, находившиеся в производстве, нередко становились предметом передачи от одного следователя другому. Происходить подобное могло в двух случаях:

– во-первых, когда на месте совершения преступного деяния или в случае задержания обвиняемого лица были проведены неотложные следственные действия, предусматривалась такая возможность, как передача материалов предварительного следствия;

– во-вторых, когда следственные действия могли быть начаты по одному преступному деянию в трех различных участках, и при этом следователям разрешалось проводить различные уголовно-процессуальные действия¹.

Законодательством не было определено, кто из трех следователей в подобной ситуации должен вести и заканчивать предварительное следствие. В результате в каждом отдельном случае вопрос производства должен был решаться с учетом всех положений дела. Но на практике, как справедливо отмечал П. В. Макалинский, это приводило к частым передачам предварительных следствий от одного судебного следователя к другому при наличии малейших поводов².

После получения сведений о преступном деянии судебный следователь отправлялся к месту преступления для совершения осмотра и освидетельствования в присутствии понятых. При осмотре сотрудники следственных органов старались в полной мере исследовать признаки преступления, а также «местность и предметы, окружающие следы преступления». К примеру, в ходе расследования совершенных краж с взломом в селе Шиловка Симбирского уезда в июле 1870 г. судебный следователь Н. А. Ляхов при осмотре строений потерпевших Юкиной и Бороденковой выявил, что у первой «...ход в избу со двора через сени, имевшие одну крышу с избой, между стеной сеней и крышей нашлось отверстие, в которое человек мог свободно пролезть», предположительно преступник, у второй «...на одном из окон избы, выходящих во двор,

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 149.

² Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей... Ч. 1. С. 152.

выставлена рама, через отогнутые гвоздей, прикреплявших ее...»¹. В итоге, осмотр позволил следователю установить, каким путем злоумышленники проникли в дома.

При расследовании сложных дел, когда следователи не могли самостоятельно произвести осмотр или освидетельствование, приглашались эксперты («сведущие люди») «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства» – ими выступали специалисты в области науки, искусства, ремесел, промыслов или каких-либо иных занятий. К примеру, в случае необходимости проведения почерковедческой экспертизы судебные следователи приглашали в качестве экспертов преподавателей чистописания, рисования и черчения. Помимо их, по признанию Министерства юстиции, следователи также могли обращаться к лицам, которые по своей профессиональной деятельности могли считаться специалистами по сличению почерков. К таковым относились столоначальники, делопроизводители, секретари, владельцы типографий и литографий².

В ходе расследования религиозных преступлений существовала практическая необходимость в привлечении экспертов для разъяснения различных нарушений церковных правил и других спорных положений. Примером может служить производство следствия по обвинению крестьян села Кабаева Алатырского уезда в венчании православных девушек по обряду молоканской секты. На данном процессе в качестве эксперта был привлечен профессор Ивановский. Благодаря его показаниям было установлено, что «секты молокан и жидовствующих не могут быть отнесены к разряду сект, соединенных со свирепым изуверством, о которых упоминается в ст. 197 Уложения [о наказаниях. – Прим. А. А. Никитина] и 1007 УУС»³.

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 19. Л. 2 об.

² Галкин А. Г. Общественное значение оптимизации взаимодействия судебных следователей с судебными и правоохранительными органами... С. 38.

³ ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 4. Л. 5 об.

При расследовании преступных деяний органы следствия для поиска виновных лиц или вещественных доказательств преступления, при достаточных на то основаниях, производили обыски и выемки в домах и иных помещениях. В ряде случаев именно результаты произведенных обысков, а также свидетельские показания служили основанием для окончания следственных действий и направления материалов дела в прокуратуру.

К примеру, при производстве предварительного следствия по делу о кражах вещей у Юкиной и Бороденковой, по показанию Батовой в качестве обвиняемой была привлечена крестьянка Причеснова. Однако произведенный у неё обыск не дал положительных результатов – не оказалось найдено ни одной из украденных вещей. Допрошенные по данному уголовному делу свидетели, крестьяне села Шиловки, дали показания в пользу защиты обвиняемой: «...Причеснова поведения хорошего и ни в чем дурном не замечена». Сама крестьянка виновной себя не признавала и в подтверждение своих слов приводила отрицательные результаты обыска. Материалы дела по произведенному следствию были направлены прокурору Симбирского окружного суда Т. П. Сольскому, который постановил: «...за отсутствием других каких-либо улик, не достаточных для привлечения Причесновой к ответственности за кражу, – следствие прекратить»¹.

Исследование материалов уголовного дела позволяет нам заключить, что судебные следователи в соответствии с нормами процессуального законодательства обращали своё внимание на все обстоятельства совершенного преступления и доводы обвиняемого лица, оправдывающие его, которые сотрудник следственного органа не игнорировал, а подвергал проверке.

При каждом процессуальном действии предварительного следствия составлялся отдельный протокол. Учитывая то, что в делопроизводстве у некоторых сотрудников следственных органов в течение года находилось от

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 19. Л. 19–19 об.

нескольких десятков до двухсот и более следствий (см. приложение 35), в реальности на следователей возлагался огромный письменный труд, при этом должности секретаря отсутствовали, что и отмечали дореволюционные исследователи как существенное упущение¹. Подобное положение дел, несомненно, приводило к определенным задержкам производства следствий. Статистические данные о деятельности судебных следователей Симбирского окружного суда говорят о том, что количество допрошенных свидетелей по оконченным следствиям у некоторых сотрудников превышало 1000 человек. Абсолютным лидером по данному показателю в 1911 г. являлся следователь 1-го участка Симбирского уезда, допросивший 1869 человек по 177 уголовным делам, в среднем более 10 свидетелей по каждому делу. Наибольшее среднее значение количества допрошенных свидетелей приходилось на следователя по особо важным делам – более 20 человек по каждому делу. Наименьший средний показатель принадлежал судебному следователю 2-го участка г. Симбирска – 2,6 человека.

Таким образом, при расследовании каждого преступного деяния сотрудниками следственного органа, за исключением следователя по особо важным делам, привлекались в качестве свидетелей от 2 до 11 человек. Данное утверждение подкрепляется сведениями, полученными нами при изучении конкретных уголовных дел. Так, при выявлении невинности Причесновой, обвиняемой в краже, было привлечено 6 свидетелей, что отражено в протоколе допроса².

В ходе расследования уголовных преступлений сотрудники следственных органов достаточно большое количество времени проводили в командировках на территории своего участка. Около $\frac{1}{3}$ времени года судебные следователи 1-го и 2-го участков Карсунского уезда, а также 1-го участка Симбирского уезда находились в разъездах по служебным

---

¹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 462.

² ГАУО. Ф. 1. Оп. 52. Д. 19. Л. 19 об.

делам. У остальных следователей Симбирского окружного суда на командировочные поездки уходило от 10 до 92 дней в году.

Таким образом, на качество и длительность производимых расследований оказывала большое влияние медлительность органов местного самоуправления при содействии следственным органам¹, многочисленные разъезды по территории участка при отсутствии быстроходных средств передвижения, а также само количество уголовных дел, находившихся одновременно в делопроизводстве у судебного следователя.

Однако анализ сведений, приведенных в приложении 35, указывает на то, что ухудшающие факторы, описанные выше, не являлись основной причиной возвращения произведенного следствия на повторное расследование. По всей вероятности, большую роль играла трудность и запутанность того или иного уголовного дела, в котором судебный следователь не всегда мог самостоятельно разобраться и выявить существующие нюансы. Кроме того, некоторые дела поступали на повторное расследование при открытии новых фактов в ходе судебного заседания, ранее не известных следователю.

Количество следствий, возвращенных на повторное расследование, у большинства судебных следователей составляло от 2 до 10% от общего числа произведенных следствий. Но в некоторых случаях на повторное расследование поступало до 25% дел, как у следователя 3-го участка Карсунского уезда. Несмотря на то, что в делопроизводстве у него находилось всего 60 предварительных следствий, им было расследовано в течение года только 20% (12) дел, из которых четверть была возвращена на повторное рассмотрение. Истинную причину низкой эффективности деятельности определить достаточно проблематично, мы можем лишь предположить, что судебный следователь, не являясь опытным сотрудником, в новообразованном участке Карсунского уезда не смог в достаточной

---

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 15. Д. 6. Л. 12.

степени эффективно организовать предварительное производство расследования преступлений.

Динамика следствий, находившихся в делопроизводстве у судебных следователей Симбирского окружного суда в течение исследуемого периода, в целом соответствует динамике крупной преступности в регионе. Общее количество следствий имеет аналогичные фазы роста и спада количества дел, находившихся в производстве. Увеличение преступности привело к росту числа предварительных следствий в 1881 г. на 43 % от уровня 1871 г. Затем, в 1880-е гг. и вплоть до начала XX в. отмечалась тенденция к уменьшению количества расследуемых дел. В 1902 г. количество предварительных следствий снизилось на 10% от начальной точки, что говорит о существенном сокращении следствий по сравнению с 1881 г. С развитием революционных событий началось повторное повышение количества расследуемых дел, и в предвоенные годы (1911 г.) оно превысило показатель реперной точки на 22%. В годы Первой мировой войны количество следствий сократилось и почти соответствовало показателям 1871 г. (см. приложение 36).

Динамика количества предварительных следствий не у всех сотрудников следственного аппарата соответствовала общерегиональной тенденции. В частности, у следователей 1-го участка Алатырского уезда на протяжении 1871–1911 гг. происходило постепенное увеличение числа дел, находящихся в производстве, а в годы мировой войны – его сокращение. Иная ситуация отмечалась у судебных следователей 1-го участка Сенгилеевского уезда. В 1881 г., когда в регионе отмечался общий рост количества уголовных дел, в данном участке фиксировалось снижение числа предварительных следствий, находящихся в производстве, на 20 % от уровня 1871 г. В следующей контрольной точке (1891 г.) отмечался рост следствий на 21 % от предыдущей даты. Затем тенденция роста и спада количества предварительных дел входит в общерегиональное русло: снижение в 1902 г. на 38 %, подъем в 1911 г. на 41 % и уменьшение в 1915 г. на 20 %.

Совершенно другая ситуация просматривается при изучении статистики следствий у судебных следователей 1-го участка Сызранского уезда. Если в 1871–1902 гг. динамика следствий соответствует региональной, то в период с 1902 по 1915 г. происходит увеличение числа дел, находящихся в производстве (рисунок 1).

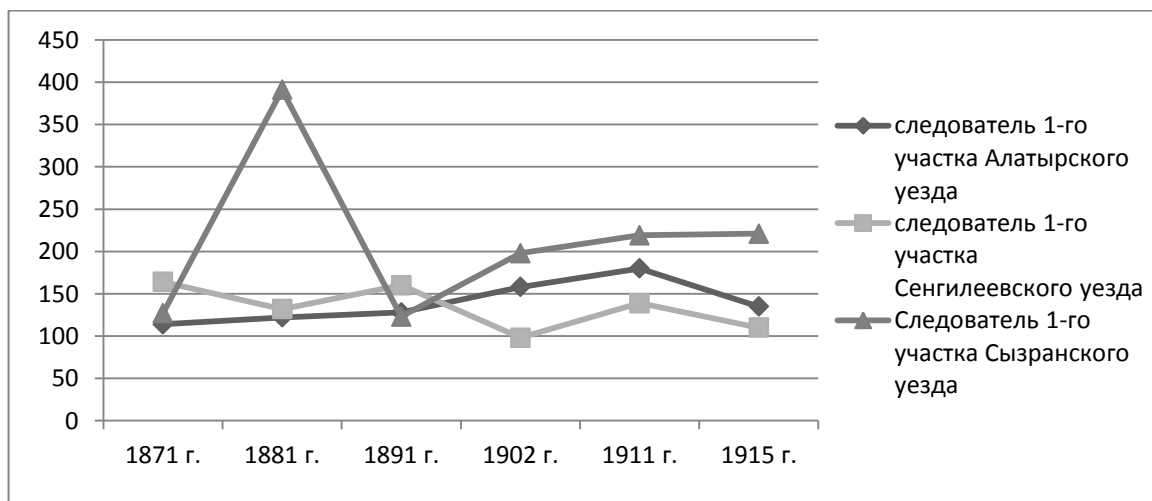

Рисунок 1. Динамика количества следствий у судебных следователей Симбирского окружного суда в 1871–1915 гг.¹

Таким образом, динамика следствий, находившихся в делопроизводстве у судебных следователей Симбирского окружного суда в 1871–1915 гг., имела циклический характер, при этом в каждом участке периоды увеличения и уменьшения количества дел имели свои временные границы. Определить причину различия тенденций не представляется возможным. Однако мы с определенной степенью достоверности можем утверждать, что увеличение числа уголовных следствий в крупных городах (Симбирске и Сызрани) и на прилегающих к ним территориях в годы мировой войны связано с увеличением передвижения населения через крупные транспортные пункты и размещением беженцев в пределах города Сызрани и его уезда.

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 2. Д. 7; Оп. 13. Д. 6; Оп. 23. Д. 45; Оп. 33. Д. 36; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43.

На основании анализа данных, приведенных в приложениях 35 и 36, мы можем утверждать, что судебные следователи Симбирского окружного суда в практической деятельности по расследованию противоправных деяний в целом успешно справлялись со своими должностными обязанностями. Об этом свидетельствует низкий процент следствий, возвращенных на повторное расследование (2–10%), при достаточно большом количестве дел, находящихся в производстве.

Однако в ходе производства предварительных следствий в ряде случаев сотрудники следственного аппарата проявляли определенную медленность, что становилось объектом проверки прокурорского надзора. Так, в декабре 1883 г. при расследовании покушения на поджог ветряной мельницы крестьян деревни Новые Убеи, и.д. судебного следователя по 1-му участку Буинского уезда Еле произвел процессуальные действия только через 8 месяцев после начала предварительного следствия, что вызвало проверку со стороны надзорных органов. Но объяснения следователя по данному делу были определены прокурором как «заслуживающие уважения»¹.

Законодательством не предусматривалось установление временных рамок делопроизводства по каждому делу, но произведенное нами исследование позволило выявить, что следственные действия могло длиться менее месяца и более года (см. таблицу 20). Анализ деятельности судебного следователя города Симбирска Ф. А. Брокмиллера дает нам возможность определить, что на 1 января 1876 г. в делопроизводстве более 3 месяцев находилось 24% следствий, 21% уголовных дел расследовалось более 6 месяцев, по 19% следствий производилось менее месяца и более года. Наименьшее количество дел, всего 17%, находилось в производстве более одного месяца.

Исследование статистических данных, приведенных в таблице 21, свидетельствует о том, что после окончания предварительного следствия подавляющее большинство дел направлялось прокурору окружного суда или,

---

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 15. Д. 6. Л. 17.

в редких случаях, прокурору военно-окружного суда для составления заключения. Из общего количества неоконченных и отосланных следствий на долю мировых судей приходилось около 70 % дел, оставшиеся 30 % – на долю других судебных следователей. Прекращение и приостановление следствий в большинстве случаев происходило по причине необнаружения виновных лиц или недостаточности улик. Отсутствие признаков преступления, а также смерть обвиняемого или давность преступного деяния в редких случаях также служили основанием для прекращения следственных действий.

Таблица 20

Длительность производства уголовных дел у судебного следователя

г. Симбирска Ф. А. Брокмиллера на 1 января 1876 г.*

Менее 1 месяца	8 (19 %)
Более 1 месяца	7 (17 %)
Более 3 месяцев	10 (24 %)
Более 6 месяцев	9 (21 %)
Более 1 года	8 (19 %)
Всего	42 (100 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 7. Д. 13. Л. 48.

Рассмотрение уголовных дел по крупным преступлениям происходило в окружном суде с участием присяжных заседателей, без их участия или с привлечением сословных представителей. Количество уголовных дел, рассмотренных в Симбирском окружном суде с участием сословных представителей, было незначительным, к примеру в статистике за 1915 г. отражен всего один процесс¹. Анализ статистических данных Симбирского окружного суда за 1871–1902 гг. свидетельствует о том, что количество уголовных процессов с участием института присяжных заседателей было больше, чем без привлечения таковых. Из общего числа дел на долю рассмотренных с участием присяжных заседателей или без них приходилось

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 47. Д. 43. Л. 17 об.

в разные годы от 48 до 81 % процессов. Наибольший процент дел, рассмотренных при участии института присяжных заседателей, отмечался в 1871–1882 гг. и составлял 73–81 % (см. приложение 37).

Таблица 21

Данные об отосланных, прекращенных и приостановленных следствиях
в декабре 1875 г.*

	Следствия и. д. судебного следователя по г. Сызрани	Следствия судебного следователя по г. Симбирску
Следствия направлены		
Прокурору окружного суда	8	7
Прокурору военно-окружного суда	0	0
Мировым судьям	1	4
Другим ведомствам	0	0
Другим судебным следователям	2	0
Причины прекращения и приостановления следствия		
Отсутствие признаков преступления	0	1
Необнаружение виновных	1	4
Недостаточность улик	3	0
Смерть обвиняемого, давность преступления	0	0

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 7. Д. 13. Л. 9, 10, 48.

После воцарения Александра III и определенного отхода от принципов судебной реформы 1864 г. началось снижение доли процессов, рассматриваемых присяжными заседателями. С 1882 г., когда 73 % дел находилось в ведении присяжных заседателей, по 1886 г. количество подобных процессов сократилось на 13 %, и до 1902 г. доля уголовных процессов, рассмотренных с участием присяжных заседателей, составляла 48–63 %.

Изучение сведений, приведенных в приложении 37, позволяет нам сделать вывод о том, что общее количество оправданных лиц в 1871–1915 гг. находилось на уровне 101–421 человека. Ежегодное колебание числа оправданных подсудимых имело значительную амплитуду, поэтому достаточно сложно выявить периоды определенного роста или снижения. Однако мы можем констатировать, что с 1871 по 1876 г. число оправданных составляло 101–271 человек, в 1877–1894 гг. – в районе 300, за исключением 1880 и 1881 гг., когда данный показатель находился на уровне 421 и 379 человек соответственно. В период с 1895 по 1915 г. число оправданных лиц сокращалось и составляло от 179 до 265 человек, за исключением 1911 г. (352 человека).

Аналогичная ситуация сложилась с выявлением динамики количества лиц, осужденных по приговору Симбирского окружного суда в 1871–1915 гг. В период с 1871 по 1887 г. это количество колебалось в диапазоне 274–637 человек. С 1888 по 1894 г. оно увеличилось до 639–827 человек, а в 1895–1915 гг. снизилось до 400 осужденных. В период 1911–1915 гг. количество осужденных по приговору Симбирского окружного суда установилось в районе 550–600 лиц (рисунок 2).

Анализ процентного соотношения числа оправданных и осужденных позволил установить, что доля виновных лиц по вердикту суда в 1871–1873 гг. составляла 72–73%, в 1873–1887 гг. наблюдалось снижение данного показателя до 53–66%, исключением являлся лишь 1875 г., когда количество осужденных составило 71%. В период с 1888 по 1893 г. наблюдалось существенное увеличение общей доли осужденных (71–76%) и уменьшение количества оправданных подсудимых до наименьших значений за весь период деятельности Симбирского окружного суда (24–25%). В 1894–1915 гг. доля виновных незначительно сократилась и находилась в районе 61–70% (см. таблицу 22).

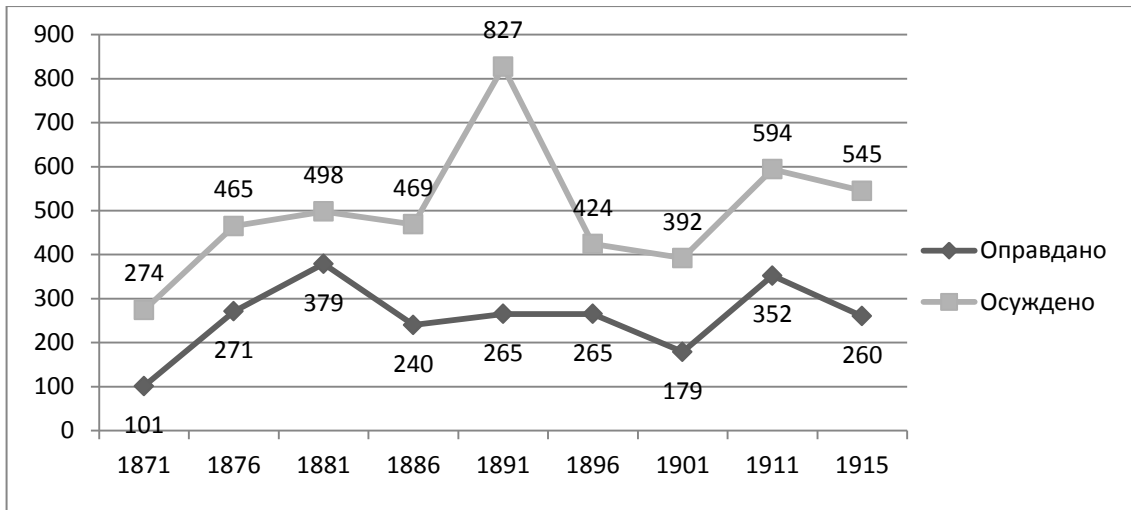

Рисунок 2. Динамика количества оправданных и осужденных Симбирским окружным судом в 1871–1915 гг., человек¹

Таблица 22

Доля оправданных и осужденных Симбирским окружным судом в 1871–1915 гг., %*

Год	Оправдано	Осуждено	Год	Оправдано	Осуждено
1871	27	73	1888	29	71
1872	27	73	1889	25	75
1873	28	72	1890	25	75
1874	34	66	1891	24	76
1875	29	71	1892	26	74
1876	37	63	1893	25	75
1877	38	62	1894	32	68
1878	36	64	1895	32	68
1879	39	61	1896	38	62
1880	44	56	1897	30	70
1881	43	57	1898	38	62
1882	40	60	1899	39	61
1883	47	53	1901	31	69
1884	43	57	1902	35	65
1885	35	65	1911	37	63
1886	34	66	1915	32	68
1887	36	64			

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 30. Д. 30. Л. 28–31; Оп. 34. Д. 59. Л. 32; Оп. 42. Д. 37. Л. 25, 28; Оп. 47. Д. 43. Л. 17 об. – 19.

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 30. Д. 30. Л. 28–31; Оп. 34. Д. 59. Л. 32; Оп. 42. Д. 37. Л. 25, 28; Оп. 47. Д. 43. Л. 17 об. – 19.

Причина существенного возрастания доли осужденных в 1889–1893 гг. заключалась не только в том, что в июле 1889 г. из юрисдикции присяжных заседателей было изъято значительное количество дел, связанных с насильственными действиями в отношении представителей власти, по которым репрессивность суда присяжных находилась на достаточно низком уровне¹, но и в общей карательной политике государственных органов.

Проанализировав деятельность российских судов в период с 1875 по 1901 г., Р.Р. Мухамедов выявил, что процент оправданных окружными судами при участии присяжных заседателей на протяжении всего периода превышал процент оправданных без участия присяжных. Относительное количество оправданных судом присяжных составляло в целом 30–40%, максимальное значение – 45,5% (1883 г.). Доля оправданных без участия присяжных заседателей составляла 23,8–34,4%. При этом динамика количества оправданных с участием и без участия института присяжных заседателей имела различные тенденции².

Исследование статистических данных по Симбирскому окружному суду позволяет нам утверждать, что в 1902 г. присяжными заседателями было оправдано 30% подсудимых и осуждено 70%. Показатель, характеризующий долю оправданных, на 9% в меньшую сторону отличался от общероссийских показателей начала XX в.³ В предвоенные и военные годы относительное количество оправданных увеличилось и составляло 40–43%, при этом процент осужденных снизился до 57–60% (см. таблицу 23). Доля оправданных без участия присяжных заседателей в 1902 г. составляла 31%, что соответствовало общероссийскому уровню начала XX в.⁴ К 1911 г. доля оправданных снизилась до 10% и возросла доля осужденных (90%). В военные годы данные показатели составляли соответственно 19 и 81%.

---

¹ Тарновский Е. Н. Репрессия суда присяжных... С. 27–76.

² Мухамедов Р. Р. Указ. соч. С. 135–137.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 196–197.

Если в начале XX в. доля оправданных судом без участия присяжных заседателей соответствовала общероссийским показателям 1875–1901 гг., то в 1911–1915 гг. происходило существенное уменьшение количества оправдательных вердиктов, их уровень стал ниже общероссийского. Что касается процента оправданных и осужденных при участии института присяжных заседателей в 1902–1915 гг., то его колебания не выходили за рамки общероссийских показателей 1875–1901 гг.

Таблица 23

Количество оправданных и осужденных Симбирским окружным судом
в 1902–1915 гг., человек*

	Оправдано			Осуждено		
	1902 г.	1911 г.	1915 г.	1902 г.	1911 г.	1915 г.
С участием присяжных заседателей	107 (30 %)	295 (43 %)	166 (40 %)	253 (70 %)	392 (57 %)	244 (60 %)
Без участия присяжных заседателей	76 (31 %)	23 (10 %)	40 (19 %)	172 (69 %)	200 (90 %)	166 (81 %)
С участием сословных представителей	–	2	1	–	–	–
В качестве 2-ой инстанции	–	32	53	–	2	135
Всего	225**	352	260	425	594	545

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 34. Д. 59. Л. 79 об. – 80; Оп. 42. Д. 37. Л. 28; Оп. 47. Д. 43. Л. 19.

** Включая 42 обвиняемых, освобожденных без суда.

Исследование данных, приведенных в таблице 23, свидетельствует о том, что в период 1902–1915 гг. судом с участием сословных представителей не было осуждено ни одного лица, а доля осужденных судом в качестве 2-й инстанции в 1911 и 1915 гг. составляла 6 и 72 % соответственно.

Анализ статистических сведений по некоторым видам преступлений за 1892 и 1907 гг. показывает, что количество уголовных дел по религиозным преступлениям и противоправным деяниям, направленным против собственности частных лиц, рассмотренных в уголовном суде, в начале XX в.

значительно сократилось по сравнению с последним десятилетием XIX в., в то время как общая динамика преступности региона по данным видам преступлений имела тенденцию к устойчивому росту. Противоположенная ситуация сложилась с насильственными преступлениями, а также деяниями, направленными против порядка управления. Количество уголовных процессов по этим видам увеличилось в 1907 г. по сравнению с 1892 г. почти в 1,5 раза, данная тенденция в целом совпадает с региональной динамикой преступности (см. таблицу 24).

Статистические данные, приведенные в таблице 24, также указывают на то, что в 1907 г. по религиозным преступлениям произошло снижение доли оправданных на 22% от уровня 1892 г. Из 37 уголовных дел, рассмотренных в 1892 г., только в 9 процессах участвовали присяжные заседатели, в 1907 г. – всего в 5 из 17. В процентном соотношении в 1892 и 1907 гг. с участием института присяжных заседателей разрешены 24 и 29% дел, без участия данного института – 76 и 71% дел соответственно¹.

Таблица 24

Деятельность Симбирского окружного суда в 1892–1907 гг.*

Вид противоправных деяний	Рассмотрено дел		Оправдано, чел.		Осуждено, чел.	
	1892 г.	1907 г.	1892 г.	1907 г.	1892 г.	1907 г.
Религиозные преступления	37	17	18 (33 %)	2 (11 %)	37 (67 %)	17 (89 %)
Преступления против порядка управления	63	115	18 (18 %)	374 (41 %)	83 (82 %)	535 (59 %)
Преступления против жизни, здоровья и личности человека	95	140	57 (40 %)**	88 (42 %)	77 (53 %)**	122 (58 %)
Преступления против собственности частных лиц	366	247	143 (25 %)	174 (41 %)	433 (75 %)	246 (59 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 41 об. – 44; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об. – 48.

** 10 (7%) подсудимых освобождены от ответственности.

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 41 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об.

Причина низкой доли уголовных процессов, рассмотренных с участием присяжных заседателей, заключается в том, что в дореволюционной России православная церковь, занимая господствующее положение по отношению к другим религиозным учениям, составляла основу государственного строя. В связи с этим разрешение дел доверялось профессиональным судьям, чей процент осужденных был выше, чем у института присяжных заседателей. Тем самым государство пыталось сохранить верховенство православной церкви и оградить её от посягательств со стороны других религиозных конфессий и передовой общественности.

Исследование уголовных дел и статистических материалов по ним свидетельствует о том, что присяжными рассматривались в основном преступления, связанные со святотатством (хищением церковного имущества), разрытием могил и ограблением мертвых тел. К примеру, в 1892 г. по данному роду преступлений присяжными заседателями было рассмотрено 6 из 7 дел, в то время как за отступление от веры и постановлений церкви присяжные участвовали в 3 процессах из 18. В 1907 г. все 4 дела озвученного рода религиозных преступлений были разрешены присяжными заседателями¹.

Количество осужденных за святотатство, вскрытие могил и ограбление мертвых тел при разрешении дел с участием присяжных заседателей в конце XIX в. было ниже, чем число оправданных. В 1892 г. из 12 подсудимых решением суда были осуждены к различным наказаниям только 4 человека². Зачастую присяжные выносили оправдательный вердикт, не принимая во внимание показания свидетелей стороны обвинения. Так, 23 января 1885 г. Симбирским окружным судом с участием присяжных заседателей был оправдан крестьянин деревни Андреевки Ардатовского уезда И. И. Пыресев, обвиняемый в краже 420 рублей, принадлежащих церкви, несмотря на свидетельские показания крестьянина Потапова и священника церкви³.

---

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 41 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об.

² Там же. Оп. 23. Д. 46. Л. 41 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 66. Д. 9. Л. 56, 94.

Присяжные заседатели, рассматривая дела по другим родам религиозных преступлений, достаточно часто выносили оправдательный вердикт и старались уменьшить наказание, констатируя, что обвиняемый «заслуживает снисхождения»¹ или совершил преступное деяние «по неразумению и невежеству»². Таким образом, значительное количество оправдательных вердиктов и приведенные факты, свидетельствующие об облегчении наказания, указывают на то, что присяжные заседатели не видели в религиозных преступлениях угрозу ослабления государственного строя.

Статистические данные за 1902 и 1907 гг. говорят об изменении ситуации с приговорами института присяжных заседателей в начале XX в. Из 6 подсудимых за святотатство, вскрытие могил и ограбление мертвых тел в данные годы только двое обвиняемых были оправданы³. Увеличение доли осужденных по описанному выше роду преступлений можно объяснить лишь тем фактом, что присяжные заседатели стали более взвешенно подходить к рассмотрению дел, связанных с церковным имуществом.

Уголовные процессы по религиозным преступлениям, разрешенные без участия присяжных заседателей, как в конце XIX, так и в начале XX в. в подавляющем большинстве случаев заканчивались обвинительным вердиктом. За богохульство и порицание веры все 19 дел, рассмотренных в 1892 и 1907 гг., завершились осуждением подсудимых к тюремному заключению и аресту⁴.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило наше предположение о том, что высокий процент осужденных по религиозным преступлениям приходился на дела, разрешенные без участия присяжных заседателей. Но данное положение верно лишь для процессов, рассмотренных в последней трети XIX в., так как доля осужденных присяжными заседателями в начале XX в. возросла и достигла значения

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 53. Д. 1. Л. 65–66.

² Там же. Оп. 66. Д. 7. Л. 147.

³ Там же. 454. Оп. 34. Д. 59. Л. 60 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об.

⁴ Там же. Ф. 454. Оп. 34. Д. 59. Л. 60 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об.

67–70%, а общее количество осужденных с участием и без привлечения присяжных заседателей составило 89%.

Доля осужденных по преступлениям против порядка управления в 1907 г. сократилась на 23% от положения 1892 г. и составила 59%. Из 63 уголовных дел, рассмотренных в 1892 г., только в 10 (16%) процессах участвовали присяжные заседатели, в 1907 г. – всего в 12 из 91¹. В соответствии с нормами законодательного акта от 7 июля 1889 г. преступления, связанные с неповиновением правительственным распоряжениям и оскорблением чиновников при исполнении ими своих должностных обязанностей, рассматривались без участия присяжных заседателей (см. таблицу 24).

Количество оправданных подсудимых по преступлениям, направленным против жизни, здоровья и личности человека, в 1892 и 1907 гг. находилось в районе 40–42%, а осужденных – 53–58%. Если в последнее десятилетие XIX в. количество дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, составляло 44%, то в начале XX в. – 73%².

Доля осужденных по преступлениям против частной собственности в 1907 г. по сравнению с 1892 г. сократилась на 16% и установилась на уровне 59%, число оправданных увеличилось с 25 до 41%. Почти все уголовные дела рассматривались с участием присяжных заседателей, что позволяет нам определить точное соотношение осужденных и оправданных лиц по некоторым преступлениям.

Количество осужденных за разбойные нападения с 1892 по 1907 г. сократилось на 10% и установилась на уровне 63%, вместо прежних 73%. Доля осужденных по грабежам также значительно снизилась – до 48% в 1907 г., тогда как в 1892 г. она составляла 67%. При этом в 1907 г. грабежи являлись единственным видом преступлений, связанных с хищением

---

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 41 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 45 об.

² Там же. Л. 43 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 47 об.

частного имущества, по которому количество оправданных превышало число осужденных.

Число рассмотренных дел, связанных с кражами, с 1892 по 1907 г. снизилось на 40 %, тогда как количество других процессов по однородным преступлениям имело тенденцию к росту. Процент оправданных присяжными заседателями по данному преступлению в 1907 г. составил 37 % и превысил предыдущий показатель на 16 %, соответственно, доля осужденных в начале XX в. установилась в районе 63 % вместо прежних 79 %. Уголовных процессов по случаям мошенничества в 1892 г. не рассматривалось, а по двум процессам 1907 г. к ответственности привлекли 3 человек, один из которых был оправдан и двое осуждены (см. таблицу 25).

Таблица 25

Деятельность Симбирского окружного суда с участием присяжных заседателей по разрешению уголовных дел в 1892–1907 гг.*

Противоправное деяние	Рассмотрено дел		Оправдано, чел.		Осуждено, чел.	
	1892 г.	1907 г.	1892 г.	1907 г.	1892 г.	1907 г.
Разбой	6	11	3 (27 %)	7 (37 %)	8 (73 %)	12 (63 %)
Грабеж	17	32	6 (33 %)	27 (52 %)	12 (67 %)	25 (48 %)
Кража	287	172	99 (21 %)	102 (37 %)	367 (79 %)	175 (63 %)
Мошенничество	0	2	0	1 (33 %)	0	2 (67 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 43 об.; Оп. 38. Д. 27. Л. 47 об.

Наибольшему числу осужденным (50 %) за разбойные нападения избиралась мера наказания в виде каторги, по 20 % виновных в преступлениях приговаривались к тюремному заключению и ссылке в отдаленные районы Сибири, 10 % осужденных – к содержанию в арестантских ротах. Около 57 % виновных за грабеж отбывали наказание в

арестантских ротах, 43 % – в тюрьме. 46 % осужденных за кражу содержались в арестантских ротах, 41 % – в тюрьмах, 9 % отправлялись в ссылку в Сибирь, а 3 % подвергались аресту. В единичных случаях виновным по вердикту суда объявлялся выговор или применялись иные несущественные наказания¹.

Таким образом, в результате проведенного анализа деятельности Симбирского окружного суда с участием присяжных заседателей по разрешению уголовных процессов, связанных с хищением частной собственности, можно заключить, что в 1907 г. по сравнению с 1892 г. доля оправданных увеличилась на 10–19 %. Данная тенденция в целом соответствовала общероссийской. К примеру, в 1892 г. общее количество оправданных судами присяжных за кражи составляло 27,6 %, а в самом начале нового столетия (1900 г.) – уже более 32 %². Относительное количество оправданных Симбирским судом присяжных в 1892 г. было ниже общероссийских показателей более чем на 6 %, но в 1907 г. превышало их уровень 1900 г. почти на 5 %. Данные факты свидетельствуют о том, что в судебной системе при Николае II произошел отход от репрессивной политики.

Проведя анализ статистических сведений, приведенных в приложении 38, мы можем утверждать, что Симбирским окружным судом в 1871–1899 гг. виновным избирались различные меры наказаний. Например, количество осужденных к тюремному заключению в известный период составляло от 18,4 (1878 г.) до 38,5 % (1873 г.). Выявить динамику роста или снижения количества виновных достаточно трудно, так как даже в течение 2–3 лет происходили постоянные колебания процента осужденных. Однако в 1871–1877 гг. доля осужденных к тюремному заключению составляла 32,7–38,5 %, с исключительным 1876 г., когда она понизилась до 23 %. В 1879 г. данный показатель резко снизился до 18,4 % и затем до 1883 г.

---

¹ ГАУО Ф. 454. Оп. 23. Д. 46. Л. 43 об. – 44; Оп. 38. Д. 27. Л. 47 об. – 48.

² Мухамедов Р. Р. Указ. соч. С. 144.

возрастал до точки в 31,1 %. С 1884 по 1899 г. доля осужденных к тюремному заключению находилась в диапазоне 20,5–35,8 %.

Количество осужденных к содержанию в арестантских ротах в исследуемый период составляло 17,5–46,5 %. С 1871 по 1886 г. данный показатель изменялся в пределах 28,7–46,5 %. С 1887 г. он уже не превышал 25,5 %, при этом с 1892 по 1899 г. имел тенденцию к снижению, за исключением 1898 г. Доля лиц, приговоренных Симбирским окружным судом к аресту, в 1871–1885 гг. находилось в районе 8,6–18,1 %. С 1886 г. она увеличивалась и составляла 20,0–27,9 % от общего количества осужденных к различным мерам наказания. Наивысшие значения данного показателя пришлось на 1898 и 1899 гг., когда он превысил 30 %.

На поселение в Сибирь было осуждено от 4,7 до 13,3 % виновных в совершении преступлений. Хаотичное ежегодное колебание доли осужденных не позволяет нам выявить абсолютно никакие периоды изменения данного показателя. Аналогичная ситуация сложилась и с относительным числом осужденных на каторжные работы, к денежному взысканию и другим мерам наказания. Если доля осужденных на каторжные работы имела диапазон колебания от 2,3 до 8,1 %, то доля осужденных лиц к денежному взысканию и другим мерам наказания – от 4,7 до 19,4 %. Максимальное значение показатель имел в 1889 г., когда произошло снижение роли института присяжных заседателей. Однако мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что увеличение относительного количества подобных приговоров являлось результатом деятельности профессиональных судей, тем более что доля рассмотренных судом присяжных дел сократилась не так значительно. На наш взгляд, причина заключается в общей охранительной политике государственных органов в период правления Александра III.

Отметим, что в годы наибольшей репрессивной деятельности Симбирского окружного суда (1888–1893) максимальное количество осужденных приговаривались к тюремному заключению (до 32,2 %), около

20–25 % были осуждены к заключению в арестантском отделении, такое же количество – к аресту и содержанию в полицейских управлениях¹ или волостных правлениях². Доля отправленных на поселение в Сибирь в данные годы составляла 8,1–13 %, а осужденных к каторге – 4–6 %. Количество денежных взысканий и других наказаний, достигнув наивысшей точки в 1889 г., постепенно сократилось и составило 66 % в 1893 г. Таким образом, процентное соотношение осужденных к различным мерам наказания в 1888–1893 гг. в целом не имело существенных отклонений от общих показателей и тенденций.

В целях организации профилактики преступных проявлений сотрудники судебного ведомства, кроме рассмотрения и разрешения конкретных уголовных дел, стали инициаторами создания в Симбирске общественной организации, целью которой было открытие исправительного приюта для депривированных детей. Итогом деятельности организации стало учреждение в 1880 г. Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов на 50 воспитанников. Однако уже через десять лет общество прекратило свое существование из-за недостаточного финансирования, и все имущество приюта было передано в ведение местного тюремного комитета³. Но, по рекомендации министра юстиции Н. В. Муравьева⁴ и после сбора средств присяжными заседателями в 1898 г., уголовное отделение Симбирского окружного суда при непосредственном руководстве председателя М. А. Евреинова вновь предприняло шаги по созданию приюта для несовершеннолетних⁵.

Вернемся к анализу деятельности судебных органов Симбирской губернии. Разрешение мелких уголовных дел входило в юрисдикцию мировых судей. Имеющиеся данные позволяют нам утверждать, что

---

¹ ГАУО. Ф. 1. Оп. 53. Д. 1. Л. 66; Оп. 81. Д. 3. Л. 46; Д. 5. Л. 32; Д. 26. Л. 25; Д. 27. Л. 86; Д. 28. Л. 33 об.; Д. 38. Л. 28 об.

² Там же. Оп. 66. Д. 7. Л. 148.

³ Там же. Ф. 454. Оп. 29. Д. 4. Л. 55.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 56.

количество уголовных процессов у мировых судей региона в 1876 г. превышало общее число рассмотренных в окружном суде дел более чем в 4 раза. Только мировыми судьями Симбирского округа в течение года было разрешено 2549 дел. Также достаточно большое количество процессов было рассмотрено судьями Сызранского мирового округа – 1772. В иных округах это количество составляло 449–891 дело (см. приложение 39).

При анализе сведений, приведенных в приложении 39, нами выявлено, что доля уголовных процессов, завершенных мировым соглашением сторон, составляла 6–15 % от общего числа разрешенных дел. Наименьший показатель зафиксирован в Алатырском и Карсунском округах, наибольший – в Сенгилеевском и Сызранском. Доля дел, рассмотренных в апелляционной инстанции мирового суда, то есть на съезде мировых судей, составляла 6–12 % от общего числа дел, разрешенных в 1-й инстанции. А доля дел, завершенных мировым соглашением сторон, была ничтожной и находилась на уровне 1–5 % или подобные дела вообще отсутствовали.

Наличие сведений по гражданским делам в графах оправданных и осужденных мировыми судьями Симбирской губернии в 1876 г. не позволяет нам вычислить процентное соотношение.

Государственная политика Александра III, направленная на свертывание судебных установлений 1864 г., привела к ликвидации в 1889 г. выборного мирового суда и замене его на институт земских начальников. Те же функции, которые не были переданы участковым начальникам, перешли созданным по положению 1889 г. городским судьям и уездным членам окружного суда.

Анализ движения уголовных дел у земского начальника 1-го участка Сенгилеевского уезда позволяет нам утверждать, что ежегодно в делопроизводстве находилось несколько сотен дел, их количество постоянно увеличивалось. Так, с 1891 по 1911 г. количество уголовных дел возросло в 4,5 раза. Земскими начальниками в течение года разрешалось 51–86 % общего количества дел. При этом процент уголовных производств прямо

зависел от общего числа дел, находившихся в производстве, их увеличение приводило к снижению показателя. Около 5–10% дел, рассматриваемых земскими начальниками, передавалось в другие правоохранительные инстанции для дальнейшего производства (см. таблицу 26).

Таблица 26

Движение уголовных дел у земского начальника 1-го участка
Сенгилеевского уезда в 1891–1911 гг.*

Показатель	1891 г.	1904 г.	1911 г.
Осталось не решенных дел к 1 января	8	41	295
Возникло дел	112	345	500
Передано в другие органы	5	41	0
Решено дел	104	295	408
Осталось не решенных дел в конце года	11	50	387

* Составлено по: ГАУО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об. – 17; Д. 38. Л. 44 об. – 45; Д. 54. Л. 2 об. – 3.

Имеющиеся статистические сведения о деятельности земского начальника 1-го участка Сенгилеевского уезда за 1891 г. свидетельствуют о том, что по рассмотренным уголовным делам к ответственности было привлечено 159 человек, из них 98 (61%) человек осуждено и 61 (39%) оправдан¹.

Изученная нами статистика деятельности уездных членов окружного суда показывает, что количество рассмотренных дел в 1911 г. было выше, чем в 1915 г. (исключением являлся лишь Буинский участок, где произошло несущественное увеличение уголовных процессов). Подобное уменьшение числового значения мы можем объяснить снижением общей преступности в регионе в первые годы мировой войны и разрешением некоторых дел в рамках административного производства.

¹ ГАУО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

Наибольшее количество дел в 1911 г. было рассмотрено в участках Симбирского и Сызранского уездов – 811 и 707 соответственно. Чуть более 500 уголовных процессов были разрешены в Сенгилеевском участке. В других территориальных подразделениях количество рассмотренных дел находилось в районе 332–466. По сравнению с предшествующей датой, в 1915 г. наибольшее сокращение показателя произошло в Сенгилеевском участке – более чем в 3,5 раза, когда он достиг минимальной отметки в 135 дел. В четырех участках: Симбирском, Сызранском, Курмышском и Буинском – было рассмотрено более 300 процессов, в Алатырском, Ардатовском и Карсунском участках – 162–223 дела (см. таблицу 27).

Таблица 27

Деятельность уездных членов Симбирского окружного суда
в 1911–1915 гг.*

Члены окружного суда	Рассмотрено дел		Осуждено, чел.		Оправдано, чел.		Освобождено от наказаний, чел.	
	1911 г.	1915 г.	1911 г.	1915 г.	1911 г.	1915 г.	1911 г.	1915 г.
Симбирского участка	811	362	460	62	261	73	59	17
Сызранского участка	707	313	411	77	102	62	75	29
Алатырского участка	352	223	240	102	83	67	37	13
Ардатовского участка	332	192	165	88	109	92	13	24
Карсунского участка	444	162	183	26	163	43	62	23
Курмышского участка	466	325	245	119	180	45	40	32
Буинского участка	355	367	170	106	120	77	116	55
Сенгилеевского участка	509	135	303	34	125	35	29	17

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 42. Д. 37. Л. 46 об. – 47; Оп. 47. Д. 43. Л. 35 об. – 36.

Сравнивая количества дел, рассмотренных мировыми судьями и уездными членами окружного суда, можно заметить, что число процессов у первых значительно превосходило показатель вторых. Связано это, прежде всего, с сужением компетенции уездных членов суда по сравнению с подсудностью мировых судей, произошедшим в результате распределения функций между земскими начальниками, с одной стороны, и с уездными членами окружного суда – с другой.

Анализируя показатели таблицы 27 по количеству осужденных, оправданных и освобожденных от наказания, мы выявили, что в большинстве участков в 1915 г. происходило сокращение числа осужденных и увеличение количества оправданных и освобожденных от наказания. Исключением из общей тенденции выступили Буинский и Курмышский участки, в которых относительный рост осужденных составил 3 и 8 % соответственно. Доля осужденных Симбирским окружным судом в 1911 г. составляла 42–70 %, доля оправданных – 17–40 %, наименьшие показатели относились к числу освобожденных от наказания – всего 5–15 %. Исключением по последнему показателю являлся Буинский участок, там доля освобожденных возросла до 28 %.

Процентное соотношение осужденных, оправданных и освобожденных от наказаний в 1915 г. существенно изменилось. В ряде участков количество оправданных лиц превышало число осужденных (Ардатовский, Карсунский, Сенгилеевский и Симбирский). Доля осужденных колебалась в диапазоне 28–61 %, в то время как доля оправданных составляла 23–48 %. Возросли также относительные значения освобожденных от наказания, они, по сравнению с предыдущей датой, установились на уровне 7–25 %.

Таким образом, в годы Первой мировой войны количество дел, находящихся в делопроизводстве, сократилось в некоторых участках в 3–3,5 раза по сравнению с довоенным уровнем. Кроме того, увеличился процент оправданных и освобожденных от наказания лиц при снижении общего числа осужденных.

Изучение деятельности городских судей в начале XX в. позволило выявить, что общее количество рассмотренных ими дел в период мировой войны, в отличие от числа дел, рассмотренных уездными членами окружного суда, возросло на 3 %. Это связано с резким, более чем в 3 раза, возрастанием количества уголовных процессов у городского судьи Алатыря, а также на 14 % – у судьи 1-го участка города Сызрани. У судей Симбирска и 2-го участка города Сызрани в 1915 г. по сравнению с 1911 г. произошло снижение количества процессов на 7–12 %, а у судей Ардатова и Карсуна – на 63–72 % (см. таблицу 28).

Таблица 28

Деятельность городских судей губернии по разрешению уголовных дел
в 1911–1915 гг.*

Городские судьи	Рассмотрено дел		Осуждено, чел.		Оправдано, чел.		Освобождено от наказаний, чел.	
	1911	1915	1911	1915	1911	1915	1911	1915
1-го уч. Симбирска	1373	1267	844	828	423	167	69	20
2-го уч. Симбирска	1181	1038	850	714	269	138	86	99
1-го уч. Сызрани	391	446	340	301	90	85	75	32
2-го уч. Сызрани	569	530	400	316	150	108	115	73
Алатыря	261	873	87	394	63	250	46	68
Ардатова	167	62	127	47	61	29	30	18
Карсуна	201	57	147	30	71	13	48	8

* Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 42. Д. 37. Л. 46 об. – 47; Оп. 47. Д. 43. Л. 36 об. – 37.

Количество осужденных городскими судьями, в отличие от осужденных уездными членами окружного суда, за годы Первой мировой войны не сократилось, а возросло в среднем на 15 %. Число оправданных и освобожденных от наказаний лиц, соответственно, понизилось. Доля осужденных городскими судьями в 1911 г. находилась на уровне 44–71 %, при этом минимальный показатель принадлежал судье Алатыря,

максимальный – судье 2-го участка города Симбирска. В 1915 г. количество осужденных увеличилось и составило 55–82 %.

Процент оправданных подсудимых по решению суда в предвоенный период находился на уровне 18–32 %, в 1915 г. он сохранил те же значения, увеличив при этом амплитуду отклонения, и составил 15–35 %. Лидерами по относительному числу оправданных являлись участки судей Алатыря и Ардатова, а абсолютный минимум принадлежал служителям фемиды Симбирска. Относительное число лиц, освобожденных от наказаний, в исследуемые годы не превышало 24 %, и максимальная точка была зафиксирована в 1911 г. у городского судьи Алатыря. Среди других служителей закона данный показатель составлял в 1911 г. 5–18 %, а в 1915 г. – 2–19 %.

Из анализа сведений, приведенных в таблицах 27 и 28, следует, что общая репрессивность городских судей в 1915 г. по сравнению с довоенным 1911 г. увеличилась, в то время как у уездных членов окружного суда ее тенденция была противоположной.

В ходе проведенного нами исследования выявлено, что городские судьи абсолютное большинство подсудимых осуждали к денежным взысканиям и другим незначительным наказаниям: домашним арестам, выговорам, внушениям и замечаниям, при этом доля последних была мизерной¹. Количество осужденных в 1912–1916 гг. к денежным взысканиям и другим незначительным наказаниям составляло 49–88 %. Доля лиц, приговоренных к аресту, находилась в диапазоне от 3 до 38 %. Минимальное число подсудимых было осуждено к тюремному заключению – всего 7–13 % (см. таблицу 29).

Анализ сведений, приведенных в таблице 29, позволил выявить, что в годы Первой мировой войны наметились определенные тенденции:

– во-первых, с 1914 г. происходит непрерывный рост количества осужденных к денежным взысканиям и другим незначительным наказаниям;

---

¹ ГАУО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

– во-вторых, число подсудимых, приговоренных к аресту на основании вердикта суда, возросло в первый год войны на 11% по сравнению с предыдущей датой и составило 27%, после чего наметилось снижение показателя вплоть до конца исследуемого периода.

Проанализировав статистику дел городского судьи 3-го участка г. Симбирска по разрешенным уголовным делам, мы можем констатировать, что наибольшее количество процессов было связано с преступлениями против общественной безопасности, против собственности частных лиц и насильственными преступлениями. На данные виды преступлений приходилось по 30% дел. Около 7% уголовных процессов приходилось на преступные деяния против порядка управления. Единичное количество дел рассматривалось по религиозным преступлениям и деяниям против государственной собственности (см. приложение 40).

Таблица 29

Количество осужденных городскими судьями Симбирска
к различным мерам наказания в 1912–1916 гг., человек*

Вид наказания	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Тюремное заключение	76** (13 %)	104** (10 %)	169 (8 %)	106 (7 %)	131 (9 %)
Арест	214** (38 %)	158** (16 %)	556 (27 %)	379 (25 %)	50 (3 %)
Денежное взыскание и другие наказания	279** (49 %)	742** (74 %)	1326 (65 %)	1057 (68 %)	1346 (88 %)

* Составлено по: ГАУО Ф. 461. Оп. 38. Д. 8. Л. 16 об. – 18; Ф. 462. Оп. 41. Д. 20. Л. 15 об. – 16.

** Приведены данные только городского судьи 1-го участка Симбирска.

По преступлениям против общественной безопасности наблюдался самый высокий процент осужденных (81%). До 77% подсудимых осуждалось за криминальные деяния против порядка управления. Около

половины привлеченных к ответственности лиц за преступления против частной собственности были признаны виновными вердиктом городского судьи. Минимальное количество обвинительных приговоров выносилось подсудимым по насильственным преступлениям (менее 25 %). Так, среди подсудимых за оскорбление чести и достоинства личности было осуждено 17 человек из 81 привлеченного к ответственности, а за угрозу применения насилия – всего 10 из 60¹.

Подводя итог изучению деятельности городских судей, отметим, что общая репрессивность данных судебных органов составляла более 50 %, максимальные значения принадлежали представителям правосудия Симбирска и Сызрани. Наибольшее количество подсудимых было привлечено за преступления против общественной безопасности, к данному виду противоправных деяний относилась также наибольшая доля осужденных. Среди видов наказаний преобладали денежные взыскания и иные незначительные санкции.

Мелкие уголовные преступления в крестьянской среде рассматривались волостным судом. Их юрисдикция была достаточно ограниченной и распространялась только на территорию одной волости. Исследование деятельности Сенгилеевского волостного суда в 1891–1911 гг. позволило определить, что в течение указанного периода количество рассмотренных дел колебалось в диапазоне 105–159 единиц. Из них около 48–54 % дел окончательно разрешалось обвинительным или оправдательным вердиктом. По 46–52 % дел производство прекращалось (см. таблицу 30).

В период 1891–1911 гг. количество подсудимых в волостном суде составляло около 200 человек. 54–61 % привлеченных к ответственности лиц приговаривались к наказанию, доля оправданных по решению суда составляла 39–46 % (см таблицу 31).

---

¹ ГАУО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

Таблица 30

Движение уголовных дел в Сенгилеевском волостном суде
в 1891–1911 гг.*

Показатель	1891 г.	1904 г.	1911 г.
Рассмотрено дел	159	105	112
Решено дел	81	38	109
Прекращено производство дел	74	55	–

* Составлено по: ГАУО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об. – 5; Д. 38. Л. 9 об. – 10; Д. 54. Л. 2 об. – 3.

Таблица 31

Деятельность Сенгилеевского волостного суда
по разрешению уголовных дел в 1891–1911 гг.*

Показатель	1891 г.	1904 г.
Подсудимых, чел.	181	229
Осужденных, чел.	98	140
Оправданных, чел.	83	89

* Составлено по: ГАУО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об. – 5; Д. 38. Л. 9 об. – 10.

Кроме того, в сельской среде с компактным проживанием тюркских народов нередко осуществлялся общинный суд (самосуд). В частности, в чувашских селениях лиц, пойманных за совершение краж, наказывали посреди улицы ударами по любым частям тела. Целью этого процесса являлось «...посрамление вора при всем честном народе...»¹.

Таким образом, деятельность судебно-следственных органов по противодействию преступности, в целом, можно оценить положительно. Судебные следователи, имея в производстве достаточно большое количество дел, раскрывали преступления в первые месяцы после его совершения. При этом процент следствий, возвращенных на повторное расследование, был незначительным. Однако следователи при малейшем поводе предпочитали передать предварительное производство другим сотрудникам следственного

¹ Егоров Д. В. Воровство в правосознании чувашского крестьянства... С. 31–39.

аппарата или ходатайствовали перед окружным судом о прекращении уголовного следствия.

Судебные органы губернии осуждали большую часть подсудимых к различным мерам наказания. Уголовное отделение Симбирского окружного суда за совершенные крупные преступления приговаривало абсолютное большинство осужденных к тюремному заключению или отбыванию наказания в арестантском отделении, в то время как городские судьи и уездные члены окружного суда по мелким преступным деяниям предпочитали избирать в виде меры наказания денежные взыскания и другие незначительные санкции. В селах крестьянские общины, исполняя функции судебных органов, производили наказание за совершенные мелкие преступления.

3.2. Органы прокуратуры в противоборстве с преступностью на территории губернии

Участие прокуратуры в уголовном процессе начиналось после донесения сотрудников правоохранительных органов о начале производства формального дознания или предварительного следствия¹. С этого момента прокуратура не только надзирала за деятельностью полиции или судебных следователей, но и, как показало исследование, становилась руководящим органом в ходе предварительного расследования государственных и общеуголовных преступлений.

Следственные действия по расследованию противоправных поступков государственного характера контролировались прокурором судебной палаты или его товарищем. Прокурор палаты поручал производство формального

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 145–146.

дознания прокурору окружного суда, его помощнику или сотрудникам полицейских органов¹.

После рассмотрения дознания прокурор выдавал заключение или предлагал наиболее приемлемый вариант разрешения дела. В частности, прокурор Казанской судебной палаты Чикирин 12 августа 1901 г., рассмотрев формальное дознание о словесном оскорблении императора Николая II крестьянином Алатырского уезда Грешновым, высказался о возможности разрешения данного дела в административном порядке, что в скором времени и было выполнено².

Прокурор судебной палаты руководил правоохранительными органами не только при расследовании уголовных преступлений, но и при пресечении деятельности устойчивых преступных групп, рекомендовал губернским властям поручить производство розыска тому или иному полицейскому начальству. А прокуратуре окружного суда вменял в обязанность контролировать ход оперативно-розыскных мероприятий, проводимых сотрудниками исполнительной полиции, и предпринимать все меры для обнаружения преступного сообщества и задержания его членов³.

Таким образом, раскрытие и расследование значимых уголовных преступлений велось под непосредственным руководством и контролем прокурора судебной палаты.

Прекращение производства дознания или «переписки», в порядке охраны общественного спокойствия (на основе ст. 21 и 29 положения от 14 августа 1881 г.), осуществлялось только в результате согласования с лицами прокурорского надзора. Основаниями для вынесения данного решения служили отсутствие признаков состава преступления в произошедшем происшествии или недостаточность оснований, отраженных в дознании, для начала производства предварительного следствия⁴.

---

¹ Казанцев С. М. Указ. соч. С. 171.

² ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 300. Л. 64.

³ Там же. Д. 55. Л. 2, 5.

⁴ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 145, 151.

Анализ сведений таблицы 32 позволил нам определить, что сотрудниками прокуратуры Симбирского окружного суда в ходе реализации профессиональных обязанностей прекращалось ежегодно до 1700 дознаний и «переписок» по причине необнаружения признаков преступления сотрудниками полиции. В 1898 г. с данной формулировкой ежемесячно прекращалось от 62 до 107 дознаний, через десять лет (1908 г.) данные показатели возросли и находились на уровне 110–180 дел. Такое увеличение связано с передачей права рассмотрения окончанных дознаний по государственным преступлениям прокурорам окружных судов по законодательному акту от 7 июня 1904 г.¹, а также возрастанием общего количества происшествий в начале XX в.

Таблица 32

Количество дознаний и «переписок», прекращенных прокуратурой
Симбирского окружного суда в 1898–1908 гг.*

Месяц	По предложению полицейских сотрудников		По предложению судебных следователей	
	1898 г.	1908 г.	1898 г.	1908 г.
Январь	–	110	–	31
Февраль	–	165	–	16
Март	–	143	–	5
Апрель	–	107	–	24
Май	–	140	–	28
Июнь	98	180	25	17
Июль	107	110	22	25
Август	74	174	7	22
Сентябрь	62	135	8	40
Октябрь	104	151	7	29
Ноябрь	90	127	8	21
Декабрь	76	121	11	16
За год	611** (87 %)	1663 (86 %)	88** (13 %)	274 (14 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 29. Д. 5. Л. 1 об. – 23 об.; Д. 6. Л. 1 об. – 101 об.; Оп. 39. Д. 5. Л. 11 об. – 158 об.

** Приведено количество прекращенных дел за 7 месяцев.

¹ См.: Краковский К. П., Мозговой И. Ю. Указ. соч. С. 116–123.

Количество дознаний, прекращенных в связи с необнаружением судебными следователями достаточных оснований для начала предварительного производства, составляло ежемесячно в 1898 г. от 8 до 25 дел, а в 1908 г. – 20–30 процессов. Общая доля прекращенных дознаний и «переписок» по данному показателю в исследуемые годы была незначительной и составляла 13–14%. Абсолютное большинство дознаний (86–87%) прекращалось сотрудниками прокуратуры вследствие отсутствия признаков состава преступления.

Как видим, роль прокурорского надзора в ходе предварительного рассмотрения и разрешения оконченных дознаний являлась ключевой. Именно заключение прокурора служило основанием для вынесения того или иного решения по конкретному делу, а прекращение дознаний не могло осуществляться без согласия на то лица прокурорского надзора.

Сотрудники прокуратуры в ряде случаев являлись инициаторами расследования некоторых противоправных деяний, имеющих общественный резонанс. К ним относились преступные посягательства религиозного¹ и политического характера². К примеру, после покушения на симбирского губернатора К. С. Старынкевича в 1906 г. прокурор окружного суда А. Чиркин сигнализировал судебному следователю по важнейшим делам Г. Казакову о необходимости начала скорейшего производства предварительного следствия³.

Сотрудники прокуратуры, осуществляя надзор за предварительным следствием, знакомились с материалами дела в большинстве случаев заочно, в ходе делопроизводственной переписки с судебными следователями. Личное присутствие прокурора или его помощника при производстве следственных действий было достаточно редким и встречалось только при расследовании крупных преступлений⁴. Причиной подобного положения

---

¹ ГАУО. Ф. 108. Оп. 48. Д. 1864. Л. 8.

² Там же. Оп. 43. Д. 28. Л. 11–16.

³ Там же.

⁴ Коротков А. Г. Указ. соч. С. 108.

являлось большое количество уголовных дел и формальных дознаний, находившихся под наблюдением прокуратуры. Достаточно взглянуть на статистику количества дел, поступивших в прокурорский надзор окружного суда, чтобы понять, насколько сотрудники данного ведомства были заняты своими должностными обязанностями.

Приведенные на рисунке 3 статистические данные говорят нам о том, что ежегодно в делопроизводстве прокуратуры Симбирского окружного суда находилось около 2–3 тысяч дел. Их динамика носила циклический характер и соответствовала уровню крупной уголовной преступности в регионе. Максимальное числовое значение в период с 1887 по 1916 г. отмечалось во время Первой русской революции. В частности, в 1906 г. в прокуратуру окружного суда поступило более 3 тысяч дел. В период Первой мировой войны количество дел в делопроизводстве несколько снизилось по сравнению с предыдущей датой и составило чуть более 2800 процессов. Минимальные значения количества дел приходились на более спокойные годы конца XIX в.

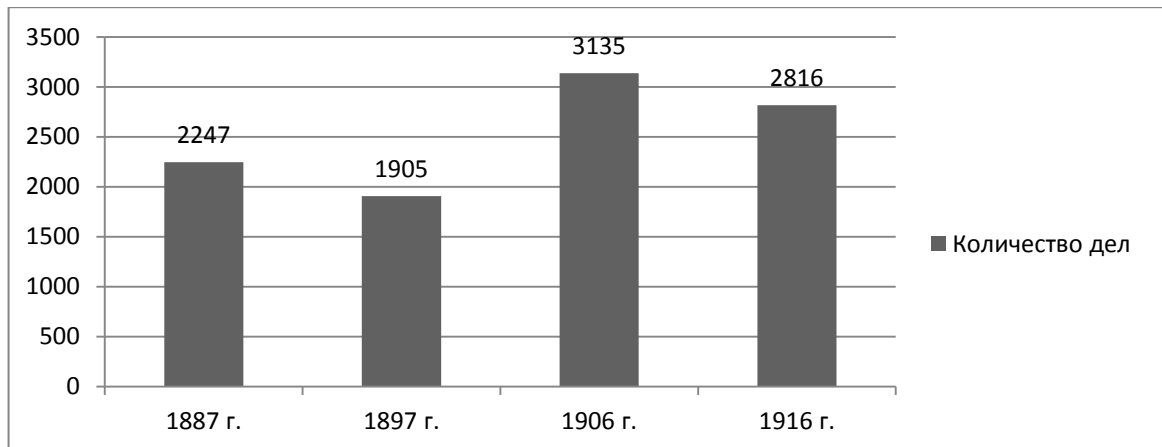

Рисунок 3. Динамика количества дел, находившихся в прокуратуре Симбирского окружного суда в последней трети XIX – начале XX в.¹

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 18. Д. 6; Оп. 28. Д. 21; Оп. 37. Д. 18; Оп. 47. Д. 3.

В делопроизводстве у прокурора и его помощников, как свидетельствуют данные таблицы 33, находилось несколько сотен дел, что естественно делало невозможным присутствие прокурорского служащего на каждом следственном процессе. Так, в 1900 г. у помощника прокурора по Симбирскому участку отмечалось максимальное количество производств (450) среди всех сотрудников прокурорского надзора Симбирского окружного суда. В диапазоне от 234 до 289 дел находились показатели производств у помощников прокурора по Алатырскому, Ардатовско-Курмышскому, Буинскому, Карсунскому и Сызранскому участкам. Минимальные значения принадлежали прокурору окружного суда и его товарищу по Сенгилеевскому участку (соответственно 161 и 168).

Таблица 33

Количество дел, находившихся в прокуратуре Симбирского окружного суда
в 1900–1906 гг.*

Прокурорский надзор окружного суда	1900 г.	1906 г.
Прокурор	161	56
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	234	383
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	278	424
Товарищ прокурора по Буинскому участку	238	550
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	287	388
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	168	449
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	450	349
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	289	531
Всего	2105	3130

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об.

Проведенный анализ статистических сведений выявил, что в 1906 г. общее количество дел, находившихся в прокуратуре Симбирского окружного суда, возросло на 50% по сравнению с предшествующей датой. В делопроизводстве у помощников прокурора по Буинскому и Сенгилеевскому

участкам количество процессов увеличилось в 2,3–2,6 раза и составляло более 500 единиц. У сотрудников прокуратуры в Алатырском, Ардатовско-Курмышском и Сызранском участках рост числа дел находился в рамках 52–83 %, на 35 % увеличилось количество процессов в Карсунском участке. Несмотря на общее возрастание количества дел в 1906 г., в производстве у прокурора окружного суда и его помощника по Симбирскому участку отмечено снижение их количества на 65 и 33 % соответственно.

К сожалению, периодические смены территориальных границ участков не позволили нам проследить динамику роста и снижения количества дел, поступавших сотрудникам прокуратуры в каждом уезде, в более обширных хронологических рамках. Но, тем не менее, проведенное исследование позволяет нам утверждать, что наблюдение за предварительным производством и направление окончанных следствий в большинстве случаев осуществлялись помощниками прокурора. Деятельность прокурора окружного суда заключалась в надзоре за расследованием значимых уголовных дел, а также в согласовании и утверждении принятых решений его товарищами.

В ходе расследования противоправных деяний прокурор или его помощник по тому или иному участку могли требовать на основе уголовно-процессуального законодательства от судебных следователей производства различных поручений, касающихся уголовного дела. К ним относились изменения квалификации преступлений, предоставление дополнительных сведений прокурорскому надзору, а также проведение финансовых экспертиз для установления более точной суммы ущерба от похищенных материальных ценностей¹.

Кроме того, прокуратура окружного суда в распорядительном заседании, состоявшемся 3 июля 1885 г., добилась утверждения предписаний прокурора судебной палаты следователям о необходимости включения в дело предварительного производства протокола формального дознания,

---

¹ ГАУО. Ф. 108. Оп. 49. Д. 3. Л. 10, 12, 14.

произведенного сотрудниками исполнительной полиции по общеуголовным преступлениям¹. Данное решение открывало возможность лицам прокурорского надзора следить за исполнением уголовно-процессуального законодательства полицейскими органами и регулировать их деятельность.

Лица прокурорского надзора контролировали весь процесс расследования преступных деяний. Определенные задержки в ходе производства предварительного следствия становились объектом проверки надзорного органа, в результате которой объяснения судебного следователя признавались «заслуживающими уважения»² или, в противном случае, сотруднику следственного аппарата выносилось предупреждение «по допущенной им медленности»³.

В случае преждевременного предложения судебного следователя о прекращении предварительного следствия, сотрудники прокуратуры, ознакомившись с материалами дела, требовали продолжения расследования преступного деяния и внесения дополнений в производство дела⁴. Причем прокурор имел право требовать дополнения следствий независимо от того, передавалось ли оконченное дело следователем в судебную инстанцию или он предлагал прекратить предварительное производство вследствие отсутствия признаков преступления, недостаточности улик или других оснований, предусмотренных законом⁵.

Проведенное нами исследование уголовных процессов показало, что основаниями для возвращения предварительных следствий на повторное расследование служило:

- отсутствие в деле информации о точной денежной сумме материального ущерба;
- отсутствие описания внешних признаков похищенных вещей;

---

¹ ГАУО. Ф. 454. Оп. 16. Д. 6. Л. 2.

² Там же. Оп. 15. Д. 6. Л. 12, 17.

³ Там же. Ф. 108. Оп. 49. Д. 56. Л. 44–35.

⁴ Там же. Оп. 47. Д. 1. Л. 13.

⁵ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 147; Казанцев С. М. Указ. соч. С. 159.

- отсутствие протоколов допроса несовершеннолетних детей;
- отсутствие заключения эксперта по тому или иному вопросу¹.

К примеру, помощник прокурора по Буинскому участку в 1912 г., рассмотрев предварительное следствие об убийстве крестьянина Кондракова, направил дело вновь судебному следователю для дополнения. Лицом прокурорского надзора было предложено допросить несовершеннолетних свидетельниц и приобщить к делу заключение врача Есипова о причинах смерти крестьянина Кондракова².

Статистические сведения позволяют нам выявить, что количество следствий, возвращенных судебным следователям сотрудниками прокуратуры для дополнения, ежегодно находилось в районе двух сотен дел. Исключением из общего ряда являлся 1916 г., когда число возвращенных для дополнения дел снизилось до 53 следствий (рисунок 4). Если рассматривать данное количество дел в процентных долях, то в 1887 и 1900 гг. число возвращенных производств составляло 9% от общего числа процессов, в 1906 г. – 7%, а в период Первой мировой войны не превышало 2%.

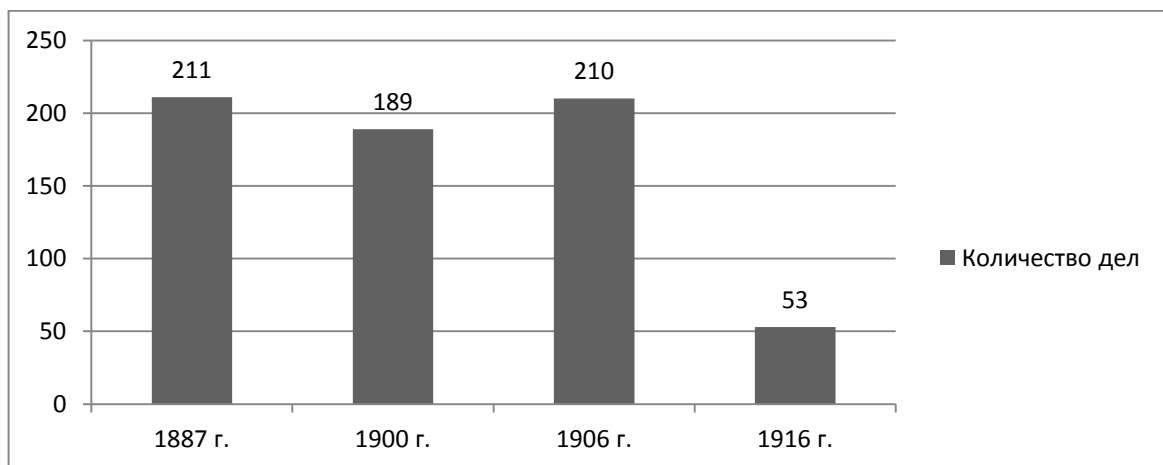

Рисунок 4. Динамика количества дел, возвращенных судебным следователям для дополнения в последней трети XIX – начале XX в.³

¹ ГАУО. Ф. 108. Оп. 49. Д. 3. Л. 45, 57, 65.

² Там же. Л. 31–32, 45.

³ Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 18. Д. 6; Оп. 31. Д. 3; Оп. 37. Д. 18; Оп. 47. Д. 3.

Сведения, представленные в таблице 34, позволили нам выявить, что каждым сотрудником прокурорского надзора возвращалось для дополнения от 4 до 50 предварительных следствий. В 1900 г. наибольшее число производств было возвращено прокурором окружного суда (50). На долю помощников прокурора по участкам приходилось 14–36 процессов. Исключением из общего ряда являются показатели товарища прокурора по Сызранскому участку, количество возвращенных им следствий составило всего 4 дела. С общим ростом числа дел, направленных на доследование, в 1906 г. произошло уменьшение разрыва между максимальными и минимальными показателями возвращенных дел сотрудниками прокурорского надзора в участках. Наибольшие числовые значения составляли 36–37 следствий (Алатырский и Буинский участки), наименьшие – 16–17 дел (Ардатовско-Курмышский и Симбирский участки).

Таблица 34

Деятельность сотрудников прокурорского надзора
Симбирского окружного суда в 1900–1906 гг.*

Прокурорский надзор окружного суда	Количество дел, возвращенных для дополнения	
	1900 г.	1906 г.
Прокурор	50	29
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	18	36
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	25	16
Товарищ прокурора по Буинскому участку	25	37
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	14	21
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	17	23
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	36	17
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	4	31
Всего	189	210

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об. – 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об. – 90.

Оконченные судебным следователем предварительные производства поступали в прокуратуру, где происходило их рассмотрение и принятие соответствующего по ним решения. По заключению прокурора основная доля уголовных дел направлялась в судебную палату для согласования выдвинутого решения и в окружной суд.

Проведенный анализ имеющихся сведений статистического характера позволил нам определить, что сравнительно небольшое количество дел направлялось к прокурору Казанской судебной палаты, всего около 12–17 % от общего числа дел. Абсолютное большинство окончанных процессов прокуратурой направлялось в окружной суд, их доля варьировала от 67 до 84 % (см. таблицу 35).

Таблица 35

Деятельность прокуратуры окружного суда по направлению окончанных дел в судебные инстанции в конце XIX – начале XX в.*

Направление дел	1897 г.	1900 г.	1906 г.	1916 г.
В судебную палату	323 (17 %)	308 (15 %)	472 (15 %)	346 (12 %)
В окружной суд	1284 (67 %)	1474 (70 %)	2391 (76 %)	2375 (84 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 28. Д. 21; Оп. 31. Д. 3; Оп. 37. Д. 18; Оп. 47. Д. 3.

Вышеуказанные сведения также говорят о наличии двух противоположенных тенденций. С конца XIX в. происходило устойчивое снижение относительного количества дел, направляемых к прокурору судебной палаты, и увеличение процентной доли окончанных процессов, переданных в окружной суд для дальнейшего производства.

Более детальный анализ статистических материалов за 1900 и 1906 гг. показал, что около 76–85 % дел, направленных к прокурору Казанской судебной палаты, содержало в себе обвинительные акты и заключения. В районе 9–17 % производств направлялось по делам частного обвинения, 6–7 % – с заключениями об изменении подсудности (см. приложение 41).

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что количество дел, рассмотренных непосредственно прокурором окружного суда и направленных в Казанскую судебную палату, носило единичный характер. Абсолютное большинство дел поступало из участков прокурорского надзора Симбирского окружного суда, где процессы рассматривались помощниками прокурора. При этом отметим, что данные дела направлялись в судебную палату по решению прокурора окружного суда.

Максимальное количество дел с обвинительными актами поступало от помощников прокурора по Симбирскому и Сызранскому участкам, 45–70 производств. В 1906 г. к озвученным числовым значениям приблизились показатели по Буинскому, Сенгилеевскому и Ардатовско-Курмышскому участкам. Минимальное число дел в исследуемые годы было зафиксировано на уровне 20–40 % в Алатырском и Карсунском участках.

Несколько заключений об изменении подсудности дел фиксировалось ежегодно в каждом участке. Исключением являлся лишь Сенгилеевский, где в 1900 г. не было дел, касающихся изменения подсудности, а в 1906 г. их число существенно возросло и составило более 10 производств, что превышало общие показатели по региону.

Количество производств по делам частного обвинения, направленных в Казанскую судебную палату, как свидетельствуют данные приложения 41, в исследуемые годы не превышало полутора десятков процессов. Максимальные показатели в 1900 г. находились на уровне 11–13 дел в Ардатовско-Курмышском, Буинском и Карсунском участках, минимальные значения составляли 2–4 процесса в Алатырском, Сенгилеевском и Симбирском участках. В 1906 г. товарищами прокурора было сопровождено от 1 до 9 дел. Исключениями выступали лишь Сенгилеевский и Симбирский участки, в первом товарищем прокурора не было зафиксировано ни одного производства по делам частного обвинения, а во втором число производств превышало общерегиональные показатели и составило 16 процессов.

Основная часть дел, направленных прокурором и его помощниками в окружной суд, касалась вопроса о прекращении или приостановлении предварительного производства. В соответствии с нормами УУС судебный следователь, не обнаружив оснований для дальнейшего производства следствия, обращался через прокурора в судебную инстанцию о возможности прекращения дела¹.

Исследование статистических сведений, отраженных в таблице 36, выявило, что сотрудниками прокуратуры ежегодно от следователей в окружной суд направлялось 1000–1600 обращений о прекращении предварительных следствий. Доля данных дел составляла около 70 % от общего числа процессов, направленных в окружной суд. Помощниками прокурора в течение 1900 г. по соответствующей статье было передано от 84 до 233 дел. Минимальный показатель относится к товарищу прокурора по Сенгилеевскому участку, максимальный – по Симбирскому участку. У остальных сотрудников прокурорского надзора показатели находились на уровне 127–167 процессов. Непосредственно прокурором Симбирского окружного суда по вопросу прекращения предварительного производства было направлено 24 дела, а в 1906 г. переданных им дел не оказалось вообще, в то время как у остальных помощников прокурора произошел значительный рост показателей и их уровень составил 155–335 процессов. Значительное увеличение (почти в 3 раза) количества направленных дел в 1906 г. по сравнению с предыдущей датой произошло у помощника прокурора по Сенгилеевскому участку. У товарищей прокурора по Буинскому и Сызранскому участкам количество процессов возросло в 2,5 раза и составило 290 и 335 соответственно. В делопроизводстве остальных сотрудников прокуратуры показатели увеличились на 21–47 %. Исключением из общей тенденции выступают данные помощника прокурора по Симбирскому участку, в 1906 г. им было передано в окружной суд на 44 % дел меньше, чем в 1900 г.

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 147.

Несмотря на то, что окончательное решение о прекращении производства выносилось окружным судом, незначительное количество предварительных расследований прекращалось решением прокурора и поступало в судебную инстанцию для утверждения.

Таблица 36

Количество дел, направленных прокуратурой в Симбирский окружной суд
в 1900–1906 гг.*

	С обвинительными актами и заключениями		По вопросу прекращения производства		В порядке частного обвинения		С заключениями о прекращении производства	
	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.
Прокурор окружного суда	14	9	24	0	0	0	10	0
Алатырский участок	17	9	136	196	11	72	9	12
Ардатовско-Курмышский участок	11	49	144	213	25	60	9	5
Буинский участок	9	24	127	290	11	79	12	13
Карсунский участок	14	19	167	203	7	71	19	15
Сенгилеевский участок	14	19	84	234	3	62	17	21
Симбирский участок	34	13	233	155	25	54	23	11
Сызранский участок	39	25	138	335	29	50	16	16
Всего	152 (10 %)	167 (7 %)	1053 (71 %)	1626 (68 %)	111 (7 %)	448 (19 %)	115 (8 %)	93 (4 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об. – 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об. – 90.

Количество подобных заключений было невелико и составляло 4–8 % от общего числа процессов, направленных в окружной суд. В числовом выражении данные показатели находились на уровне, близком к одной сотне дел. В 1900 г. минимальные значения в количестве 9 заключений даны товарищами прокурора по Алатырскому и Ардатовско-Курмышскому участкам, максимальное число – помощником по Сызранскому участку – 23. В 1906 г. числовые значения не претерпели серьезных изменений, за исключением показателя в графе прокурора окружного суда, где значилось отсутствие заключений о прекращении производств непосредственно прокурором.

Количество направленных дел с обвинительными актами в исследуемые годы немногим превышало общее значение в 150 единиц, что составляло 7–10 % от общего числа дел, направленных в окружной суд. Наименьшие количества составленных обвинительных актов в 1900 г. принадлежали помощникам прокурора по Ардатовско-Курмышскому и Буинскому участкам (около 10 дел). Наибольшее число подобных актов (34–39) пришлось на деятельность товарищей прокурора по Симбирскому и Сызранскому участкам. В 1906 г. при минимальном общем росте числа обвинительных актов у последних наблюдалось уменьшение количества дел в 1,5–2,5 раза. Также снижение числа составленных обвинительных актов произошло у прокурора окружного суда и его помощника по Алатырскому участку. У остальных лиц прокурорского надзора количества дел с обвинительными актами в делопроизводстве увеличилось. Максимальный рост числа дел зарегистрирован в деятельности помощника прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку (с 11 до 49 дел, или в 4,5 раза).

Доля процессов, направленных прокурорскими работниками в порядке частного обвинения, составляла 7–19 % от общего числа дел, переданных в судебную инстанцию. Количество подобных процессов у помощников прокурора в 1900 г. находилось в диапазоне 3–29 дел, а суммарный показатель составил 111 процессов. В период развития революционных

событий, по сравнению с концом XIX в., количество данных производств увеличилось в 4 раза и достигло отметки в 448 дел. Максимальное увеличение производств в период с 1900 по 1906 г. произошло у помощника прокурора по Сенгилеевскому участку – с 3 до 62 дел. У лиц прокурорского надзора по Алатырскому, Буинскому и Карсунскому участкам количество дел возросло в 7–10 раз. В Ардатовско-Курмышском, Сенгилеевском, Симбирском и Сызранском участках число дел в порядке частного обвинения увеличилось в 1,7–2,5 раза. В итоге, каждым прокурорским служащим направлялось в окружной суд от 50 до 79 производств.

Количество дел, в которых фигурировали невменяемые лица, привлеченные в качестве обвиняемых, составляло 1,5–3 % от общего числа дел, направленных в окружной суд. В делопроизводстве у каждого сотрудника прокурорского надзора находилось небольшое число данных процессов, которое не превышало одного десятка единиц в исследуемые годы. Единичное количество дел направлялось сотрудниками прокуратуры в окружной суд с заключениями об изменении подсудности и о приостановлении предварительного следствия. Последняя формулировка подразумевает под собой количество процессов, в которых после шести месяцев розыска виновные в совершении преступлений не были найдены, а их имуществом распоряжались по правилам как с «безвестно отсутствующими» лицами (см. таблицу 37).

Передача уголовных дел по должностным преступлениям в судебные инстанции, где в качестве обвиняемых фигурировали чиновники исполнительной власти, производилась только их руководством. Поэтому сотрудники прокуратуры после окончания предварительного расследования по данным преступлениям первоначально направляли дела с обвинительными актами непосредственного начальству обвиняемого лица, которое утверждало данный акт или освобождало обвиняемого от законной ответственности¹.

---

¹ Казанцев С. М. Указ. соч. С. 162.

Количество дел, направленных прокуратурой в Симбирский окружной суд
в 1900–1906 гг.*

	С обвиняемыми лицами, признанными невменяемыми		С заключениями об изменении подсудности		С заключениями о приостановлении предварительного следствия	
	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.
Прокурор окружного суда	2	0	0	0	0	0
Алатырский участок	10	8	0	0	3	2
Ардатовско- Курмышский участок	6	9	0	2	0	2
Буинский участок	3	8	1	3	2	1
Карсунский участок	2	1	1	0	0	1
Сенгилеевский участок	4	8	1	0	2	0
Симбирский участок	9	6	1	0	1	2
Сызранский участок	3	4	0	0	2	0
Всего	39 (3 %)	44 (1,5 %)	4 (0,3 %)	5 (0,2 %)	10 (0,7 %)	8 (0,3 %)

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об. – 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об. – 90.

Проведенное исследование позволило нам выявить, что в 1900–1906 гг. ежегодно сотрудниками прокуратуры направлялось к руководству обвиняемых лиц около 40–70 оконченных следствий, что составляло от 1,2 до 3,5 % от общего числа дел, находившихся в делопроизводстве. Причем количество данных процессов в относительно «спокойном» 1900 г. было почти в 2 раза больше, чем в период революционной активности 1906 г. Каждым служащим прокуратуры в 1900 г. направлялось от 2 до 17 дел. Минимальные показатели принадлежали помощникам прокурора по Сенгилеевскому и Сызранскому участкам, а максимальные – товарищу

прокурора по Карсунскому участку. С уменьшением в 1906 г. на 51 % количества дел по должностным преступлениям по сравнению с предыдущей датой произошло снижение числа процессов и у сотрудников прокуратуры. Прокурором и его помощниками по Симбирскому и Сызранскому участкам было направлено начальству обвиняемых всего по одному делу, а у товарища прокурора по Алатырскому участку данные процессы отсутствовали вовсе. Наибольшее число переданных дел принадлежало помощнику прокурора по Буинскому участку, у которых их количество возросло с 11 до 13 процессов. Показатели товарища прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку остались прежними и составляли 10 дел (см. таблицу 38).

Таблица 38

Деятельность прокуратуры Симбирского окружного суда по передаче следственных дел по должностным преступлениям в 1900–1906 гг.*

Прокурорский надзор окружного суда	Количество дел, направленных к начальству		Количество дел, направленных в окружной суд	
	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.
Прокурор	8	1	50	13
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	7	0	0	1
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	10	10	0	2
Товарищ прокурора по Буинскому участку	11	13	0	2
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	17	6	0	2
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	2	7	0	1
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	14	1	0	2
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	5	1	0	0
Всего	74	39	50	23

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об. – 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об. – 90.

Количество дел по должностным преступлениям, направленных в окружной суд, с утвердительными актами руководства составляло 23–50 дел, что было несколько меньше количества следствий, переданных начальству обвиняемых. Данный факт позволяет нам утверждать, что около 30–40 % оконченных следствий, где в качестве обвиняемых фигурировали чиновники, по решению руководства не направлялись в судебную инстанцию, а привлеченные лица освобождались от законной ответственности.

Передача дел, связанных с должностными преступлениями, в большинстве случаев осуществлялась лично прокурором окружного суда. Его помощниками направлялось лишь единичное количество процессов. Приведенные в таблице 38 данные за 1900 г. свидетельствуют о том, что все 50 дел с утверждениями были направлены в окружной суд прокурором. На наш взгляд, подобные сведения не соответствуют истинному положению дел. По всей вероятности, в данный показатель включены дела не только прокурора окружного суда, но и его помощников, которые в ходе составления статистического отчета были приписаны к общему количеству дел прокурора, так как именно им давалось окончательное заключение о направлении дела в судебную инстанцию.

Непосредственно на судебном процессе прокурор и его помощники выступали активными государственными обвинителями. Для осуществления данной функции прокурорским служащим предоставлялись права участника уголовного процесса. В соответствии с законодательными нормами прокурор в своей обвинительной речи не мог представлять материалы уголовного дела в одностороннем виде, указывая только на те обстоятельства, которые уличали бы подсудимого, преувеличивать степень значения улик и доказательств, имеющих в рассматриваемых делах¹. То есть задачей прокурора являлось объективное изложение материалов уголовного дела.

---

¹ Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. С. 191.

В ходе обвинительной речи прокурорские работники Симбирского окружного суда, как отмечает исследователь А.Г. Коротков, старались максимально передать присутствующим на судебном заседании истинную картину совершенного противоправного деяния¹. Но в то же время некоторые служащие прокуратуры проявляли определенное рвение в обвинении подсудимого лица. В частности, помощник прокурора по Симбирскому участку П.В. Россинский, в ходе судебного заседания по обвинению крестьянина села Ясашная Ташла Д.А. Астахина в незаконной порубке леса, настоятельно убеждал присяжных заседателей в опасности совершенного преступного деяния, а также приводил факты, отягчающие данное дело. Но в то же время им были озвучены обстоятельства, смягчающие наказание: молодой возраст, наличие несовершеннолетних детей и отсутствие ранее случаев привлечения обвиняемого лица к какой-либо ответственности².

Анализ сведений, приведенных в таблице 39, позволяет нам утверждать, что во всех судебных заседаниях Симбирского окружного суда в 1900–1906 гг. государственное обвинение поддерживали помощники прокурора. Общее количество судебных процессов в исследуемые годы находилось на одном уровне и составляло чуть менее 450 единиц. Каждым сотрудником прокуратуры в 1900 г. было поддержано государственное обвинение в нескольких десятках процессов. Наименьшее количество обвинительных речей в судебных заседаниях произнес помощник прокурора по Буинскому участку (29). Около 40–60 процессов пришлось на долю каждого сотрудника прокурорского надзора по Алатырскому, Ардатовско-Курмышскому, Карсунскому и Сенгилеевскому участкам. Наибольшее число судебных заседаний зафиксировано в деятельности помощников прокурора по Симбирскому и Сызранскому участкам (95 и 102). В 1906 г. у помощников прокуратуры снижается количество процессов, в которых они

---

¹ Коротков А. Г. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 128–129.

принимали активное участие в качестве государственных обвинителей. У помощника прокурора по Симбирскому участку сокращение процессов произошло более чем в 2 раза, и их количество составило 43 единицы; у сотрудника по Сызранскому участку зафиксировано снижение на 17% по сравнению с предыдущей датой. На 4 процесса уменьшилось число уголовных дел у помощника прокурора по Сенгилеевскому участку. В деятельности сотрудников по Алатырскому, Ардатовско-Курмышскому и Карсунскому участкам наблюдалось увеличение количества дел на 8–34%. Максимальное возрастание показателя – в 2,6 раза – относится к деятельности помощника прокурора по Буинскому участку. В качестве государственного обвинителя он принял участие в 76 процессах вместо прежних 29.

Таблица 39

Деятельность прокуратуры по обвинению
привлеченных к ответственности лиц в судебных заседаниях
Симбирского окружного суда в 1900–1906 гг.*

Прокурорский надзор окружного суда	Количество произнесенных обвинительных речей в судебных заседаниях	
	1900 г.	1906 г.
Прокурор	0	0
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	43	58
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	66	84
Товарищ прокурора по Буинскому участку	29	76
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	58	63
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	42	38
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	102	43
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	95	79
Всего	435	441

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 90.

Исследование сведений статистического характера, приведенных в приложении 42, показало, что в 1900 г. на долю сотрудников прокуратуры пришлось от 12 до 64 судебных заседаний с участием присяжных заседателей. Минимальное количество обвинительных речей было произнесено помощником прокурора по Буинскому участку, а максимальное – товарищем прокурора по Симбирскому участку. В 1906 г. с общим возрастанием числа судебных процессов у помощников прокурора увеличилась деятельность по поддержанию обвинения. Наибольший рост числа судебных заседаний с участием присяжных поверенных произошел у помощника прокурора по Буинскому участку – с 12 до 54 процессов. С 3 до 20 увеличилось число судебных дел у помощников прокурора по Алатырскому, Карсунскому и Сенгилеевскому участкам. В то время как у помощников по Ардатовско-Курмышскому, Сызранскому участкам произошло снижение количества процессов на 3–4 единицы по сравнению с предыдущей датой. Максимальное снижение зафиксировано в деятельности товарища прокурора по Симбирскому участку – с 64 до 22 процессов.

Количество процессов без участия присяжных в 1900–1906 гг. было на 13–32 % меньшим, чем с привлечением института присяжных заседателей. На долю помощников прокурора в 1900 г. пришлось от 17 до 48 судебных заседаний без участия присяжных заседателей. Минимальный показатель отмечен в деятельности помощников прокурора по Буинскому и Сенгилеевскому участкам. А максимальное количество процессов, в которых поддерживалось обвинение, зафиксировано у товарища прокурора по Сызранскому участку.

В 1906 г. снизилось общее количество процессов, что сразу же нашло свое отражение в статистике деятельности сотрудников прокуратуры. Почти у всех помощников прокурора произошло снижение количества дел на 1–15 единиц. Исключением являются показатели помощников прокурора по Ардатовско-Курмышскому и Буинскому участкам. В их деятельности

количество судебных процессов возросло на 5 и 22 единицы соответственно (см. приложение 42).

В мировой юстиции помощники прокурора выполняли надзорную функцию и выступали с заключениями по уголовным процессам на съездах мировых судей. В заключениях фиксировалась оценка представленных доказательств, указывались нормативно-правовые акты, относящиеся к делу, а также высказывалось мнение сотрудниками прокуратуры в отношении виновности или невиновности подсудимого лица¹.

В ходе исследовательской деятельности нами было установлено, что общее количество данных заключений сотрудниками прокурорского надзора Симбирского окружного суда на съездах мировых судей в 1887 г. составило 1310 единиц². При реализации надзорной деятельности за институтами мировой юстиции сотрудники прокуратуры не вмешивались в рассмотрение уголовных процессов мировыми судьями³, но обладали правом наложить протест на решение съезда судей в случае незаконно вынесенного приговора и старались добиваться пересмотра дела⁴.

При реализации деятельности по противодействию уголовной преступности сотрудники прокурорского надзора достаточное количество времени находились в разъездах по служебным делам на территории своего участка, что говорит о достаточно высокой загруженности сотрудников, особенно в период революционной активности. Так, в 1906 г. на долю всех служащих пришлось 468 дней, проведенных на сессиях окружного суда, уездных съездах и по другим служебным делам. В остальные периоды, как свидетельствуют данные рисунка 5, количество дней, проведенных в разъездах, было несколько меньше и составляло чуть более 300 дней, то есть на 33–35 % от показателя 1906 г.

---

¹ Казанцев С. М. Указ. соч. С. 167.

² ГАУО. Ф. 108. Оп. 18. Д. 6. Л. 8 об.

³ Казанцев С. М. Указ. соч. С. 167.

⁴ ГАУО. Ф. 108. Оп. 50. Д. 172. Л. 61–62.

Проведенное исследование позволяет нам утверждать, что увеличение количества заключений, озвученных на съездах помощниками прокурора, никоим образом не отразилось на динамике числа дней, проведенных в командировках. А существенное возрастание показателя за 1906 г. следует связывать прежде всего с участием прокурорских работников в расследовании резонансных преступлений в период революционного подъема.

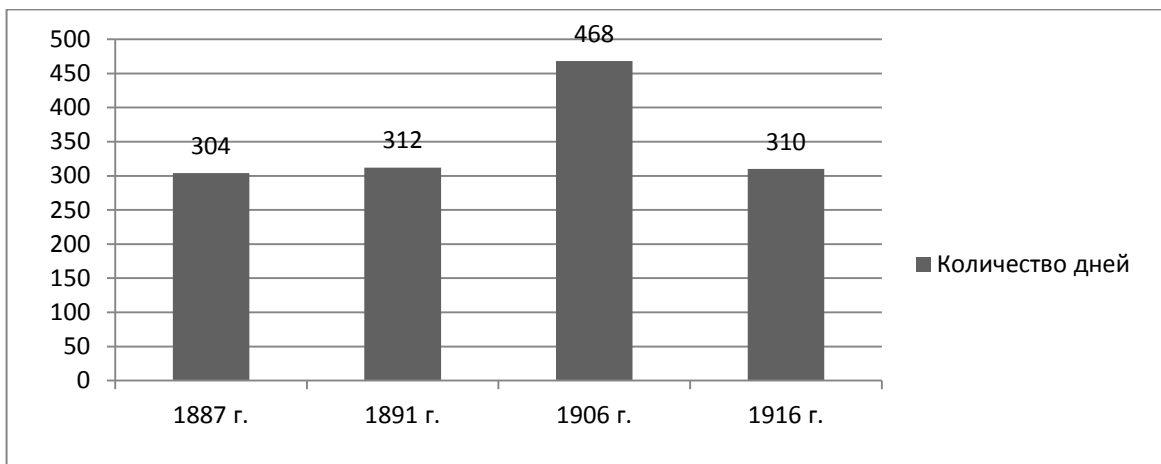

Рисунок 5. Динамика количества дней, проведенных сотрудниками прокуратуры в разъездах по служебным делам в последней трети XIX – начале XX в.¹

Отсутствие изменений в динамике количества дней, проведенных на сессиях и съездах судебных инстанций, в связи с возрастанием числа процессов позволяет нам заключить, что подобное положение приводило к определенному ухудшению качества работы помощников прокурора, так как увеличение количества процессов уменьшало время, отведенное на ознакомление с материалами каждого дела, в результате чего заключения могли выноситься на основе беглого и поверхностного анализа.

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 18. Д. 6. Л. 8 об. – 243; Оп. 22. Д. 2. Л. 14 об. – 185; Оп. 37. Д. 18. Л. 90; Оп. 47. Д. 3. Л. 44.

Исследование сведений статистического характера позволило выявить, что в период революционной активности некоторые сотрудники прокуратуры проводили в разъездах по территории участка достаточно большое количество времени. В частности, помощник прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку в 1906 г. находился в командировках более 150 календарных дней. Около 70–80 суток проводили в разъездах сотрудники прокуратуры по Карсунскому и Сенгилеевскому участкам. В районе 50 дней составляли показатели товарищей прокурора по Алатырскому и Буинскому участкам. Остальные служащие провели в командировках более 20 дней (см. таблицу 40).

Таблица 40

Количество дней, проведенных в командировках сотрудниками прокуратуры
Симбирского окружного суда в 1906 г.*

Прокурорский надзор окружного суда	Количество дней
Прокурор	21
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	52
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	151
Товарищ прокурора по Буинскому участку	50
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	82
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	69
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	21
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	22
Всего	468

* Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 37. Д. 18. Л. 90.

Причину достаточно высокого показателя помощника прокурора по Ардатовско-Курмышскому округу следует связывать с большой протяженностью участка, включавшего территорию двух уездов губернии. Ещё одним фактором, повлиявшим на возрастание показателя, является существенная отдаленность двух уездов от губернского центра. В результате

отсутствия скоростных средств передвижения, поездки помощника прокурора занимали немало времени.

Анализ данных за 1887–1891 гг. позволил выявить, что ежемесячно все сотрудники прокуратуры находились в командировках несколько десятков дней, но максимальное значение не превышало 50 суток. Если в летние, осенние и зимние месяцы количество командировочных дней имело примерно равные значения, то в период весенней распутицы оно резко сокращалось. В частности, на апрель 1887 г. пришлось только 9 дней, проведенных в разъездах шестью помощниками прокурора¹.

Таким образом, исследование деятельности прокуратуры Симбирского окружного суда выявило, что служащие ведомства не только осуществляли надзор за правоохранительными органами в ходе производства предварительных следствий и формальных дознаний, но и организовывали, координировали их работу по противодействию преступности. Кроме того, сотрудники надзорного органа на судебных заседаниях окружного суда выступали активной стороной государственного обвинения, а на съездах мировых судей – контролирующим органом, без участия которого заседание не могло состояться. Несмотря на достаточно высокую загруженность служебной деятельностью, сотрудники прокурорского надзора в целом справлялись с должностными обязанностями и способствовали эффективному противодействию других органов правопорядка в борьбе с уголовной преступностью.

* * *

Подводя итоги деятельности судебно-прокурорских органов по борьбе с уголовной преступностью, отметим, что сотрудники правоохранительных институтов плодотворно производили расследование противоправных деяний, поддерживали обвинение на судебных заседаниях, рассматривали и разрешали уголовные дела.

---

¹ ГАУО. Ф. 108. Оп. 18. Д. 6. Л. 8 об. – 243; Оп. 22. Д. 2. Л. 14 об. – 185.

Предварительное расследование крупных уголовных преступлений осуществлялось судебными следователями Симбирского окружного суда. Имея достаточно большое количество дел в производстве, следователи в большинстве случаев раскрывали преступления в первые месяцы после его совершения. При этом количество следствий, возвращенных на повторное расследование, как показало исследование, было незначительным, что свидетельствует о продуктивной работе следственного органа.

Рассмотрение и разрешение уголовных дел производилось в исследуемый период окружным судом, мировым судом, с 1889 г. – земскими участковыми начальниками, уездными членами окружного суда, городскими судьями. В сельской местности действовал сословный крестьянский волостной суд, рассматривавший незначительные преступные деяния. Проведенное исследование позволило определить, что степень репрессивности судебных органов зависела от курса внутривластного развития государства. Так, в период консервативного правления Александра III доля осужденных составляла более 70 % от общего числа привлеченных к ответственности лиц, в то время как в годы царствования Александра II количество осужденных находилось в районе 50–60 %. За совершенные крупные преступления судебные инстанции приговаривали абсолютное большинство осужденных к тюремному заключению или отбыванию наказания в арестантском отделении, в то время как по мелким преступным деяниям избирались меры наказания в виде денежных взысканий и других незначительных санкций.

Органы прокуратуры на судебных заседаниях окружного суда выступали активной стороной государственного обвинения, на съездах мировых судей – контролирующим органом. При предварительном расследовании уголовных дел производили надзор за следственными и полицейскими органами, а также координировали работу сотрудников внутренних дел при пресечении деятельности организованных преступных групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования удалось установить, что изменения внутривнутриполитического курса государства во второй половине XIX – начале XX в. приводили к циклическим колебаниям уровня уголовной преступности как в масштабах всей страны, так и в Симбирской губернии. В период либеральных преобразований Александра II фиксировалось равноускоренное возрастание количества противоправных деяний. Напротив, ужесточение правового положения, направленного на борьбу с преступностью, в годы царствования Александра III способствовало снижению ее количественных характеристик. А противоречивая государственная политика Николая II привела к всплеску делинквентного поведения в 1905–1907 гг., а в последующие годы проявилась в кратковременных фазах роста и спада уровня преступности.

Анализ структуры уголовной преступности позволяет утверждать, что на территории Симбирской губернии преобладали преступные деяния, направленные против личности и собственности частных лиц и составлявшие в разные годы от 60 до 80 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Среди них максимальными показателями характеризовались убийства, нанесения телесных повреждений и увечий, преступления против половой неприкосновенности, кражи и уничтожения имущества подданных. Наибольшее количество преступлений совершалось крестьянами (75 %) в возрасте 20–40 лет. В гендерном отношении среди лиц, преступивших закон, преобладали мужчины (86 %).

Реализация мер борьбы с уголовной преступностью органами внутренних дел осуществлялась по следующим направлениям: предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Основное внимание уделялось раскрытию преступных деяний в рамках расследования уголовных дел, где сотрудники полиции часто выступали помощниками судебных следователей. Раскрываемость по некоторым видам преступлений

находилась на достаточно высоком уровне и достигала 100 %. Наибольшее затруднение у сотрудников внутренних дел вызывало раскрытие преступлений имущественного характера, а также ликвидация организованных групп в период революционной активности.

Отсутствие юридического образования и специальной подготовки у руководителей управлений и сотрудников полицейских органов не позволяло своевременно организовывать агентурную работу, способствующую пресечению деятельности организованных групп. Кроме того, низкая заработная плата нижних чинов полиции приводила к частой смене служащих, что влекло за собой ухудшение мониторинга криминогенной ситуации.

Судебные следователи, имевшие юридическое образование и оклад, превышавший доход нижних чинов полиции в четыре раза, вполне эффективно расследовали уголовные преступления, несмотря на достаточно большое количество следствий, находившихся в делопроизводстве, и отсутствие возможности быстрого передвижения по территории своего участка. Большинство предварительных следствий оканчивались в первые месяцы после совершения преступления, а количество дел, возвращенных на повторное расследование, в редких случаях превышало 10 % от общего числа завершенных следствий.

Организация и координация деятельности общей полиции и следственных органов в ходе противодействия преступности осуществлялись прокуратурой окружного суда. Надзор за производством формальных дознаний и предварительных следствий проводили сотрудники контролирующего органа, которые в случае необходимости предписывали устранить имеющиеся нарушения уголовно-процессуального законодательства. Прокурор и его помощники, наряду с надзорной, эффективно выполняли функции государственных обвинителей в ходе судебных процессов.

Роль судебных инстанций в борьбе с уголовной преступностью заключалась в реализации карательных функций. Доля осужденных Симбирским окружным судом в различные годы исследуемого периода составляла 60–75 %. При этом количество лиц, осужденных без участия присяжных заседателей (70–90 %), в начале XX в. превышало число лиц, осужденных с привлечением коллегиального института (60–70 %). Наиболее часто применяемыми мерами наказания виновных по вердикту окружного суда являлись тюремное заключение и содержание в арестантских ротах. Процент осужденных уездными членами окружного суда имел существенную амплитуду колебаний и составлял 35–65 %; в 20–40 % случаев ими выносились оправдательные приговоры, и в 5–15 % случаев привлеченные к ответственности лица освобождались от наказаний. При рассмотрении мелких уголовных процессов репрессивная деятельность городских судей была несколько выше, чем уездных членов окружного суда. Количество обвинительных приговоров достигало 80 % и более, а доля оправдательных вердиктов находилась на уровне 20–40 % при незначительном количестве дел с решениями, освобождающими от наказаний.

При рассмотрении уголовных процессов судьи старались проявлять осмотрительность, взвешенно подходили к оцениванию свидетельских показаний и заявлений обвиняемой стороны, что способствовало выявлению истинных положений и определению виновности или невиновности подсудимого. В результате данной деятельности около $\frac{1}{3}$ уголовных процессов в судебных учреждениях губернии заканчивались оправдательными приговорами.

Наказание за некоторые мелкие уголовные преступления осуществляли сельские общины в национальных селах губернии. Цель наказаний состояла в нравственном воспитании провинившихся жителей селений посредством утверждения чувства стыда и избиений.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что, несмотря на существовавшие проблемы, деятельность органов правопорядка по борьбе с уголовной преступностью на территории Симбирской губернии в целом была действительно успешной. Факторами, ухудшающими деятельность правоохранительных институтов, являлись, с одной стороны, недостаточное финансирование оперативно-розыскных мероприятий и низкая оплата труда нижних чинов полиции, а с другой – отсутствие должной профессиональной подготовки как у руководящих лиц, так и у исполнительных сотрудников полицейских органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 102. «Департамент полиции МВД». Оп. 260. Д. 116; Оп. 262. Д. 16, 23.

Государственный архив Ульяновской области

2. Ф. 1. «Симбирский окружной суд». Оп. 52. Д. 10, 13, 15, 19; Оп. 53. Д. 1, 3, 7, 19, 20, 22; Оп. 62. Д. 6; Оп. 66. Д. 7, 8, 9; Оп. 81. Д. 2, 3, 4, 5, 7, 26, 27, 28, 35, 36, 38, 44.
3. Ф. 76. «Канцелярия Симбирского губернатора». Оп. 1. Д. 57, 201, 448, 764, 771; Оп. 2. Д. 372, 398, 1782, 1827; Оп. 4. Д. 227; Оп. 5. Д. 267; Оп. 6. Д. 55, 300, 294, 546; Оп. 7. Д. 24, 40, 116, 197, 241, 247, 305, 309, 317, 336, 518, 760, 768; Оп. 8. Д. 352, 446, 652; Оп. 9. Д. 57.
4. Ф. 108. «Прокурор Симбирского окружного суда». Оп. 15. Д. 6; Оп. 16. Д. 6; Оп. 18. Д. 6; Оп. 22. Д. 2; Оп. 28. Д. 21; Оп. 29. Д. 5, 6; Оп. 31. Д. 3; Оп. 37. Д. 18; Оп. 39. Д. 5; Оп. 43. Д. 28; Оп. 47. Д. 1, 3; Оп. 48. Д. 1864; Оп. 49. Д. 3, 56.
5. Ф. 244. «Карсунское уездное полицейское управление». Оп. 1. Д. 3.
6. Ф. 264. «Сенгилеевское уездное полицейское управление». Оп. 1. Д. 26, 29, 58, 65, 115, 218, 238.
7. Ф. 454. «Канцелярия председателя Симбирского окружного суда». Оп. 1. Д. 6; Оп. 2. Д. 7; Оп. 7. Д. 13; Оп. 13. Д. 6; Оп. 15. Д. 6; Оп. 23. Д. 45, 46; Оп. 29. Д. 2, 4; Оп. 30. Д. 30; Оп. 33. Д. 36; Оп. 34. Д. 59; Оп. 38. Д. 27; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43.
8. Ф. 461. «Городской судья 1-го участка г. Симбирска». Оп. 38. Д. 8.
9. Ф. 462. «Городской судья 2-го участка г. Симбирска». Оп. 41. Д. 20.
10. Ф. 465. «Городской судья 3-го участка г. Симбирска». Оп. 1. Д. 7.

11. Ф. 478. «Земский начальник 1-го участка Сенгилеевского уезда». Оп. 1. Д. 5, 38, 54.
12. Ф. 675. «Симбирское городское полицейское управление». Оп. 1. Д. 14.
13. Ф. 855. «Симбирское жандармское управление». Оп. 1. Д. 24, 27, 85, 424, 465, 548, 651, 703, 720, 758, 760, 762, 766, 772, 1123.

1.2. Опубликованные документы и материалы

14. Агентурная работа политической полиции Российской империи : сборник документов. 1880–1917 / сост. Е. И. Щербакова ; под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XXI ; СПб., 2006. – 384 с. – (АИРО – первая публикация).
15. Временное положение о полицейских урядниках в сорока шести губерниях, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 53. – № 58610.
16. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 37. – № 39087.
17. Инструкция околоточным надзирателям. – СПб., 1867.
18. Инструкция полицейским урядникам от 19 июля 1878 г. // Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. – СПб., 1880. – № 130.
19. Инструкция чинам прокурорского надзора округа Казанской судебной палаты. – Казань, 1894.
20. Инструкция чинам сыскных отделений. – СПб., 1910.
21. Об организации сыскной части // ПСЗ. – Собр. III. – Т. 28. – № 30672.
22. Макалинский, П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / П. В. Макалинский. – СПб., 1907.
23. Об учреждении полицейской стражи // ПСЗ. – Собр. III. – Т. 22. – № 22906.

24. О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 54. – № 60066.
25. Основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 37. – № 38761.
26. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) : сборник документов / под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2001. – 520 с. – (Первая публикация).
27. Положение о корпусе жандармов // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 42. – № 44956.
28. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. – Собр. III. – Т. 1. – № 350.
29. Положение о полицейском надзоре // ПСЗ. – Собр. III. – Т. 2. – № 730.
30. Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 46. – № 49615.
31. Правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗ. – Собр. III. – Т. 5. – № 2946.
32. Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. Т. 8 / под ред. Б. В. Виленского. – М. : Юрид. лит., 1991. – 496 с.
33. Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. Т. II. – СПб., 1912.
34. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – СПб., 1878.
35. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – СПб., 1916.
36. Справочная книга для чинов полиции на 1900 год. – М., 1900.
37. Судебные уставы императора Александра II с толкованиями, извлечёнными из отечественной юридической литературы / сост. А. Тимановский. – М., 1885.
38. Уложение о наказаниях и исправительных с разьяснением по решениям кассационных департаментов Сената. – СПб., 1882.
39. Устав о пресечении и предупреждении преступлений. – СПб., 1876.

40. Учреждение судебных установлений // ПСЗ. – Собр. II. – Т. 39. – № 41475.
41. Фром, В. Руководство по делам уголовным для чинов уездной полиции / В. Фром. – Одесса, 1908. – 100 с.

1.3. Статистические данные

42. Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. – Симбирск, 1869.
43. Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. – Симбирск : губ. тип., 1889.
44. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1899.

1.4. Периодическая печать

45. Молодежная газета. – 2010. – 1 октября.
46. Симбирские губернские ведомости. – 1916. – 6 февраля (№ 10).
47. Симбирские губернские ведомости. – 1916. – 9 июля (№ 50).
48. Симбирские губернские ведомости. – 1916. – 2 июля (№ 48).

1.5. Мемуары

49. Кошко, А. Ф. Очерки уголовного мира царской России / А. Ф. Кошко. – М. : Столица, 1991. – 608 с.
50. Курлов, П. П. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира корпуса жандармов / П. П. Курлов. – М., 1923. – 296 с.
51. Спиридович, А. И. Записки жандарма / А. И. Спиридович. – М. : Худож. лит. : Фонд творч. инициатив, 1991. – 263 с.
52. Яшвиль, Л. В. Воспоминания о Симбирске (1905–1906 гг.) / Л. В. Яшвиль. – Киев : Типо-лит. Губ. правл., 1906. – 34 с.

2. Литература

2.1. Монографии

53. Агафонов, В. К. Заграничная охранка / В. К. Агафонов. – Пг. : Книга, 1918. – 392 с.
54. Белецкий, С. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России / С. Белецкий, П. Руткевич. – СПб., 1913. – 97 с.
55. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX века / В. Я. Богучарский. – М. : Русская мысль, 1912. – 494 с.
56. Борисов, А. В. История полиции России (1718–1917 гг.) / А. В. Борисов, М. И. Сизиков, А. Е. Скрипилев. – М. : АПО, 1992. – 56 с.
57. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – М., 1912. – 426 с.
58. Власов, В. И. История розыскного процесса в России (законодательство и практика) / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово : Изд-во РИПК работников МВД России, 1997. – 102 с.
59. Высоцкий, И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903 / И. П. Высоцкий. – СПб., 1903. – 590 с.
60. Галвазин, С. Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики / С. Н. Галвазин. – М. : Совершенно секретно, 2001. – 191 с.
61. Гернет, М. Н. Социальные факторы преступности / М. Н. Гернет. – М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1905. – 203 с.
62. Гернет, М. Н. Революция, рост преступности и смертная казнь / М. Н. Гернет. – М. : Начало, 1917. – 30 с.
63. Гернет, М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества / М. Н. Гернет. – М., 1916. – 421 с.
64. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб., 1908. – 418 с.

65. Гогель, С. К. Роль общества в деле борьбы с преступностью / С. К. Гогель. – СПб. : Типография т-ва Общественная польза, 1906. – 284 с.
66. Гончарова, Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии / Е. А. Гончарова. – Саратов : Научная книга, 2006. – 112 с.
67. Градовский, А. Д. Начало русского государственного права / А. Д. Градовский. – М. : Зерцало, 2006. – Т. 1. – 470 с.
68. Гредескул, Н. А. Террор и охрана / Н. А. Гредескул. – СПб. : Типография т-ва Общественная польза, 1912. – 35 с.
69. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1960. – 352 с.
70. Ефремова, Н. Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. / Н. Н. Ефремова. – М. : Наука, 1983. – 149 с.
71. Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – СПб. : Нева, 2002. – 640 с.
72. Желудкова, Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка / Т. И. Желудкова. – М. : Академия МВД СССР, 1977. – 265 с.
73. Жухрай, В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М. : Политиздат, 1991. – 336 с.
74. Заварзин, П. П. Работа тайной полиции / П. П. Заварзин. – Париж, 1924.
75. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов / П. А. Зайончковский. – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 513 с.
76. Зеланд, Н. Женская преступность / Н. Зеланд. – СПб., 1899. – 40 с.
77. Ирецкий, В. Я. Охранка / В. Я. Ирецкий. – Пг. : Новая Россия, 1917. – 28 с.

78. История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы : учебное пособие / под ред. В. М. Курицына. – М. : Щит-М, 1998. – 200 с.
79. Казанцев, С. М. История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1993. – 216 с.
80. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебному Уставу 1864 г. / А. Квачевский. – СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1867. – Т. 2. – 375 с.
81. Ковалевский, П. И. Борьба с преступностью путем воспитания / П. И. Ковалевский. – СПб., 1908. – 72 с.
82. Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века : учебное пособие / под ред. В. В. Керова. – М. : Астрель, 2004. – 846 с.
83. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долгова. – М. : Инфра-М-НОРМА, 2001. – 848 с.
84. Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.
85. Кузнецов, В. Н. Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. / В. Н. Кузнецов. – Ульяновск : ГОУ ВПО УлГПУ, 2007. – 223 с.
86. Лонге, Ж. Терроризм и охранка / Ж. Лонге, Г. Зильберт. – М. : Советская Россия, 1991. – 208 с.
87. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права / А. Лохвицкий. – СПб. : Журн. М-ва юст., 1867. – 671 с.
88. Лурье, Ф. М. Полицейские и провокаторы / Ф. М. Лурье. – СПб. : «ИнКА», 1992. – 417 с.
89. Миронов, Б. Н. Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – Т. 1. – 547 с.; Т. 2. – 582 с.

90. Мулукаев, Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М., 1964. – 434 с.
91. Мулукаев, Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М. : Академия МВД СССР, 1979. – 27 с.
92. Мулукаев, Р. С. Полиция в России (IX–XX вв.) / Р. С. Мулукаев. – Н. Новгород, 1993. – 101 с.
93. Мулукаев, Р. С. История отечественных органов дел в материалах их информационных подразделений / Р. С. Мулукаев, А. Е. Епифанов, О. К. Чабан. – Волгоград : Изд-во ВА МВД РФ, 1997. – 297 с.
94. Мулукаев, Р. С. История отечественных органов внутренних дел : учебник для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. – М. : NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.
95. Мухамедов, Р. Р. Суды присяжных заседателей в Симбирской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) / Р. Р. Мухамедов. – Ульяновск, 2009. – 227 с.
96. Неклюдов, Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права / Н. А. Неклюдов. – СПб. : Тип. П.П. Меркульева, 1876. – Т. 2. – 555 с.
97. Овчинников, А. А. Милицейская разведка в структуре отечественных органов внутренних дел / А. А. Овчинников. – М. : Отечество, 1999. – 234 с.
98. Остроумов, С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России / С. С. Остроумов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 339 с.
99. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газета, 1993. – 423 с.
100. Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. – 432 с.
101. Реент, Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917) / Ю. А. Реент. – Рязань : Узорочье, 2001. – 284 с.

102. Романов, В. В. Организация и деятельность политической полиции Поволжья в конце XIX – начале XX вв. / В. В. Романов – М. : Юрист, 2003. – 335 с.
103. Рууд, Ч. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. А. Степанов. – М. : Мысль, 1993. – 432 с.
104. Рыбников, В. В. История правоохранительных органов Отечества : учебное пособие / В. В. Рыбников, Г. В. Алексушин. – М. : Щит-М, 2008. – 296 с.
105. Тарновская, П. Н. Женщины – убийцы / П. Н. Тарновская. – СПб. : Т-во художественной печати, 1902. – 512 с.
106. Тарновский, Е. Н. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России / Е. Н. Тарновский. – СПб., 1899. – 44 с.
107. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1912. – Т. 1. – 566 с.
108. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М. : Просвещение, 1989. – 428 с.
109. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов . – СПб. : Альфа, 1995. – 839 с.
110. Шинджикашвили, Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили. – Омск, 1973. – 66 с.
111. Щеголев, П. Е. Охранники и авантюристы / П. Е. Щеголев. – М. : Изд-во Политкаторжан, 1930. – 157 с.
112. Ярмаш, А. Н. История полиции дореволюционной России / А. Н. Ярмаш, К. Г. Федоров. – Ростов н/Д, 1976. – 245 с.

2.2. Публикации в периодических изданиях

113. Авдеева, О. А. Институт земских начальников в Сибири / О. А. Авдеева // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2007. – № 1 (12). – С. 125–129.

114. Баева, Е. В. Участковые земские начальники Самарской губернии / Е. В. Баева // Платоновские чтения. – 1998. – Вып. 2. – С. 3–6.
115. Баринов, В. В. Волостное судопроизводство в России в конце XIX века / В. В. Баринов // Социально-политические науки. – 2011. – № 1. – С. 82–84.
116. Безгин, В. Б. Волостной суд сельской России (вторая XIX – начало XX века) / В. Б. Безгин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 12 – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/bezgin.pdf>.
117. Безгин, В. Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX в.) / В. Б. Безгин // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 152–157.
118. Бриль, Г. Г. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) / Г. Г. Бриль, А. А. Корняков // История государства и права. – 2008. – № 2. – С. 25–27.
119. Галкин, А. Г. Внутреннее устройство и специфика деятельности окружных судов пореформенной России (на примере Екатеринодарского окружного суда) / А. Г. Галкин // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 7. – С. 19–30.
120. Галкин, А. Г. Общественное значение оптимизации взаимодействия судебных следователей с судебными и правоохранительными органами российской империи (1864–1890-е гг.) / А. Г. Галкин // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 36–42.
121. Глинский, Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1912. – Т. 127, № 2. – С. 667–690.
122. Гусаков, Ю. С. Взаимодействие судебного следователя и прокурора в России по реформе 1864 года / Ю. С. Гусаков // Научные ведомости Белгородского университета. Сер. Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 16, № 10. – С. 162–165.

123. Егоров, Д. В. Воровство в правосознании чувашского крестьянства / Д. В. Егоров // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 31–39.
124. Ерин, П. В. Волостной суд и обычное право в начале XX века (на материалах Тамбовской губернии) / П. В. Ерин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1. – С. 60–62.
125. Жилина, Ю. А. Прокурорский надзор в сфере борьбы с преступностью в России в начале XX века / Ю. А. Жилина // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 3 (46). – С. 21–23.
126. Заменгоф, М. Ф. Город и деревня в преступности / М. Ф. Заменгоф // Труды слушателей. Юридический семинарий. – М. : Типо-литограф. Т-ва Кушнеров и Ко, 1913. – С. 253–306.
127. Заменгоф, М. Ф. Преступность стариков / М. Ф. Заменгоф // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 4. – С. 144–181.
128. Заменгоф, М. Ф. Брак, семья и преступность / М. Ф. Заменгоф // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 2. – С. 143–174.
129. Иванов, А. В. Алкоголизм и насильственная преступность / А. В. Иванов // Вестник ТИСБИ. – 2011. – № 4. – С. 137–144.
130. Казанцев, С. М. Изменение в системе прокурорского надзора после судебной реформы 1864 года / С. М. Казанцев // Вестник Ленинградского университета. Сер. 6. – 1986. – Вып. 1. – С. 81–89.
131. Кириллов, М. М. Участие органов прокуратуры в предварительном следствии в пореформенный период (1864–1917 годы) / М. М. Кириллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 281–284.
132. Короткова, С. В. Сыскное отделение Самары (к истории вопроса) / С. В. Короткова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9, № 2. – С. 353–357.

133. Краковский, К. П. «Перестройка» политической юстиции в России на рубеже XIX–XX веков / К. П. Краковский, И. Ю. Мозговой // Правоведение. – 1996. – № 2. – С. 116–123.
134. Лобанов, А. В. Деятельность саратовского сыскного отделения по борьбе с общеуголовной преступностью в начале XX века / А. В. Лобанов, О. В. Кузнецов // Информационная безопасность регионов. – 2011. – № 1 (8). – С. 146–152.
135. Муравьев, Н. В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам / Н. В. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – Кн. 2. – С. 1–35;
136. Остриков, И. А. Роль прокурора на мировом суде / И. А. Остриков // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 9. – С. 77–106.
137. Рыжаков, Д. Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века / Д. Г. Рыжаков // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 5. – С. 198–204.
138. Сорокин, А. А. Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX – начале XX в. / А. А. Сорокин // Социогуманитарный вестник. – 2011. – № 2. – С. 121–125.
139. Тарновский, Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–1894 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 115–144.
140. Тарновский, Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – № 8. – С. 73–107.
141. Тарновский, Е. Н. Репрессия суда присяжных по данным за 1875–1900 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 1. – С. 27–76.

142. Тарновский, Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9. – С. 52–99.
143. Тарновский, Е. Н. Влияние войн на движение преступности / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 6. – С. 48–89.
144. Тарновский, Е. Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. / Е. Н. Тарновский // Сб. статей по пролетарской революции и праву. – Пг., 1918. – № 1–4. – С. 100–122.
145. Чуканов, И. А. Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX – начало XX в.) / И. А. Чуканов // Право и образование. – 2009. – № 2. – С. 134–137.
146. Чукарев, А. Г. Организация политического розыска царской Россией в XIX–XX вв. / А. Г. Чукарев // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – 1973. – Т. 9. – С. 160–169.
147. Шавров, А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864–1917) / А. В. Шавров // Советское государство и право. – 1985. – № 12. – С. 100–105.
148. Щегловитов, И. Г. Прокуратура на предварительном следствии / И. Г. Щегловитов // Юридический вестник. – 1887. – Т. XXVI, кн. 1. – С. 88–101.
149. Adams, B. F. Criminology, Penology and Prison Administration in Russia: 1863–1917 / B. F. Adams // Ph. D. diss., University of Maryland. – 1981.
150. Frank, St. Narratives within Numbers: Women, Crime and Judicial Statistics in Imperial Russia, 1834–1913 / St. Frank // The Russian Review. – 1996. – Vol. 55. – October. – P. 542–566.

151. Emsley, C. Crime History and History of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History / C. Emsley, L. Knaffa // Westport, CT; London : Greenwood Press, 1996.

2.3. Рукописи диссертаций и авторефератов

152. Аверичева, О. М. Институт земских участковых начальников Орловской губернии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Аверичева Оксана Михайловна. – Воронеж, 2013. – 23 с.
153. Александров, О. Г. Чрезвычайное законодательство в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Александров Олег Григорьевич. – Н. Новгород, 2000. – 161 с.
154. Астахов, А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX в.: структура, состав и функционирование : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Астахов Артем Владимирович. – Омск, 2009. – 239 с.
155. Атапин, Н. Б. Борьба с девиантным поведением и уголовной преступностью в Российской империи (1881–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Атапин Никита Брониславоич. – Славянск-на-Кубани, 2007. – 220 с.
156. Афанасьев, А. К. Суд присяжных в России (организация, состав и деятельность в 1866–1885 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Афанасьев Александр Константинович. – М., 1979. – 214 с.
157. Башкирева, Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Башкирева Наталья Валерьевна. – М., 2010. – 24 с.
158. Бойко, С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бойко Софья Ивановна. – Чебоксары, 2013. – 23 с.

159. Бушуева, С. А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бушуева Софья Александровна. – М., 2009. – 206 с.
160. Васильев, А. В. Организационно-правовые основы деятельности полиции по борьбе с преступностью в Казанской губернии: 1862–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Васильев Александр владимирович. – М., 2008. – 218 с.
161. Гладышева, Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года (на материалах Саратовской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Гладышева Елена Евгеньевна. – Саратов, 2006. – 207 с.
162. Голдинов, В. Ю. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Голдинов Вадим Юрьевич. – М., 2012. – 204 с.
163. Гомонова, С. А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гомонова Светлана Александровна. – Самара, 2012. – 259 с.
164. Горячковская, Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII–XX вв. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Горячковская Юлия Михайловна. – Белгород, 2001. – 195 с.
165. Громикова, О. Е. Суд присяжных в России во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Громикова Ольга Евгеньевна. – Пенза, 2012. – 216 с.
166. Дорохов, В. Г. Политический сыск в Томской губернии (1881 – февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дорохов Валерий Геннадьевич. – Кемерово, 2005. – 195 с.
167. Дудченко, Ю. Л. Организационно-правовые основы деятельности специальных служб России по борьбе с терроризмом во второй

- половине XIX – начале XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дудченко Юлия Леонидовна. – Краснодар, 2008. – 32 с.
168. Егоров, Д. В. Деятельность мирского суда чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Егоров Дмитрий Владимирович. – Чебоксары, 2010. – 261 с.
169. Калашникова, С. И. История уголовного сыска в России в конце XIX – начале XX вв.: на материалах Забайкальской области : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Светлана Ивановна Калашникова. – Улан-Удэ, 2007. – 154 с.
170. Каховская, Т. Б. Мировой суд России во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Каховская Татьяна Борисовна. – Саранск, 2010. – 271 с.
171. Князьков, А. С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Князьков Алексей Степанович. – Томск, 1998. – 260 с.
172. Коротков, А. Г. Организационно-правовой опыт деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях 1904–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Коротков Андрей Геннадьевич. – Казань, 2007. – 202 с.
173. Косарецкая, Е. Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Косарецкая Елена Николаевна. – Орел, 2007. – 259 с.
174. Логачева, Н. В. Политический сыск в губерниях Поволжья в 1860–1880-х гг.: на материалах Пензенской и Саратовской губерний : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Логачева Наталья Викторовна. – Пенза, 2005. – 255 с.
175. Лядов, А. О. Уголовный сыск дореволюционной России: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лядов Алексей Олегович. – СПб., 1997. – 186 с.

176. Макаричев, М. В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX – начале XX века (по материалам Нижегородской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Макаричев Михаил Викторович. – Саранск, 2003. – 258 с.
177. Мирюлюбов, А. А. Политический сыск в России в 1914–1917 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мирюлюбов Александр Александрович. – М., 1988. – 25 с.
178. Морюшкин, С. И. Преступность и борьба с ней в пореформенной России (на материалах Рязанской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Морюшкин Сергей Игоревич. – Орел, 2009. – 316 с.
179. Нарбутов, Р. В. Полиция Российской Империи (1862–1917 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нарбутов Роман Викторович. – М., 1992. – 224 с.
180. Парфёнов, О. В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: середина XVII – вторая половина XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Парфёнов Олег Вячеславович. – Курск, 2005. – 172 с.
181. Перегудова, З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Перегудова Зинаида Ивановна. – М., 1988. – 220 с.
182. Плужников, С. Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Плужников Сергей Юрьевич. – Тамбов, 2009. – 25 с.
183. Политов, В. Е. Криминогенная ситуация в Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Политов Валентин Евгеньевич. – Тамбов, 2007. – 181 с.
184. Пузанова, О. А. Суд присяжных во Владимирской губернии: региональные особенности судоустройства и функционирования. 1864–

- 1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пузанова Олеся Александровна. – Владимир, 2005. – 175 с.
185. Рыжов, Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью в 1866–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рыжов Дмитрий Сергеевич. – М., 2000. – 212 с.
186. Рябинцев, Р. В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Рябинцев Роман Владимирович. – Кострома, 2004. – 234 с.
187. Смирнов, М. А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнов Максим Анатольевич. – Кострома, 2006. – 221 с.
188. Соловьева, Л. Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века: на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Соловьева Лариса Леонидовна. – Владимир, 2007. – 185 с.
189. Сысоев, А. А. Уголовный сыск Восточной Сибири в 1730-х – 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сысоев Алексей Александрович. – Иркутск, 2004. – 246 с.
190. Сысуев, Ю. Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сысуев Юрий Борисович. – Саранск, 2002. – 278 с.
191. Федоров, С. Г. Влияние модернизационных процессов на правовое поведение и преступность крестьянства Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Федоров Сергей Георгиевич. – Курган, 2010. – 292 с.
192. Харсеева, О. В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в России в середине XIX – начале XX вв.: историко-правовое исследование: на

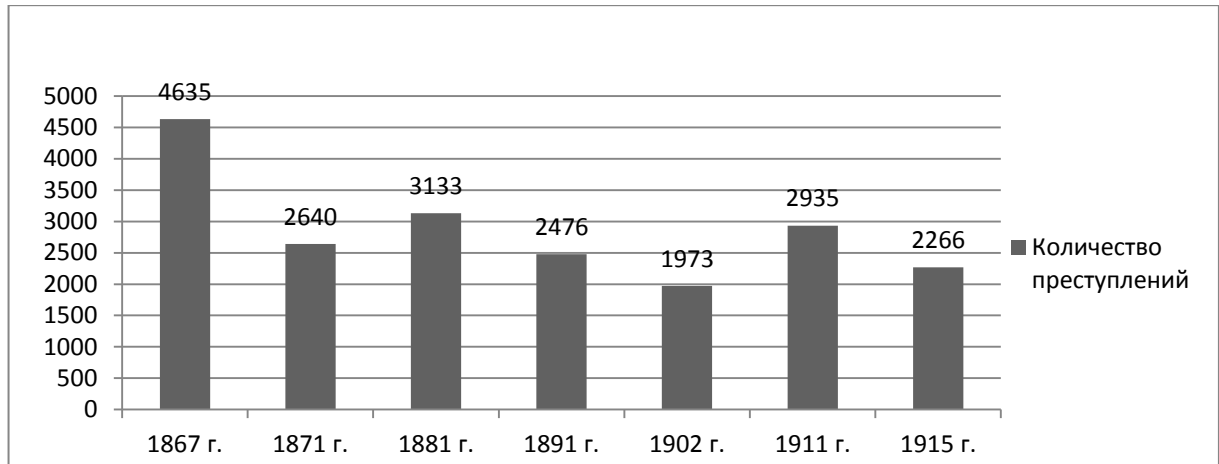
материалах Курской губернии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Харсеева Олеся Владимировна. – М., 2009. – 203 с.

193. Шабает, В. В. Уездная полиция Российского государства второй половины XIX – начала XX века (на территории Мордовии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шабает Виктор Викторович. – Саранск, 2007. – 266 с.
194. Шепелева, М. П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861–1917 гг. на примере Курской губернии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шепелева Мария Петровна. – Курск, 2012. – 205 с.
195. Ялтаев, Д. А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах (по материалам чувашских уездов) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ялтаев Дмитрий Анатольевич. – Чебоксары, 2004. – 289 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Динамика роста преступности в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.¹

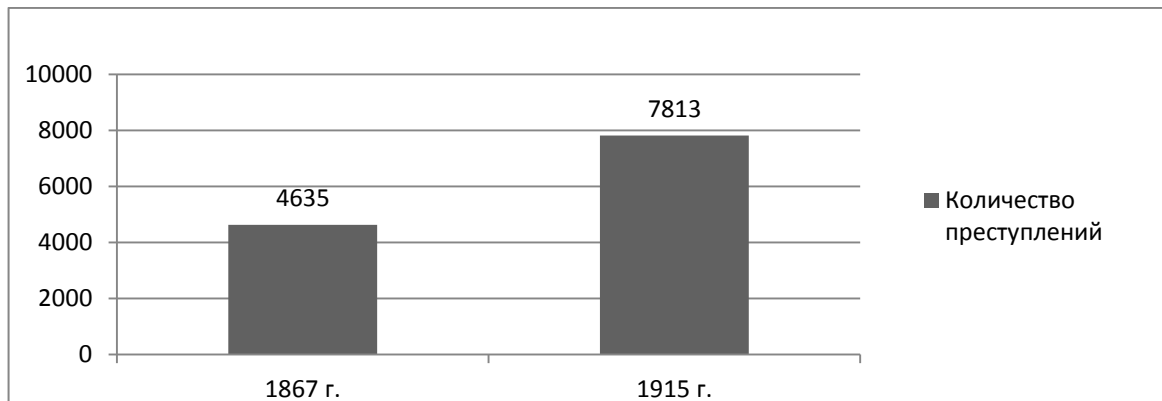
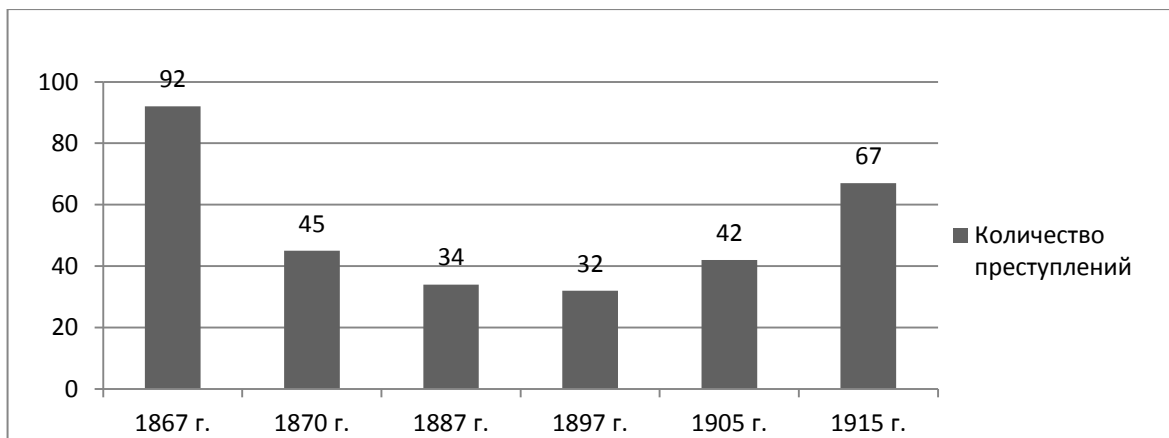
Приложение 2

Количество совершенных преступлений в уездах Симбирской губернии в 1871–1915 гг.²

Города и уезды губернии	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1902 г.	1911 г.	1915 г.
г. Симбирск	203	147	173	120	200	259
г. Сызрань	208	152	136	172	49	207
Алатырский уезд	205	246	224	297	305	208
Ардатовский уезд	148	162	105	132	195	127
Буинский уезд	366	454	336	179	301	210
Карсунский уезд	397	439	340	238	390	251
Курмышский уезд	209	350	209	194	318	258
Сенгилеевский уезд	278	257	289	193	228	158
Симбирский уезд	342	425	282	252	402	196
Сызранский уезд	255	433	365	191	533	375
Важнейшие дела	29	68	17	5	14	17
Всего	2640	3133	2476	1973	2935	2266

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 2. Д. 7; Оп. 13. Д. 6; Оп. 23. Д. 45; Оп. 33. Д. 36; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33.

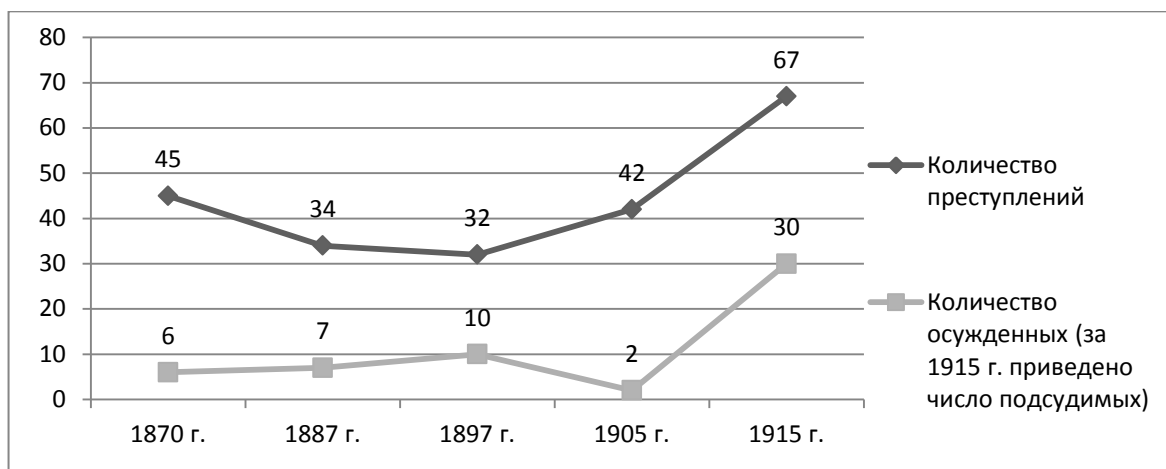
² Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 2. Д. 7; Оп. 13. Д. 6; Оп. 23. Д. 45; Оп. 33. Д. 36; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43.

Количество крупных и мелких преступлений в Симбирской губернии¹Динамика религиозной преступности²

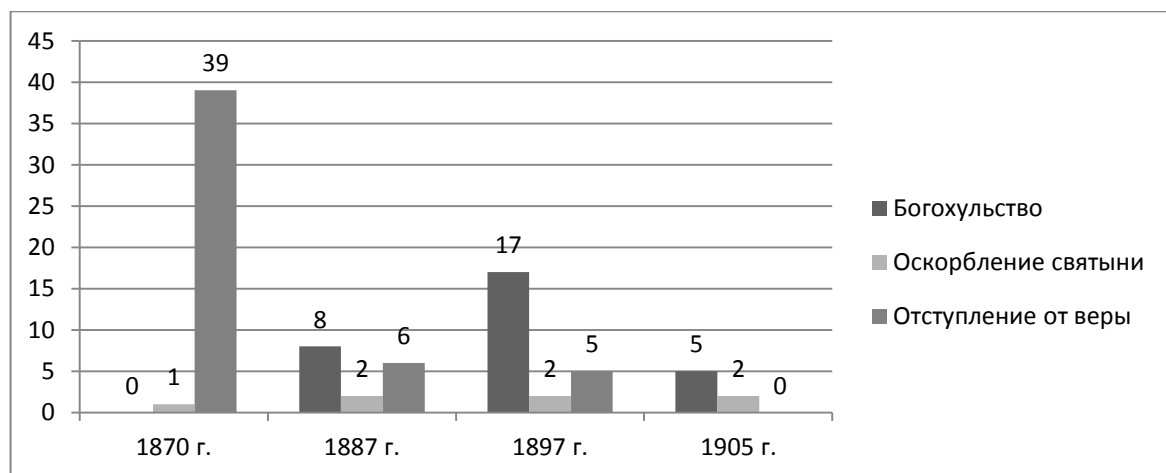
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 47. Д. 43. Л. 37 об; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. Симбирск : Губ. тип., 1889. С. 168–169.

Динамика религиозной преступности и количества осужденных
за религиозные преступления¹

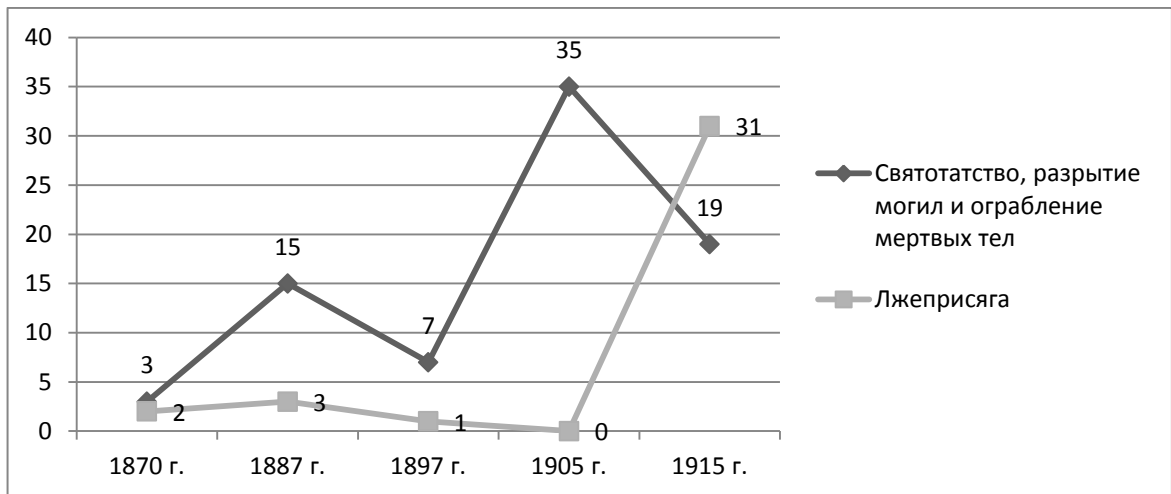
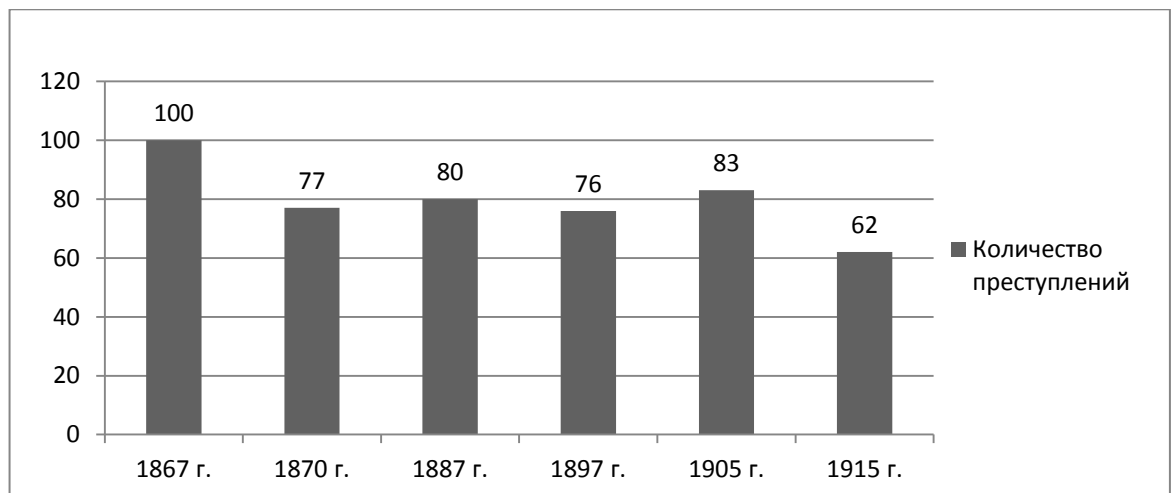

Динамика родов религиозных преступлений²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–169.

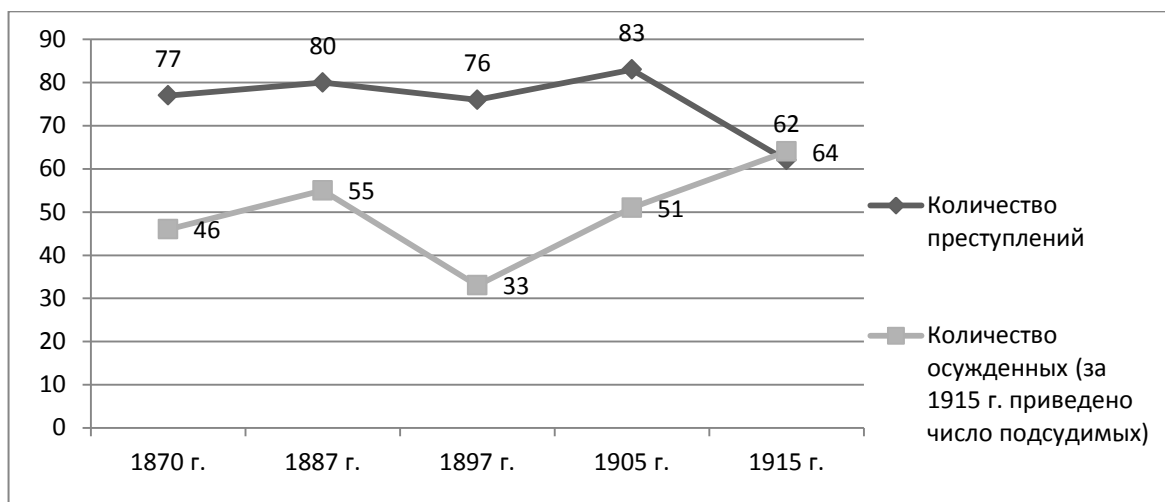
² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–169.

Динамика родов религиозных преступлений¹Динамика преступлений против порядка управления²

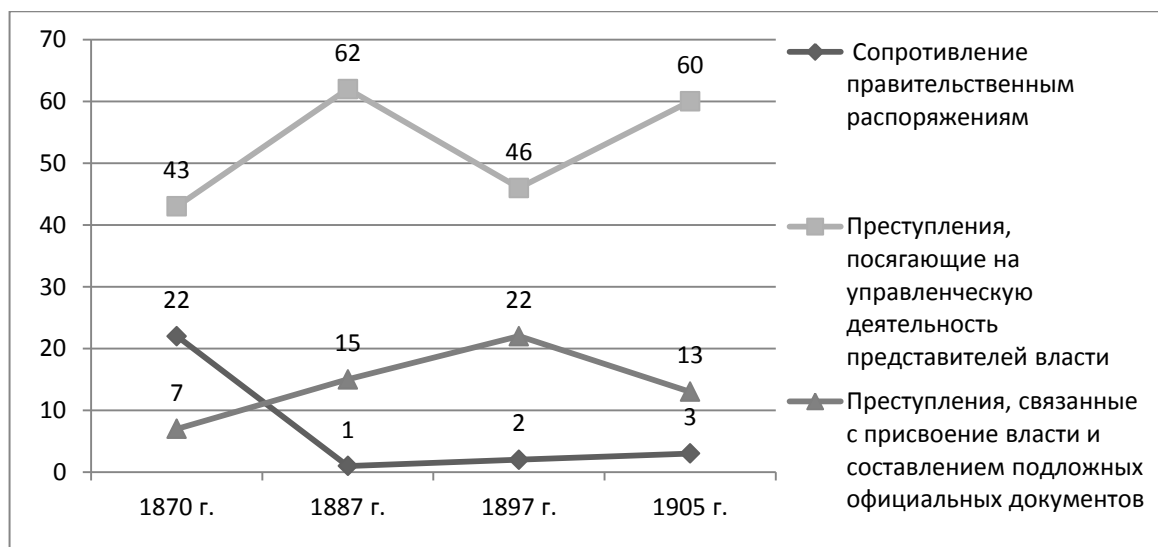
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–169.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

Динамика преступлений против порядка управления и количества осужденных за данный вид противоправных деяний¹

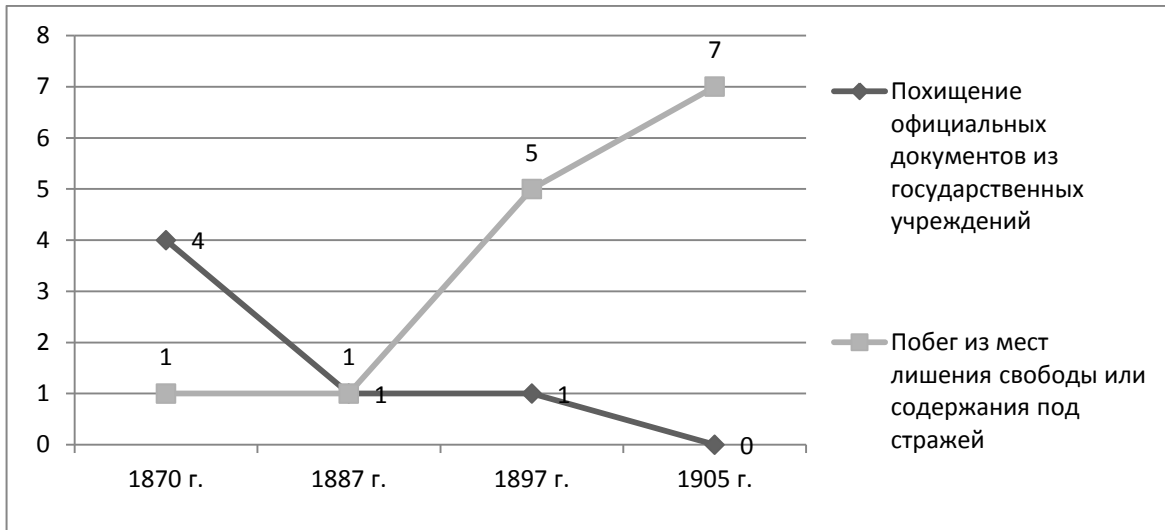
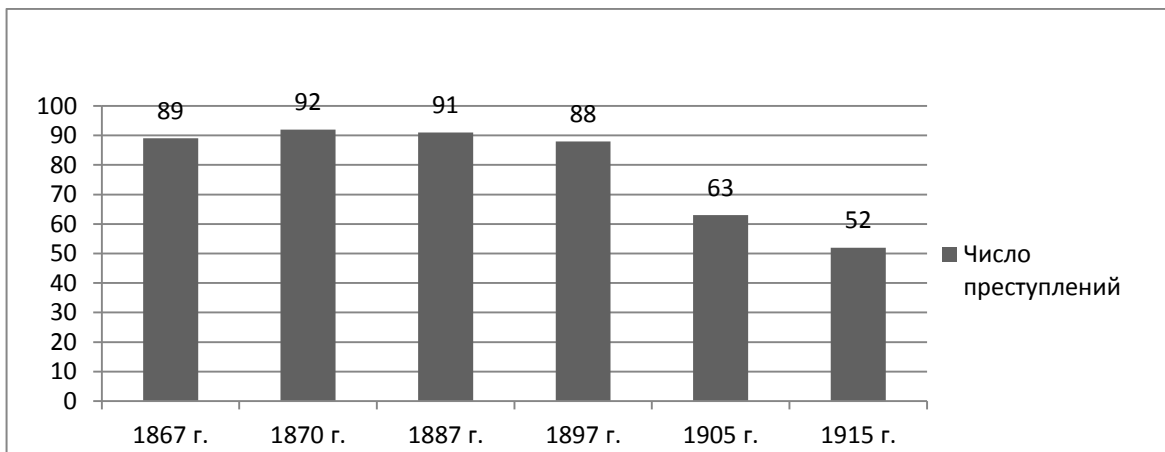

Динамика родов преступлений против порядка управления²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

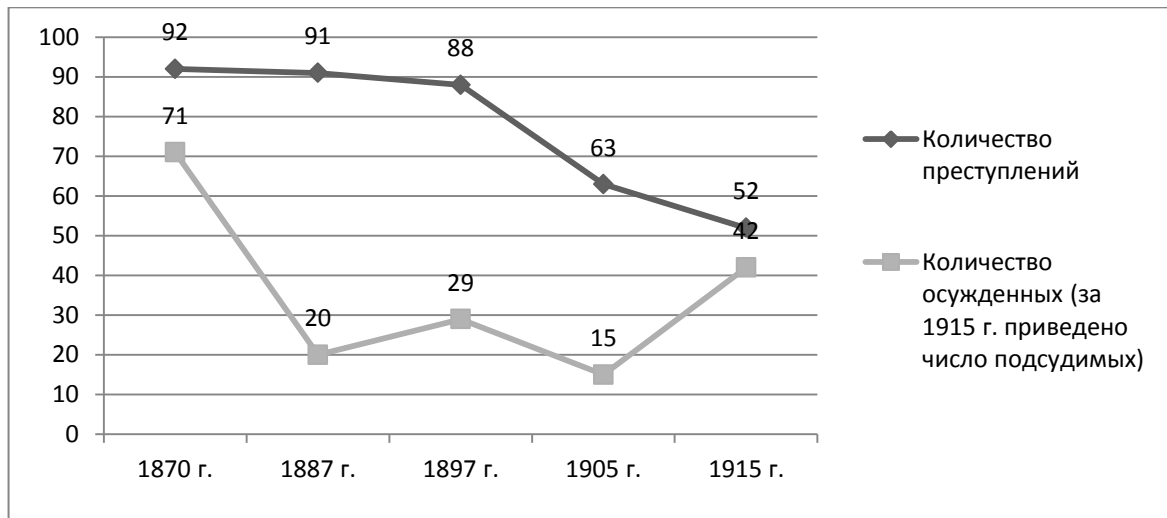
² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

Динамика родов преступлений против порядка управления¹Динамика служебных преступлений²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 170–171.

Динамика служебных преступлений и количества осужденных
за данный вид противоправных деяний¹

Количество совершенных служебных преступлений в Симбирской губернии
в 1887–1905 гг.²

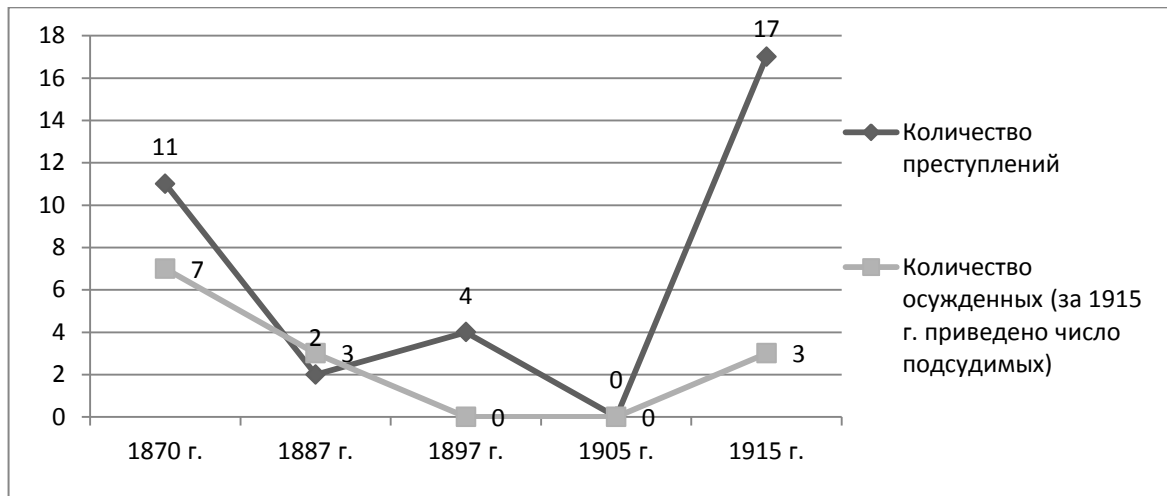
Преступления	1887 г.	1897 г.	1905 г.
Превышение полномочий или бездействие органов власти	22	28	22
Проступки должностных лиц при хранении и управлении вверенным им по службе имуществом	34	39	18
Подлоги на службе	3	2	6
Мздоимство и лихоимство	12	12	5
Нарушение установленных при вступлении в должность и оставлении ее правил	2	0	0
Преступления и проступки в сношениях между начальниками и подчиненными	2	1	2
Медленность, нерадение и несоблюдение порядка в отправлении должности	2	0	2
Преступления и проступки чиновников по особым родам службы	14	6	8

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

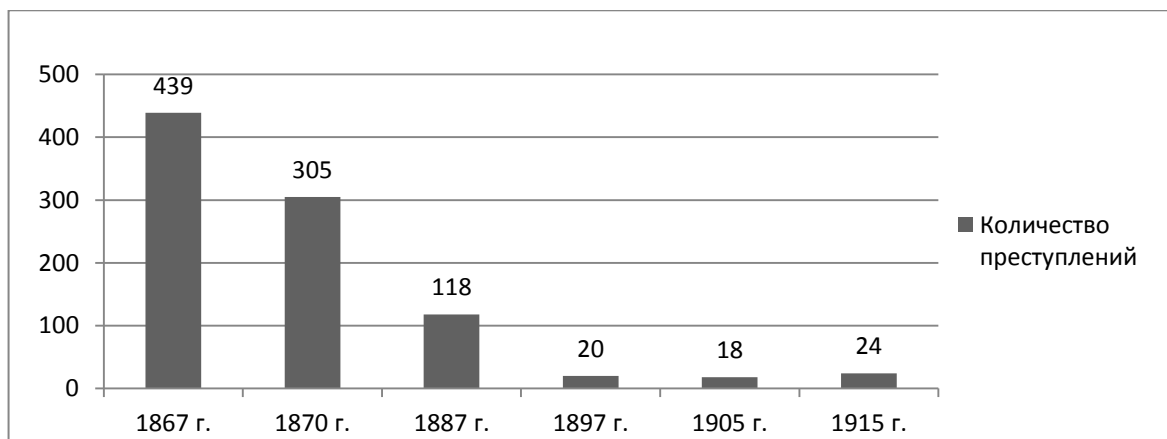
² Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

Динамика преступлений против постановлений о воинской повинности
и количества осужденных за данный род противоправных деяний¹

Динамика преступлений против имущества и доходов казны²

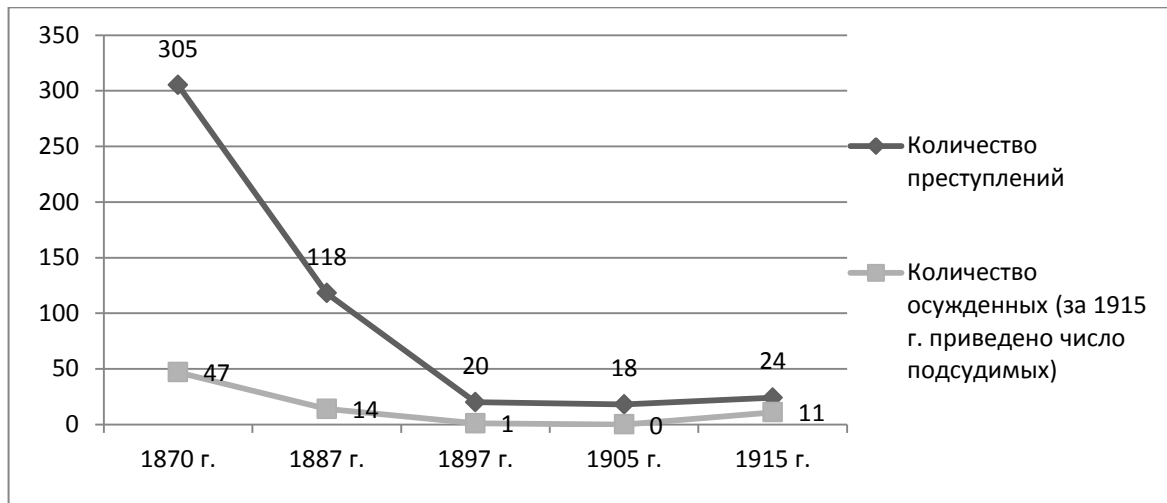

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172.

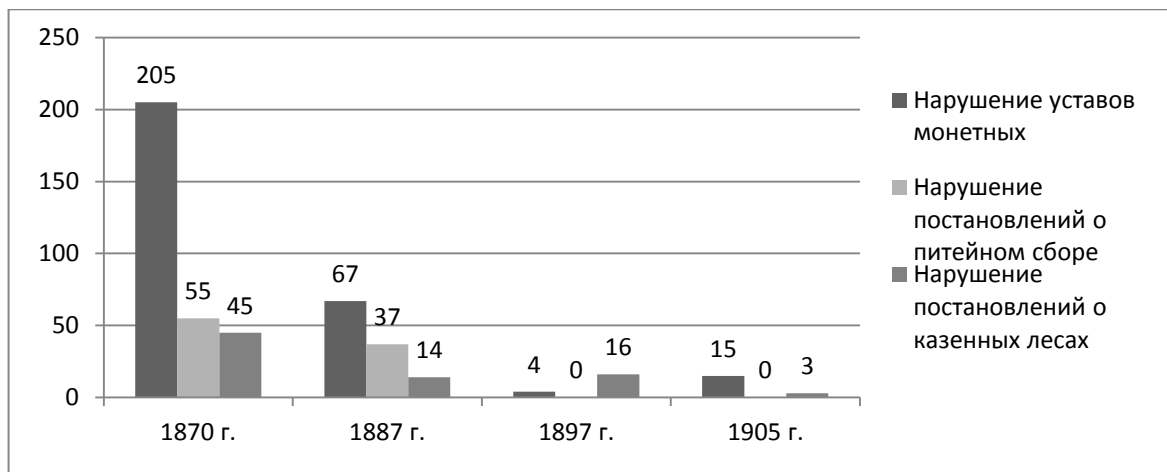
Приложение 17

Динамика преступлений против имущества и доходов казны и количества осужденных за данный вид противоправных деяний¹

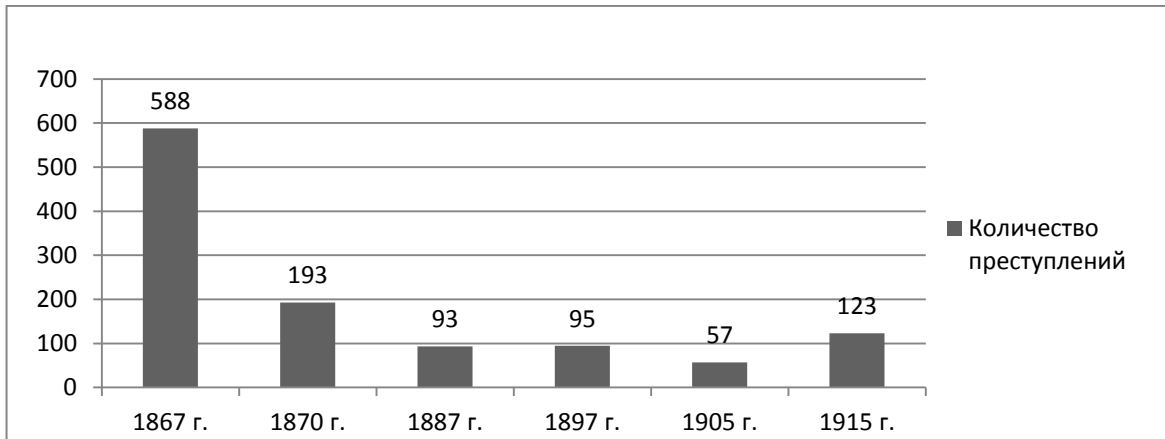
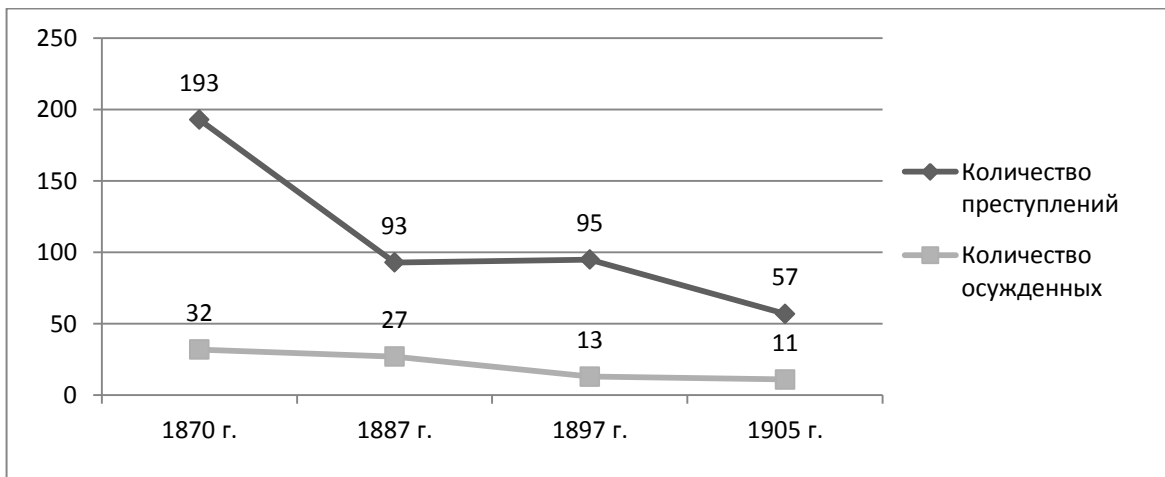
Приложение 18

Динамика родов преступлений против имущества и доходов казны²

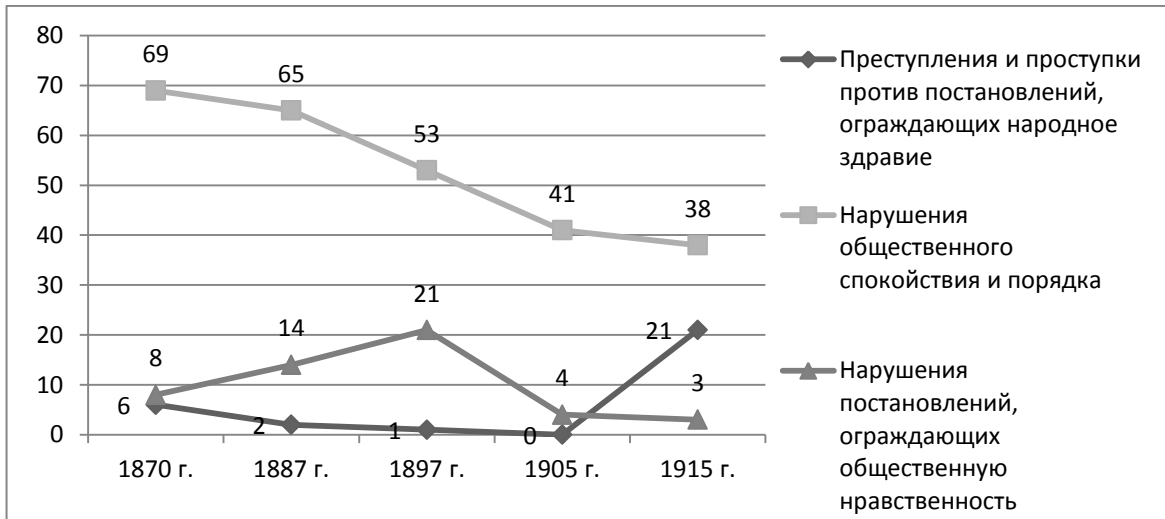
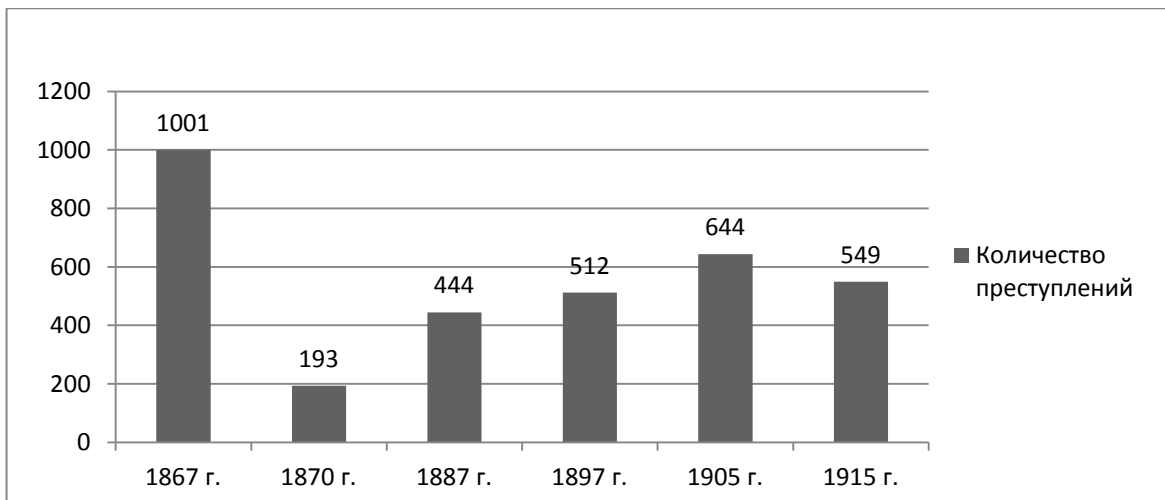
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–171.

Динамика преступлений против общественного благоустройства¹Динамика преступлений против общественного благоустройства и количества осужденных за данный вид противоправных деяний²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172–174.

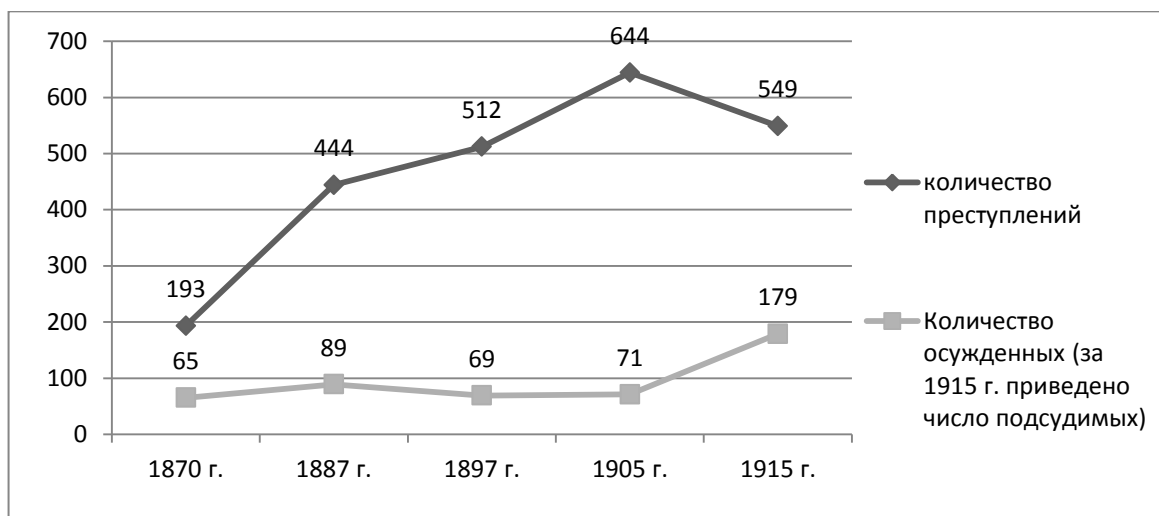
² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172–174.

Динамика родов преступлений против общественного благоустройства¹Динамика преступлений против личности²

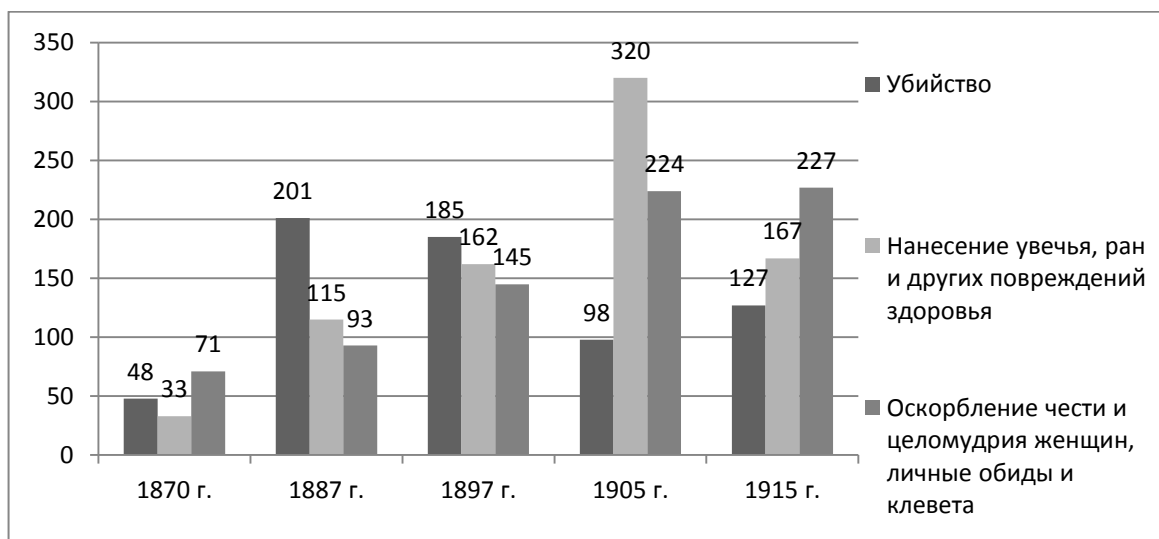
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 172–174.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

Динамика преступлений против личности и количества осужденных
за данный вид противоправных деяний¹

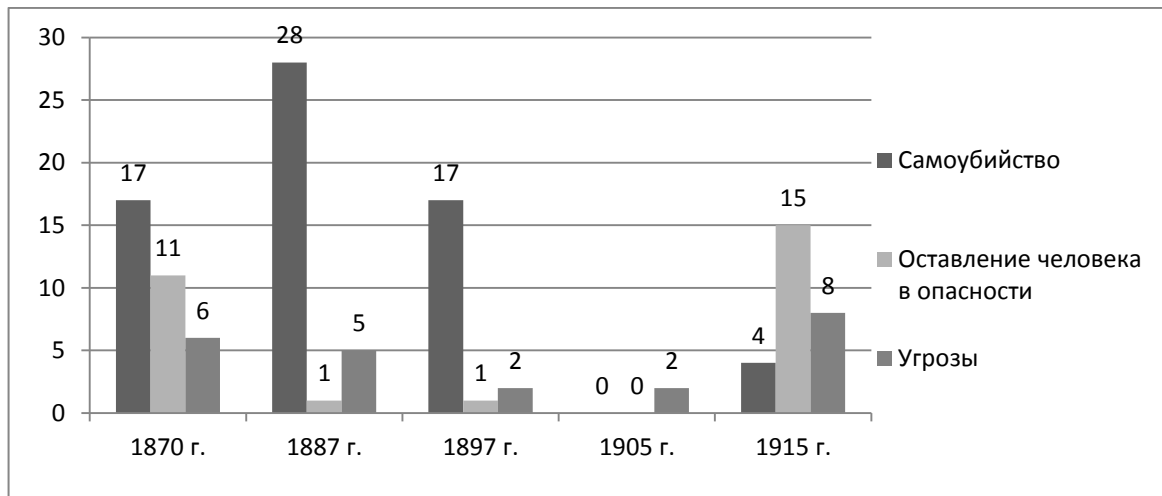
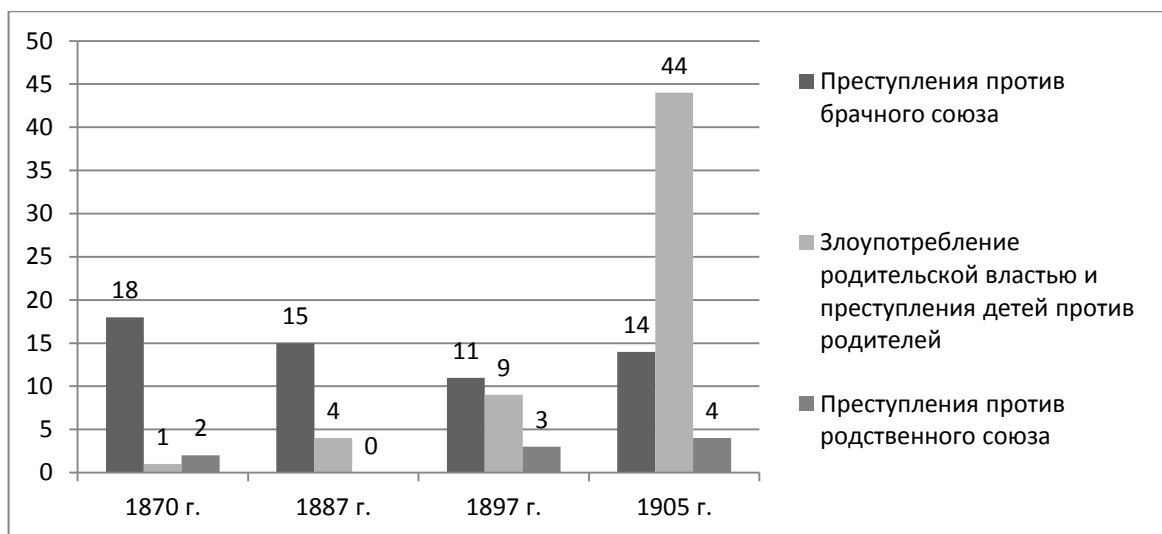

Динамика родов преступлений против личности²

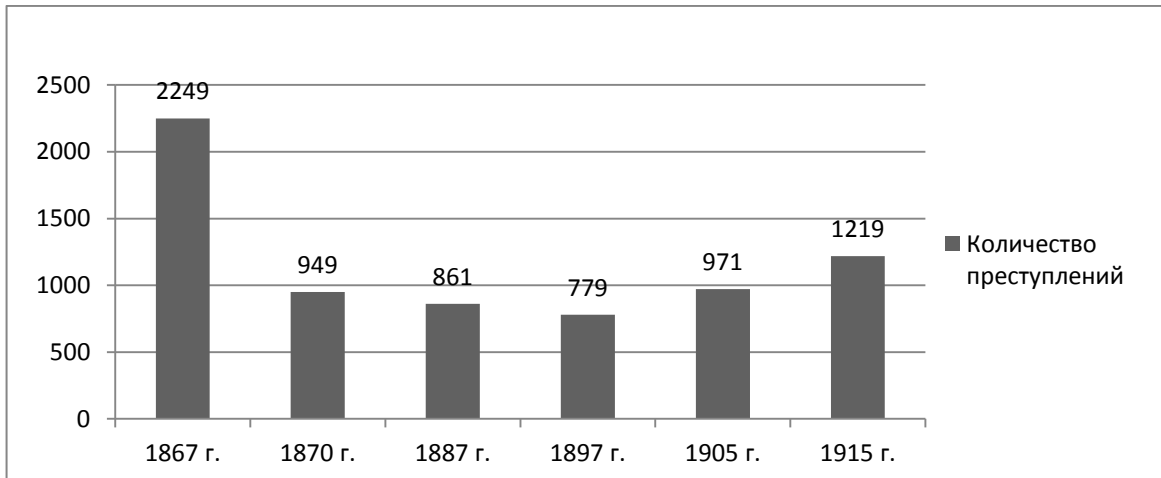
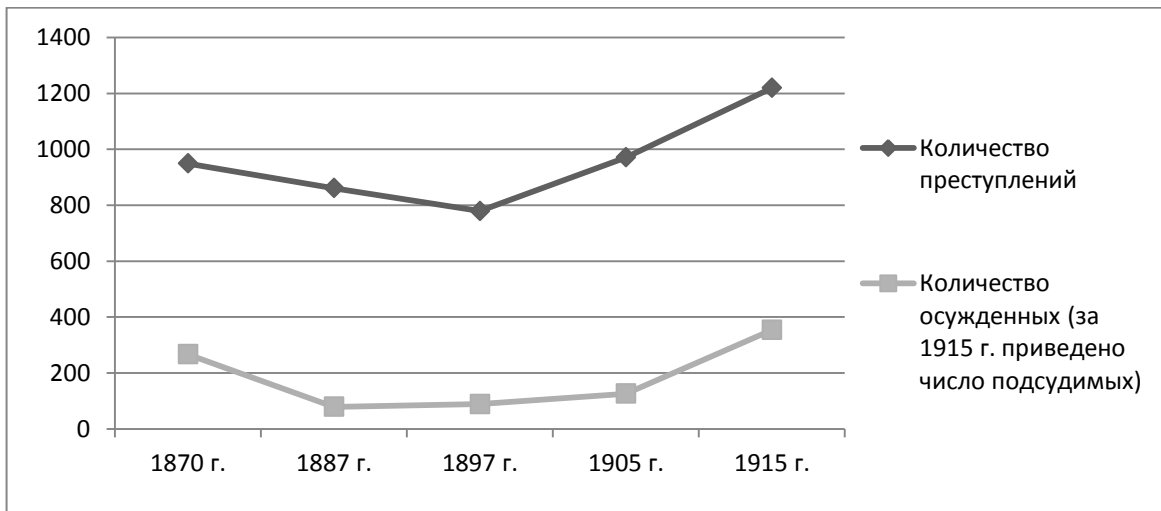
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

Динамика родов преступлений против личности¹Динамика родов преступлений против семейных прав²

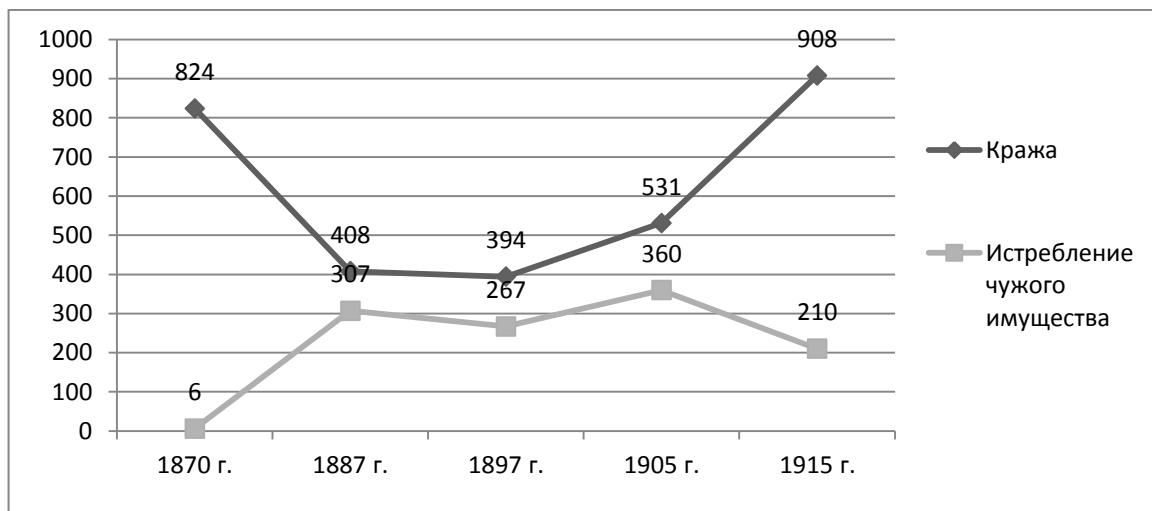
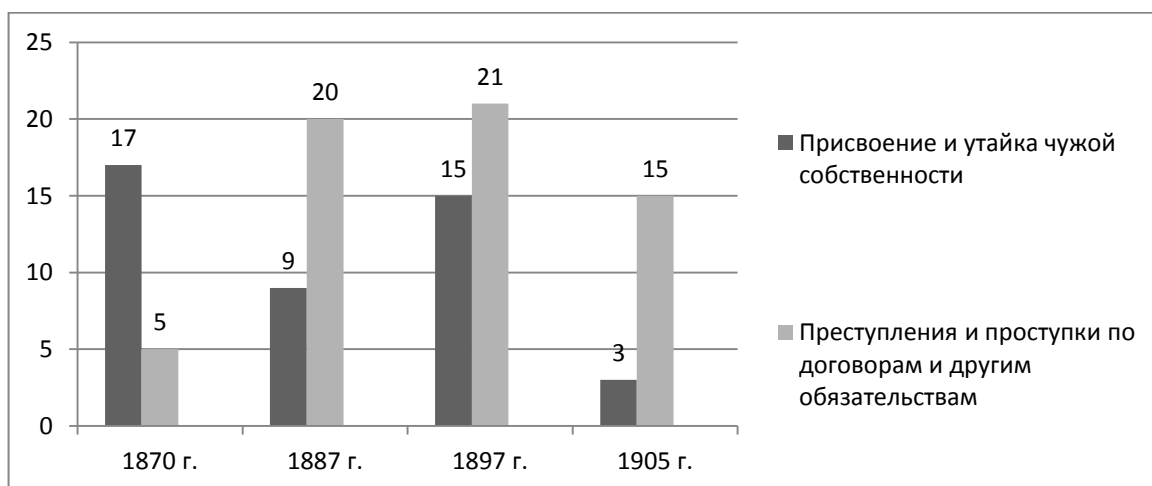
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

Динамика преступлений против собственности частных лиц¹Динамика преступлений против собственности частных лиц и количества осужденных за данный вид противоправных деяний²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 год. С. 33; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

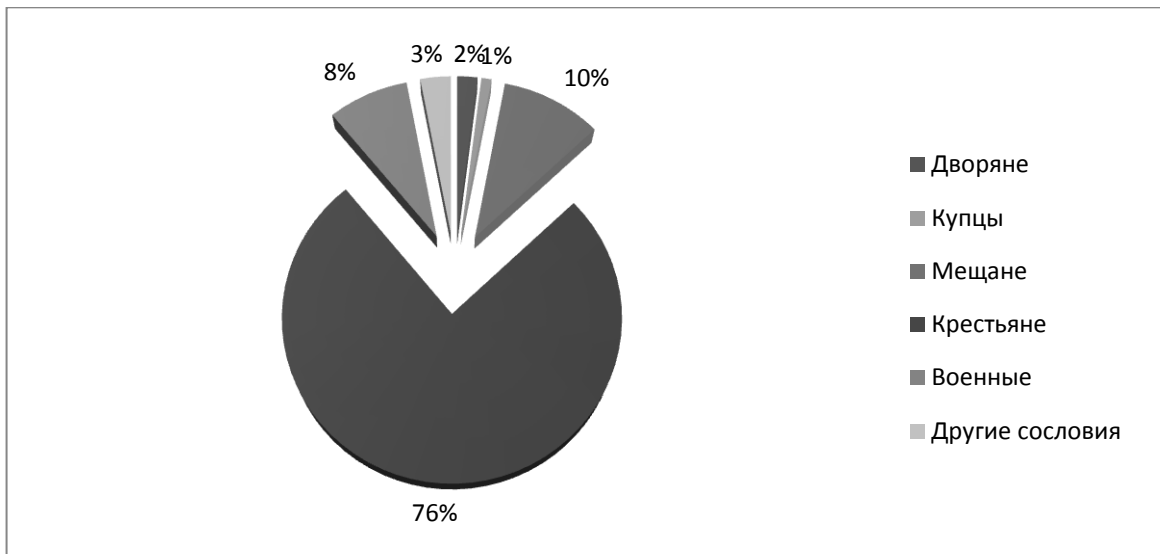
Динамика родов преступлений против собственности частных лиц¹Динамика родов преступлений против собственности частных лиц²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Оп. 47. Д. 43. Л. 55; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 176.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

Распределение осужденных по сословной принадлежности
в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.¹

Количество осужденных по сословной принадлежности в Симбирской
губернии в 1870–1905 гг.²

Год	Дворяне потомствен- ные и личные		Почетные граждане и купцы		Мещане		Крестьяне		Представи- тели военного сословия		Другие сословия	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1870	19	3	7	0	59	7	343	41	39	12	14	3
1887	3	1	3	0	22	3	188	41	21	3	15	0
1897	2	0	0	0	15	6	156	34	23	0	9	0
1905	2	0	0	0	30	0	202	32	5	0	6	0

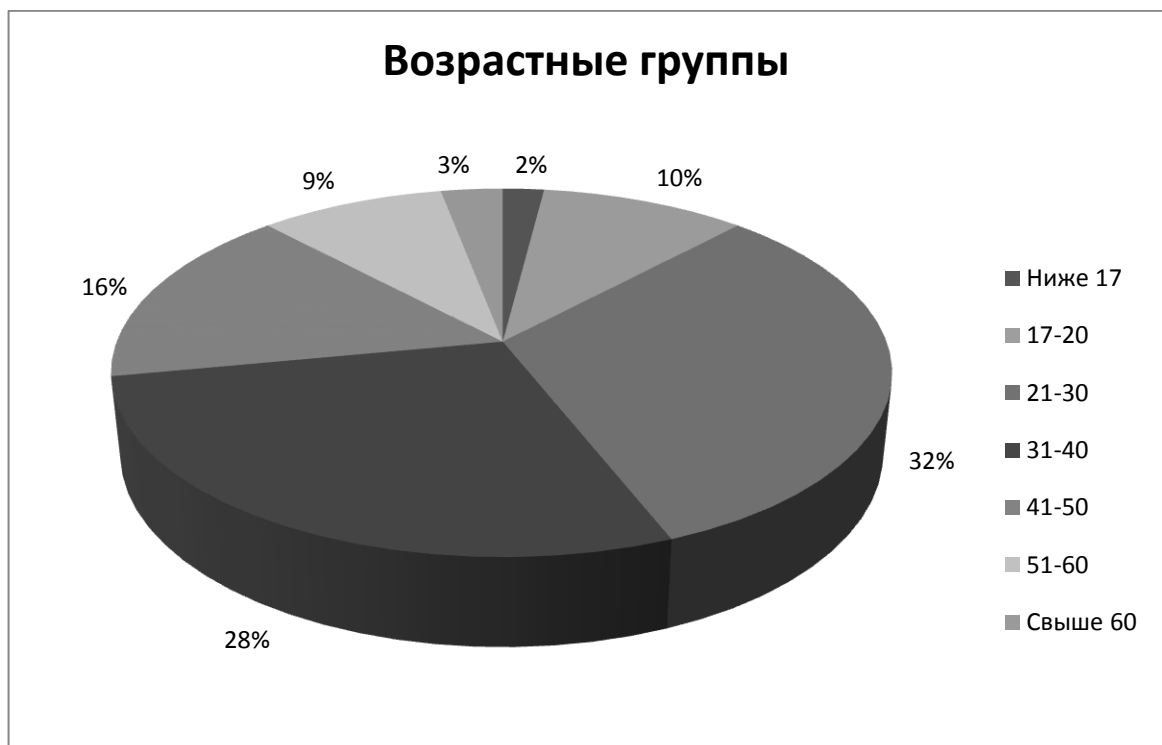
¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–176.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 168–176.

Количество мужчин и женщин, совершивших преступления
в Симбирской губернии в 1870–1905 гг.¹

Год	Мужчины	Женщины
1867	5466*	775*
1870	483	66
1887	258	48
1897	205	40
1905	245	32

Распределение возрастных когорт по интенсивности совершения
преступлений²

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174.

² Составлено по: ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. С. 174–176.

Деятельность судебных следователей Симбирского окружного суда
по расследованию уголовных преступлений в 1911 г.¹

Судебные следователи	Количество следствий, находящихся в делопроизводстве	Количество оконченных следствий	Количество возвращенных следствий на повторное расследование	Число допрошенных свидетелей по оконченным следствиям	Число дней, проведенных в разъездах по служебным делам
По особо важным делам	15	7	0	145	47
1-го участка г. Симбирска	172	148	13	830	0
2-го участка г. Симбирска	48	19	0	50	0
По г. Сызрань	49	25	0	92	0
1-го участка Алатырского уезда	180	169	10	1490	70
2-го участка Алатырского уезда	152	134	14	1411	32
По участку Ардатовского уезда	202	172	8	1053	63
1-го участка Буинского уезда	142	128	6	801	51
2-го участка Буинского уезда	175	155	11	1361	72
1-го участка Карсунского уезда	204	194	18	1430	112
2-го участка Карсунского уезда	187	158	16	729	125
3-го участка Карсунского уезда	60	12	3	56	15
1-го участка Курмышского уезда	210	193	23	1327	63
2-го участка Курмышского уезда	162	129	5	520	22
1-го участка Сенгилеевского уезда	139	117	8	930	92

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 42. Д. 37. Л. 54–57.

Судебные следователи	Количество следствий, находящихся в делопроизводстве	Количество оконченных следствий	Количество возвращенных следствий на повторное расследование	Число допрошенных свидетелей по оконченным следствиям	Число дней, проведенных в разъездах по служебным делам
2-го участка Сенгилеевского уезда	131	98	10	570	60
1-го участка Симбирского уезда	202	177	33	1869	107
2-го участка Симбирского уезда	223	202	4	947	78
1-го участка Сызранского уезда	219	180	4	957	9
2-го участка Сызранского уезда	188	165	10	630	76
3-го участка Сызранского уезда	165	145	5	795	35

Динамика следствий, находившихся в делопроизводстве
у судебных следователей Симбирского окружного суда в 1871–1915 гг.¹

Судебные следователи	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1902 г.	1911 г.	1915 г.
По особо важным делам	29	91	21	10	15	21
По г. Симбирску	203	181	183	143	220**	297**
По г. Сызрань	208	216	155	198*	49	232
1-го участка Алатырского уезда	114	122	128	158	180	135
2-го участка Алатырского уезда	91	138	115	147	152	98
По участку Ардатовского уезда	148	175	108	141	202	141
1-го участка Буинского уезда	201	238	131	89	142	101
2-го участка Буинского уезда	165	262	243	103	175	127
1-го участка Карсунского уезда	247	214	190	155	204	77
2-го участка Карсунского уезда	150	316	185	122	187	83
3-го участка Карсунского уезда	–	–	–	–	60	120
1-го участка Курмышского уезда	102	197	109	97	210	144
2-го участка Курмышского уезда	107	273	106	107	162	132
1-го участка Сенгилеевского уезда	164	132	160	98	139	110
2-го участка Сенгилеевского уезда	114	143	160	118	131	81
1-го участка Симбирского уезда	169	197	144	115	202	104
2-го участка Симбирского уезда	173	176	177	163	223	113
1-го участка Сызранского уезда	127	391	123	198	219	221
2-го участка Сызранского уезда	128	250	153	110	188	97
3-го участка Сызранского уезда	–	69	124	94	165	93
Всего	2640	3781	2715	2366	3225	2527

* Включая территорию волостей, прилегающих к городу Сызрань.

** Приводятся данные по двум участкам г. Симбирска.

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 2. Д. 7; Оп. 13. Д. 6; Оп. 23. Д. 45; Оп. 33. Д. 36; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43.

Деятельность Симбирского окружного суда в 1870–1915 гг.¹

Год	Рассмотрено уголовных дел				Оправдано подсудимых			Осуждено подсудимых		
	С участием присяжных заседателей	Без участия присяжных заседателей	Других дел	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1870	–	–	99	99	–	–	–	–	–	–
1871	229	107	1275	1611	87	14	101	246	28	274
1872	399	150	926	1475	176	27	203	487	48	535
1873	428	141	1234	1803	217	29	246	583	54	637
1874	458	138	1294	1890	190	44	234	431	27	458
1875	407	92	1255	1754	165	28	193	439	35	474
1876	482	135	1337	1954	237	34	271	440	25	465
1877	457	175	1309	1941	291	48	339	495	49	544
1878	521	171	1527	2219	280	44	324	530	53	583
1879	425	158	1465	2048	237	40	277	407	23	430
1880	547	177	1647	2371	366	55	421	486	43	529
1881	563	147	1643	2353	325	54	379	466	32	498
1882	509	187	1303	1999	306	42	348	492	34	526
1883	355	161	1114	1630	295	39	334	346	24	370
1884	392	169	1153	1714	286	45	331	406	31	437
1885	357	175	1184	1716	250	29	279	445	65	510
1886	326	216	1198	1740	207	33	240	431	38	469
1887	329	334	1383	2046	284	56	340	541	76	617
1888	406	278	1312	1996	260	40	300	655	73	728
1889	450	272	1346	2068	216	52	268	729	90	819
1890	382	261	1448	2091	182	31	213	576	63	639
1891	407	263	1877	2547	221	44	265	749	78	827
1892	451	268	1631	2350	247	30	277	703	71	774
1893	411	270	1359	2040	218	41	259	698	64	762
1894	351	385	1337	2073	267	52	319	613	64	677
1895	293	233	74	600	170	42	212	386	63	449
1896	306	251	57	614	223	42	265	384	40	424
1897	248	264	70	582	153	20	173	343	58	401
1898	269	252	65	586	225	40	265	386	41	427
1899	257	219	85	561	233	28	261	356	44	400
1901	263	207	–	470	–	–	179	–	–	392
1902	265	195	–	460	–	–	225	–	–	425
1911	–	–	–	3553	–	–	352	–	–	594
1915	–	–	–	3057	–	–	260	–	–	545

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 30. Д. 30. Л. 28–31; Оп. 34. Д. 59. Л. 32; Оп. 42. Д. 37. Л. 25, 28; Оп. 47. Д. 43. Л. 17 об. – 19.

Количество осужденных Симбирским окружным судом к различным мерам наказания в 1871–1899 гг.¹

Год	На каторжные работы	На поселение в Сибирь	В арестантское отделение	К тюремному заключению	К аресту	К денежному взысканию и другим наказаниям
1871	14 (5,1 %)	17 (6,2 %)	101 (36,9 %)	97 (35,4 %)	32 (11,7 %)	13 (4,7 %)
1872	35 (6,5 %)	25 (4,7 %)	155 (29 %)	203 (38 %)	74 (13,8 %)	43 (8 %)
1873	40 (6,3 %)	39 (6,1 %)	189 (29,6 %)	245 (38,5 %)	65 (10,2 %)	59 (9,3 %)
1874	27 (6 %)	37 (8 %)	195 (42,6 %)	109 (23,8 %)	51 (11,1 %)	39 (8,5 %)
1875	28 (5,9 %)	34 (7,2 %)	162 (34,2 %)	166 (35 %)	54 (11,4 %)	30 (6,3 %)
1876	19 (4,1 %)	33 (7,1 %)	216 (46,5 %)	107 (23 %)	42 (9 %)	48 (10,3 %)
1877	37 (6,8 %)	36 (6,6 %)	174 (32 %)	178 (32,7 %)	70 (12,9 %)	49 (9 %)
1878	37 (6,4 %)	74 (12,7 %)	247 (42,4 %)	107 (18,4 %)	78 (13,4 %)	40 (6,7 %)
1879	30 (7 %)	57 (13,3 %)	152 (35,4 %)	81 (18,8 %)	77 (17,9 %)	33 (7,6 %)
1880	43 (8,1 %)	51 (9,6 %)	187 (35,4 %)	106 (20 %)	84 (15,9 %)	58 (11 %)
1881	18 (3,6 %)	49 (9,8 %)	193 (38,8 %)	147 (29,5 %)	64 (12,9 %)	27 (5,4 %)
1882	29 (5,5 %)	43 (8,2 %)	151 (28,7 %)	162 (30,8 %)	95 (18,1 %)	46 (8,7 %)
1883	25 (6,8 %)	25 (6,8 %)	142 (38,3 %)	115 (31,1 %)	32 (8,6 %)	31 (8,4 %)
1884	23 (5,3 %)	52 (11,9 %)	149 (34 %)	121 (27,7 %)	55 (12,6 %)	37 (8,5 %)
1885	35 (6,8 %)	49 (9,6 %)	160 (31,4 %)	127 (24,9 %)	79 (15,5 %)	60 (11,8 %)
1886	19 (4,1 %)	33 (7 %)	145 (30,9 %)	127 (27,1 %)	94 (20 %)	51 (10,9 %)
1887	18 (2,9 %)	57 (9,2 %)	119 (19,3 %)	143 (23,2 %)	166 (26,9 %)	114 (18,5 %)
1888	41 (5,6 %)	79 (10,8 %)	181 (24,9 %)	184 (25,3 %)	156 (21,4 %)	87 (12 %)
1889	48 (5,9 %)	85 (10,4 %)	209 (25,5 %)	168 (20,5 %)	150 (18,3 %)	159 (19,4 %)
1890	23 (3,6 %)	52 (8,1 %)	161 (25,2 %)	191 (30 %)	144 (22,5 %)	68 (10,6 %)
1891	32 (3,9 %)	68 (8,2 %)	189 (22,8 %)	235 (28,4 %)	209 (25,3 %)	94 (11,4 %)
1892	31 (4 %)	100 (12,9 %)	192 (24,8 %)	249 (32,2 %)	149 (19,3 %)	53 (6,8 %)
1893	30 (3,9 %)	99 (13 %)	186 (24,4 %)	222 (29,1 %)	175 (23 %)	50 (6,6 %)
1894	20 (2,9 %)	33 (4,9 %)	162 (23,9 %)	226 (33,4 %)	180 (26,6 %)	56 (8,3 %)
1895	13 (3 %)	41 (9,1 %)	105 (23,4 %)	142 (31,6 %)	103 (22,9 %)	45 (10 %)
1896	24 (5,7 %)	24 (5,7 %)	105 (24,8 %)	152 (35,8 %)	93 (21,9 %)	26 (6,1 %)
1897	10 (2,5 %)	36 (9 %)	74 (18,5 %)	133 (33,1 %)	112 (27,9 %)	36 (9 %)
1898	19 (4,4 %)	22 (5,1 %)	105 (24,6 %)	111 (26 %)	142 (33,3 %)	28 (6,6 %)
1899	9 (2,3 %)	31 (7,7 %)	70 (17,5 %)	127 (31,8 %)	122 (30,5 %)	41 (10,2 %)

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 454. Оп. 30. Д. 30. Л. 33.

Деятельность мировых судей Симбирской губернии в 1876 г.¹

Мировые округа	Рассмотрено уголовных дел	Количество дел, оконченных миром	Общее число подсудимых	Оправдано по уголовным и гражданским делам	Осуждено по уголовным и гражданским делам
<i>Алатырский</i>					
У мировых судей	850	51	1590	760	619
На съезде	89	1	–	–	–
<i>Ардатовский</i>					
У мировых судей	449	51	724	303	369
На съезде	38	1	–	–	–
<i>Буинский</i>					
У мировых судей	891	90	1344	464	806
На съезде	79	2	–	–	–
<i>Карсунский</i>					
У мировых судей	734	63	1184	490	500
На съезде	63	–	–	–	–
<i>Курмышский</i>					
У мировых судей	501	68	859	371	357
На съезде	33	–	–	–	–
<i>Сенгилеевский</i>					
У мировых судей	615	96	711	220	389
На съезде	66	–	–	–	–
<i>Симбирский</i>					
У мировых судей	2549	139	3342	1427	2076
На съезде	176	8	–	–	–
<i>Сызранский</i>					
У мировых судей	1772	263	2207	914	927
На съезде	209	10	–	–	–
Всего:					
У мировых судей	8361	821	11961	4919	6043
На съезде	753	22	–	–	–

¹ Составлено по: Календарь Симбирской губернии на 1878 год. С. 158–159.

Деятельность городского судьи 3-го участка г. Симбирска в 1902 г.¹

Вид преступлений	Количество рассмотренных дел	Количество подсудимых, чел.	Количество осужденных, чел.
Религиозные преступления	1	1	1 (100 %)
Преступления против порядка управления	19	40	31 (77 %)
Преступления против государственной собственности	3	3	2 (67 %)
Преступления против общественной безопасности, порядка и здоровья населения	79	185	150 (81 %)
Против жизни, здоровья и личности человека	77	136	32 (24 %)
Против собственности частных лиц	87	123	63 (51 %)
Всего	266	488	279 (57 %)

---

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

Количество дел, направленных к прокурору Казанской судебной палаты
в 1900–1906 гг.¹

Сотрудники прокурорского надзора окружного суда	Обвинительные акты и заключения		Заключения об изменении подсудности		В порядке частного обвинения	
	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.	1900 г.	1906 г.
Прокурор	2	2	1	2	0	0
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	20	41	1	2	2	6
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	32	50	4	3	12	6
Товарищ прокурора по Буинскому участку	24	68	2	3	11	9
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	25	39	8	6	13	4
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	20	63	0	11	4	0
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	66	70	4	2	4	16
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	45	67	1	1	7	1
Всего	234 (76 %)	400 (85 %)	21 (7 %)	30 (6 %)	53 (17 %)	42 (9 %)

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 2 об.; Оп. 37. Д. 18. Л. 89 об.

Деятельность прокуратуры по обвинению лиц,
привлеченных к ответственности в судебных заседаниях

Симбирского окружного суда в 1900–1906 гг.¹

Прокурорский надзор окружного суда	Количество произнесенных обвинительных речей в судебных заседаниях			
	с участием присяжных		без участия присяжных	
	1900 г	1906 г	1900 г	1906 г
Прокурор	0	0	0	0
Товарищ прокурора по Алатырскому участку	23	39	20	19
Товарищ прокурора по Ардатовско-Курмышскому участку	35	31	31	53
Товарищ прокурора по Буинскому участку	12	54	17	22
Товарищ прокурора по Карсунскому участку	26	46	32	17
Товарищ прокурора по Сенгилеевскому участку	25	28	17	10
Товарищ прокурора по Симбирскому участку	64	22	38	21
Товарищ прокурора по Сызранскому участку	47	43	48	36
Всего	232	263	203	178

¹ Составлено по: ГАУО. Ф. 108. Оп. 31. Д. 3. Л. 3; Оп. 37. Д. 18. Л. 90.